

*Человек угасает, тело его становится прахом,
Все близкие его исчезают с земли,
Но писания заставляют вспомнить его
Устами тех, кто передает это в уста другие.
Книга нужнее построенного дома,
Лучше гробниц на Западе,
Лучше роскошного дворца,
Лучше памятника в храме.*

***Из египетского текста
конца II тысячелетия до н.э.***

АРБЕН КАРДАШ

СЛОВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

**Дагестанское
книжное издательство
Махачкала 2013**

ББК – 84(2-Лезг) – 4
УДК – 821.351
К – 21

Кардаш А

К-21 Слово продолжается. – Махачкала: ГАУ, «Дагестанское книжное издательство», 2012. – 248 с.

В книгу известного лезгинского поэта и прозаика вошли литературные эссе о лезгинских поэтах прошлого, статьи, отзывы, заметки и размышления автора о произведениях своих собратьев по перу.

Книга адресована всем, кто интересуется литературой.

ББК – 84(2-Лезг) – 4
УДК – 821.351

К $\frac{4702380104 - 31}{M123 - 2013}$ – 2013

ISBN 978-5-297-01742-9

© Кардаш А., 2013
© Дагестанское
книжное
издательство, 2013

*УШЕДШИЕ В
КОРНИ*

ВОЗВРАЩЕНИЕ НИЗАМИ

Вопрос о национальной принадлежности Низами Гянджеви (1141–1209) возник в конце 30-х годов прошлого века. До этого его было принято считать персидским поэтом, поскольку писал свои творения на языке фарси. Такого же мнения придерживался и известный ориенталист XIX в. М.Казем-Бек, азербайджанец по национальности.

Люди старшего поколения еще помнят, как в 1939 году на первых полосах азербайджанских газет напечатан был заголовок: «Тов. Сталин подарил нам великого Низами!»

Тому, несомненно, способствовала газета «Правда». В ней 3 апреля 1939 года вышла статья украинского поэта Миколы Бажана, в которой говорилось: «Товарищ Сталин говорил об азербайджанском поэте Низами, цитировал его произведения, чтобы словами самого поэта разбить безосновательность того утверждения, что, дескать, этого великого поэта нашего братского азербайджанского народа нужно отдать иранской литературе только потому, что он, мол, большинство своих поэм писал на иранском языке. Низами в своих поэмах сам утверждал, что он вынужден был прибегнуть к иранскому языку, ибо ему не разрешают обращаться к своему народу на родном языке. Вот именно это место и цитировал товарищ Сталин, гениальным размахом своей мысли и эрудиции охватывая все выдающееся, что создано историей человечества» («Правда», 3 апреля 1939 г.).

Азербайджанские исследователи воспрянули духом, подхватив из рук самого Сталина эстафету «тюркизации» Низами Гянджеви.

Тем не менее существовало и третье мнение среди некоторых европейских исследователей, считавших Низами представителем одного из коренных народов Кавказа. Но это мнение раз и навсегда было отброшено и забыто.

То, что уточнение национальности Низами в советской литературоведческой науке проходило без учёта низамиведами кавказско-албанского ареала как самой Гянджи, так и всей северо-западной части современного Азербайджана, говорит о сомнительности официальной версии биографии поэта.

Как известно, все в основном данные, имеющие отношение к биографии стихотворца, взяты из его произведений. Но закономерен вопрос: вся ли информация подобного рода исчерпана до мелочей?

Азербайджанские исследователи местом рождения Низами называют Гянджу, что позволяет им называть поэта тюрком, основываясь на предполагаемом превалировании тюркского элемента в многонациональном городе, хотя присутствие там в XII веке тюрков вопрос еще не доказанный.

Версию иранских учёных, основывающихся на стихах самого Низами о том, что он «из горной области города Кум», азербайджанская сторона рьяно опровергает, считая эту строку позднейшей вставкой. Такой линии придерживался и Е.Э.Бертельс: «Местом рождения Низами все старые источники считают Гянджу. Однако более поздние авторы (например, Лutf-Али-бек Азар) вместо Гянджи называет город Кум. Это утверждение возникло, вероятно, на основании таких двух бейтов в тексте «Икбал-наме»:

*Хотя я затерян в море Гянджи, словно жемчужина,
но я из горной области города Кум.
В Тафрише есть деревня, и своё имя (или славу. – Е.Б.)
Низами стал искать оттуда.*

Однако эти два бейта, по-видимому, являются позднейшей вставкой».

Талышский учёный академик З.М.Буниятов в своей книге «Государство Атабеков Азербайджана» придерживается иного мнения: «Низами родился в городке Кум («Хотя я и затерян в море Гянджи, словно жемчужина, но я из горного городка Кум»). Село Кум, – продолжает учёный, – и сейчас существует в Кахском районе Азербайджанской ССР, и утверждения о происхождении Низами из иранского Кума должны быть отброшены. К тому же известно, что Низами никогда не покидал своей родины».

И эта версия также не могла устраивать сторонников тюркского происхождения Низами по той же «национальной» причине – в селе Кум, что в Азербайджане, испокон веков жили и живут по сей день лезгины и цахуры, являющиеся представителями лезгинской группы языков.

Вернёмся к двум приведённым выше бейтам. Опровергая их, Е.Э.Бертельс в своём труде опирается и на мнение известного исследователя из Ирана, азербайджанца по национальности: «Такого мнения придерживается и В.Дастгирди, ссылаясь на то, что, во-первых, в наиболее старых рукописях поэмы они отсутствуют и, во-вторых, они разрывают два тесно связанных по мысли бейта, т.е. предшествующий им и следующий за ними, а именно:

*Низами, открой засовы сокровищницы!
Доколе же [твой удел] – пленение в Гяндже?
Доставай, если ты добыл дичину,
Пускай в оборот, если ты накопил клад!*

Интерполятор, видимо, решил использовать оборот «пленение в Гяндже» и потому именно сюда и вставил лишние бейты, не заметив, что тем самым он нарушает связь между стихами».

Нам кажется, что вставкой здесь является только один бейт, касающийся деревни в иракской области Тафрише, а предыдущие две строки («Хотя я затерян в море Гянджи, словно жемчужина, но я из горной области города Кум») складно вплетаются в основную канву текста, подтверждая свою подлинность, и вовсе не относятся к словосочетанию «пленение в Гяндже», а продолжают и дополняют мысль о «сокровищнице».

Следует напомнить, что название Гянджа происходит от арабского «Джанза» и означает «казна». Быть даже «жемчужиной» в «казне» тяготит поэта, он жаждет свободы и простора, иных «жемчужин» и высот. В противовес «закрытости» «сокровищницы» он называет свою малую родину Кум. Свобода ему дороже казны. Обыгрывая персидское слово «кум» («море») с названием родного города, поэт глубине «моря Гянджи» противопоставляет кумскую высоту:

*Низами, открой засовы сокровищницы!
Доколе же [твой удел] – пленение в Гяндже?
Хотя я затерян в море Гянджи, словно жемчужина,
Но я из горной области города Кум.*

Просто и ясно. И далее текст идёт плавно, не нарушая своей первоизданной подлинности. А к названию города Кум мы ещё вернёмся.

Основоположник азербайджанского литературоведения Ф.Кочерли (ум. в 1920 г.), считавший Низами персидским поэтом, в своём труде «Литература Азербайджана» по поводу персидского слова «Кухиستان» («горная область») придерживался иного прочтения и однозначно

выдвигал «Кахистан», тем самым выражая свою убежденность в происхождении Низами из Кума Кахской области Азербайджана.

Сохранившееся до наших дней селение Кум в средние века являлся городом, о чём свидетельствовали и раскопки, проведённые здесь в 30-е годы прошлого века. Об этом писал археолог Р.Мустафаев в статье «Археологические памятники эпохи Низами» (Сборник «Низами», книга 1. Баку, Азернешр, 1940, с. 62).

Да и сам Низами в бейте из поэмы «Хосров и Ширин» также недвусмысленно намекает на своё негянджинское происхождение:

*Я – море. Жемчугом я **ваи** (выделено мной. – А.К.)
наполнил город,
А вы мне камешки насыпали за ворот.*

(Перевод К. Литскерова).

Да и приставку «Гянджеви» к имени поэта добавили переписчики и читатели, а не сам Низами. Ни в одном своём произведении он к своему имени не прибавляет это слово.

О том, что поэт не принадлежит персидской культуре, низамиведами также обнародовано немало доказательств.

Более убедительным кажется свидетельство известного востоковеда Ю.Н.Марра, относящееся к 1925 году. Академик общался в Иране с разными слоями населения и представителями интеллигенции и был удивлён отрицательным отношением персов к Низами и его современнику поэту Хакани.

«Я несколько раз уже упоминал имена Хакани и Низами, – рассказывал позже учёный в своих лекциях, – и думаю, что нелишне будет сказать об отношении к этим двум авторам в современном Иране.

В Тегеране я встречался с правнуком знаменитого Каем Мекама, поэта, более известного как прозаика и стилиста, автора знаменитого послания Фатхали-шаха Николаю I по поводу убийства Грибоедова. Отпрыски этой фамилии воспитывались в духе староперсидской литературной традиции. Он так отзывался о Хакани: «Это большой камень, летящий с горы; вертится, прыгает, шумит и всё без толку». Такое представление о Хакани объясняется, думаю... тем, что, подобно Незами, он поэт, чуждый нынешней персидской интеллигенции не только классово, но и этнически. Ведь он, как и Незами, мать которого была не персианка, а куртинка, жил в окружении кавказского культурного мира, благодаря чему оба автора мало приемлемы для современного перса-интеллигента».

Ю.Н. Марр также имел разговор с Бехаром, получившим в Иране титул короля поэтов – «Мелик уш шуера», который сказал: «Репутация Незами страдает от отсутствия хорошо написанных рукописей Хамсэ... С самого начала они переписывались с ошибками. Вот почему он не пошёл в ход» (Ю.Н. Марр. Собрание сочинений, т. II, с. 126. Академия наук, 1939).

Изначальное неприятие Низами в Иране наверняка объяснялось принадлежностью поэта к суннитскому расколу в исламе, о чём не любят упоминать азербайджанские учёные, считающие стихотворца тюрком. Иранский город Кум с самого раннего периода нашествия арабов в Персию сделался одним из центров шиитского фанатизма, каким остаётся до сих пор.

Кампанию за безоговорочную принадлежность Низами Ирану в этой стране подняли только в 40-е годы прошлого столетия, накануне юбилея поэта, когда он И.В.Сталиным по-царски был «подарен» азербайджанскому народу.

Тем не менее и для иранской, и для азербайджанской сторон следовало бы взять во внимание неоспоримый факт принадлежности Низами к суннитам.

Поэт в своих стихах боролся с небольшим кругом шиитов в Гяндже, которые завидовали поэту и всячески мешали ему. Шииты, как правило, выступают против учения о том, что у Аллаха 99 качеств и 1001 имя.

В поэме «Лейли и Меджнун» (глава «Жалоба на завистников и злопыхателей») есть такие строки:

*Мне «Низами» прозвание дано,
Имён в нём тыща и еще одно.*

(Перевод Т.Стрешиновой).

Действительно, числовое значение букв в имени поэта в сумме составляет цифру 1001.

Суннитская репутация Низами отдаляет его и от принадлежности к тюркам, так как азербайджанцы также являются шиитами. Если в этом народе были и есть последователи суннизма, то это, несомненно, представители коренных народов Кавказа, подвергшиеся насильственной тюркской ассимиляции.

Знаменитый космограф и географ Закарийя ал-Казвини (1203-1283) в своём географическом произведении «Памятники стран и известия о людях», к которому мы ещё вернёмся в конце статьи, писал о Гяндже: «Жители его сунниты, благочестивы, набожны и добры» (см. Д.З. Буниятов. Материалы из сочинений Закарийи ал-Казвини об Азербайджане. Известия Академии наук Азербайджанской ССР, серия истории, философии и права, 1976, № 3, с. 52).

Уже позднее, начиная с XIV в., сунниты постепенно стали вытесняться из Гянджи, к началу XVIII в городе оставалась лишь незначительная часть суннитов.

Известно, что после смерти Низами на могиле поэта в знак признания его святости был построен мазар (мавзолей), который служил местом паломничества правоверных суннитского толка.

Историк и писатель А. Бакиханов (ум. в 1846 г.) в своей книге «Гюлистан-и Ирам» о гробнице Низами писал: «Его разукрашенная ныне великолепная гробница близ города Гянджи существует и поныне».

Е.Э. Бертельс в своём труде о Низами выразил несогласие с А. Бакихановым: «...Однако думать, что в 40-х годах он был особенно великолепен, довольно трудно. В 1292 г.х. (1875) могилу Низами посетил каджарский принц Фархад-Мирза Мутамад ал-Даула, о чём он упоминает в своей книге «Хидайят ас-сабил» («Руководство в пути»): «Когда мы проехали еще семь вёрст, посреди пути был небольшой гумбаз (купол), который наполовину разрушился. Это могила шейха Низами, от неё до Гянджи семь вёрст. Я спешил и пошёл к могиле. Но караульные с поста, находящиеся поблизости, положили в этот купол столько сена для своих лошадей, что войти не было возможности».

Дальнейшие годы, – продолжает Е.Э. Бертельс, – принесли ещё большие разрушения. В конце концов здание пришло в такой упадок, что оставалось только удалить его остатки и заменить его другим. Это было сделано в 1932 г.».

Данное свидетельство А. Бакиханова всё-таки имело под собой реальную основу, поскольку историк далее пишет о гробнице: «Мирза Адигезаль Карабагский, капитан русской службы, ныне восстанавливает ее». Ф.Кочерли также писал, что гробница поэта была восстановлена по инициативе А.С. Грибоедова, который был знаком с А.Бакихановым. К месту вспомним «Путевые заметки» писателя и дипломата, где 26 июня 1827 было записано: «... Рассказ Аббас-Кули (Бакиханова. – А.К.), что Елизаветпольское сражение дано на могиле поэта Низами».

Тем не менее после восстановления могила опять пришла в запустение, о чём также существует свидетельство Ф.Кочерли: «В настоящее время могила и мавзолей поэта в

разрушительном состоянии, и путники пользуются гробницей как укрытием для своих лошадей и ослов, защищая их зимой от холода, а летом от жары. Это ли наше уважение к великому поэту?!»

О чём могло говорить такое отношение жителей Гянджи этого периода к месту захоронения поэта?

Ответ один: гробница шейха целенаправленно не почиталась шиитами по причине принадлежности Низами к суннизму. Это еще одно доказательство того, что в Гяндже со временем усилилось шиитское влияние. И в Лезгистане, и в Азербайджане можно и сейчас найти множество более древних могил и гробниц суннитских и шиитских шейхов, беспрерывно почитавшихся и почитаемых верующими соответствующих мусульманских расколов. Признание Низами своим поэтом в Азербайджане произошло только в период Советской власти, когда религиозные убеждения поэта не принимались во внимание.

Лезгины в своей истории неоднократно пытались вернуть Гяндже и другим исконно лезгинским городам суннитскую репутацию, но безуспешно. К примеру, можно назвать военные выступления южных (кахских, джарских, кубинских и др.) лезгин во главе с Хаджи-Даудом и Али-Султаном в начале XVIII в. Об этом подробно писал в своей «Краткой истории страны Албанской» католикос Есаи Хасан-Джалалян (Баку, «Элм», 1989).

Одним словом, суннизм Низами Гянджеви – факт бесспорный.

Тем не менее после нашествия монголов, полчищ хромого Тимура, когда у предков азербайджанцев – огузов совместно с завоевателями образовался новый усиленный тюркский субстрат, частично ассимилировавший лезгинские племена и вытеснивший основную их часть со своих исконных территорий, начиная уже с XIV в. в обрванной среде ценителей изящной словесности между

тюрками и иранцами началась негласная борьба за причисление к своей национальной культуре наследия и биографии Низами, несмотря на его суннитское вероисповедание.

То, что Низами не имеет кровной, родовой связи ни с персами, ни с арабами, ни с тюрками, явствует из поэмы «Лейли и Меджнун», где в главе «Причины сочинения книги» поэт пересказывает содержание письма ширванского шаха Ахсатана – заказчика данного произведения:

*Шахиней песен повесть стать должна,
И слов казну растрачивай сполна.
У персов и арабов можешь ты
Убранство взять для юной красоты...
Мы во дворце не терпим тюркский дух,
И тюркские слова нам режут слух...*

(Перевод Т.Стрешиновой).

За последний приведённый бейт азербайджанские учёные нарекли потомка Сасанидской династии доисламских иранских правителей Ахсатана «высокородным шовинистом». Обвинение абсолютно незаслуженное, так как шах наравне с персидскими поэтическими традициями чтит и арабские. А из этого можно сделать вывод, что Низами не является представителем ни персидского, ни арабского народов. Велико его уважение и к Низами. Шах называет поэта «властителем слов», «кудесником».

Тут важно другое. Вернее, важны вопросы, на которые следовало бы обратить внимание, чтобы найти на них более точные ответы.

Мог ли шах написать стихотворцу-тюрку, которому заказывал поэму, что не терпит «тюркский дух»?

Мог ли Низами (допустим, что он – тюрк) поступить своей высокой репутацией шейха и поэта в глазах собственного народа, выполнив заказ венценосца, которому «тюркские слова режут слух»?

Если бы Низами был тюрком, то он в случае невозможности отказать заказчику, скорее всего, дословно не упомянул бы в поэме послание шаха. Но поэта ничуть не задело пренебрежение шаха к «тюркскому духу». Наоборот, Низами с огромной радостью взялся за работу над поэмой, чьи «четыре тыщи бейтов» были написаны «в четыре месяца»:

*Коль не было докучных мелочей,
Сложил бы их в четырнадцать ночей, –*

(Перевод Т.Стрешиновой).

писал поэт. Здесь чувствуется только вдохновенность автора заказом шаха.

Некоторые учёные пишут, что «оскорблённый в своих национальных чувствах поэт в конце поэмы дал достойную отповедь» Ахсатану.

Ничего подобного в финале поэмы «Лейли и Меджнун» нет. Напротив, Низами адресует шаху ряд добрых советов и пожеланий:

*Как добрый талисман с собой возьми
Все эти пожеланья Низами.*

(Перевод Т.Стрешиновой).

Иные «комментаторы» стихов поэта слова Ахсатана «раб дружбы верной», с которыми шах обратился к стихотворцу, выдают за иносказательную форму унижения, напоминания Низами, что он раб венценосца. Но этот фразеологический оборот говорит всего лишь о преданности взаимной дружбе правителя и творца, т.е. Ахсатан и себя считает «рабом дружбы».

О дружественных отношениях между Низами и Ахсатаном свидетельствует и тот факт, что шах не обещает

автору будущей поэмы никакого вознаграждения за труд. «Нет смелости, чтоб отписать отказ», – эти слова поэта также указывают на его тесную дружбу с шахом.

В оригинале строка «Тюркские слова нам режут слух» имеет несколько отличный смысл: «На тюркский манер слова нам не подобают». Шах пишет: «нам», т.е. он имеет в виду себя и своего адресата и прямо подчёркивает, что они не турки. В этой и в предыдущей строке этого бейта нет и намёка на будущее произведение. Ахсатан, видимо, напоминает слова, когда-то данные поэтом и шахом друг другу на преданность обоюдной дружбе, основанной на недоверии к тюркским манерам и исключающей разговор о вознаграждении. Тем более в одной из рукописей XIV века этот бейт имеет более точную версию:

*Верность наша не отличается тюркскими свойствами,
Тюркские свойства нам не подобают.*

Низами, подведя читателя к письму Ахсатана, пишет:

*Я с наслажденьем вчитываться смог
В пятнадцать дивных, несравненных строк.
Светились буквы, разгоняя мрак,
Как драгоценный камень шаб-чираг.*

(Перевод Т.Стрешиновой).

А идущие после шахского послания строки явно выглядят поздней интерполяцией, поскольку противоречат строкам, предваряющим письмо:

*Я помертвел – выходит, что судьба
Кольцо мне вдела шахского раба!*

Дальше в тексте речь идёт о том, что Низами из-за слабого здоровья и преклонных лет не хотел взяться за исполнение шахского заказа. Но тут подошёл сын поэта

Мухаммед и уговорил отца начать работу над поэмой «Лейли и Меджнун».

О том, с какой одухотворённостью поэт сложил поэму, мы уже выше сказали. Ведь не могло быть такого, чтобы Низами, до написания поэмы обрадовавшийся посланию, включив его в повествование, испытывал себя оскорблённым. А добрые пожелания и советы, адресованные Ахсатану в конце поэмы, никаких иносказательных намёков не содержат, а свидетельствуют лишь о взаимном доверии и дружбе между венценосцем и поэтом, который давал такие советы и другим властителям.

Теперь перейдем к другому факту из биографии Низами.

Поэт всю жизнь мечтал совершить паломничество в Мекку, но это ему не удалось по неизвестным нам причинам. Также он мечтал освободиться от «Гянджинского заключения» и переехать в Ирак, где поэтов поощряли щедро и по достоинству.

Об этом в «Сокровищнице тайн» имеются такие строки:

*Гянджа узлом завязала мой ворот,
Без [этого] узла сокровища Ирака мои [были бы]...
Зачем ты сидишь со связанными ногами в этой дыре,
[Держа] на ладони такую [прекрасную] иракскую монету?
Освободи стремена от Гянджинского заключения,
У тебя поводья льва, выпусти же [львиные] когти.*

В поэме «Семь красавиц» поэт также сетовал на свою судьбу:

*Я, который заключён в своей области,
И закрыт мне путь бегства назад и вперёд.*

Для установления места рождения эти строки имеют огромное значение. Увы, они почему-то ускользали от

внимания исследователей. Недвусмысленно звучит оборот «путь бегства назад и вперёд».

Если представить себе «путь бегства вперёд», то это должен был бы путь в Мекку, к Каабе, или в Ирак, где труд поэта ценился по заслугам. Если под «путём бегства назад» представить путь в иранский город Кум, то оборот «назад и вперёд» мог бы иметь иную версию, поскольку и Мекка, и Ирак, и иранский Кум находятся к югу от Гянджи. «Путь бегства назад» – это всё-таки путь в обратную сторону, в лезгинский Кум, расположенный к северу от Гянджи!

Тут хотелось бы вернуться к строке «Но я из горной области города Кум». Низами – тонкий мастер развёрнутых метафор – наряду с персидским значением этого слова обыгрывал значение и лезгинского слова «кум» – «утёс», говоря тем самым, что он осколок «утёса», ставший жемчужиной в «море Гянджи».

Теперь обратимся к вопросу присутствия тюрок в Гяндже во времена Низами.

Академик А.Е.Крымский писал: «Что касается присутствия тюркского элемента, то собственно Ширван XII века, по-видимому, и вовсе не знал тюрок на своей территории у Гянджи. В остальном Азербайджане тюркские поселения были в XII веке незначительными, но всё-таки имелись» (А.Е.Крымский. «Низами и его современники». Баку, «Элм», 1981, с. 391).

То, что тюрки в Гяндже отсутствовали, но кочевали неподалёку, подтверждают и строки Низами из поэмы «Хосров и Ширин», рассказывающие о гибели жены поэта – кипчакской красавицы Афак:

*По-тюркски тронулась в кочевья, словно нож
В меня вонзив, свершив не тюркский ли грабёж?*

(Перевод К.Липскерова).

Эти же стихи одновременно отражают и недружелюбное отношение Низами к новоявленному племени.

О первых тюрках в окрестностях Гянджи Низами в своей последней поэме «Искандер-наме» также писал:

*Темнолицых бродяг по ложбинам укромным
Вдосталь скрыто. Весь мир они сделали тёмным.*

*Разжигать светлым днём им свой стыдно костёр,
Друг на друга поднять им свой совестно взор.*

(Перевод К. Липскерова).

Еще до времён Низами на Востоке сложилась традиция, получившая развитие у персидских авторов, применять ко всему красивому, белому, изящному эпитет «тюрк». Под этим словом подразумевался прежде всего Китай со своей древнейшей духовной и материальной культурой. Скорее всего, «тюркская белизна» связывалась с вывозимыми из Поднебесной в страны Ближнего Востока фарфором и бумагой.

*Держава тюрок, которая возвысилась,
Обрела власть благодаря любви к справедливости.
Раз ты творишь беззаконие (тиранию),
То ты не тюрк, а вор – индус.*

Эти слова в поэме «Сокровищница тайн» вложены в уста старухи, раздосадованной несправедливостью правления сельджукского султана Санджара. Здесь также речь идёт о китайской державе и о том, что Санджару не дано быть «чистым, белым, изящным», т.е. равным китайскому императору, в правлении государством и заботе о подданных. Говорить, как некоторые исследователи, что на территории Азербайджана когда-либо была держава, которая «возвысилась» «благодаря любви к справедливо-

сти», просто смешно. Несмотря на то, что шах Санджар на самом деле был тюрком, в данном контексте слово «тюрк» («Ты не тюрк») вовсе не имеет отношения к национальности венценосца, а является общепринятым эпитетом, противопоставленным другому традиционному эпитету с негативным значением, т.е. слову «индус» (тайный похититель, вор). Тем более здесь исключено, что один из этих двух противоположных друг другу слов-символов может напрямую говорить о национальной принадлежности шаха Санджара.

Низами говорит и о своём «тюркстве», о своей внешней белизне и изяществе своих творений: «Моего тюркства эти абиссинцы не покупают»¹.

¹ Азербайджанские учёные, обычно не указывая конкретных данных документа, ссылаются на арабского историка и путешественника Ибн Азрака, писавшего в 1070 году, что «Гяндже является великой столицей тюрков». А другой арабский географ и путешественник X в. ал-Мукадаси указывает на то, что в Арране (Кавказской Албании), среди городов которого он называет Берду, Шамхор, Гянджу, Шемаху, Шеки и некоторые другие, говорили по-аррански, т.е. по-лезгински (см. Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа, ч. I, Тифлис, 1901, стр. 29). По нашему мнению, в течение одного столетия национальный состав города не может измениться так резко. Скорее всего, сведения Ибн Азрака не имеют твёрдой основы. Или же он, согласно арабской традиции, намекая на светлый цвет лиц арранцев, называет их тюрками. Кстати, слово «лазги» (лезгин) означает «белый человек»: «лаз» – «белизна», «ги» – «человек». После завоевания лезгинских земель арабами слово «ги» постепенно было заменено словом «инсан». Но «ги» сохраняется в некоторых лезгинских наречиях. Например, в конгломерате сёл нынешних Сулейман-Стальского и Хивского районов Республики Дагестан, называемом Яркар (полагаем, что это потомки древних гаргаров, на основании наречия которых Месроп Маштоц создал кавказско-албанский алфавит), в речи употребляется слово «хюрюрги» – сельский человек. Вдобавок к сказанному следует напомнить и о том, что близ лезгинского села Курах Курахского района Республики Дагестан сохранились остатки древнего городища Гияр, что в переводе означает «люди». В современном лезгинском языке встречается слово «дарги» («даргинец»), что в буквальном переводе означает: человек дерева.

Под «этими абиссинцами» поэт, скорее всего, подразумевает темнолицых курдов, являвшихся также пришлым элементом в Гяндже.

Здесь у нас возникают сомнения по поводу бейта из поэмы «Лейли и Меджнун», где упоминается мать поэта, названная «курдской госпожой».

Во-первых, возникает вопрос: если мать поэта была курдинкой, то мог бы он недружелюбно отзываться о её народе?

Во-вторых, нужно определить принадлежность гянджинских курдов к суннизму, чтобы допустить возможность женитьбы отца будущего шейха на представительнице этого народа. В противном случае их брак не мог состояться. Ведь среди курдов наряду с приверженцами суннизма были и есть последователи шиизма и езидизма. Во времена Низами в Гяндже среди жителей была незначительная часть курдов-шиитов, в чём можно убедиться по напоминанию поэта о своем суннизме, подчеркнутым им в числовом значении букв своего поэтического прозвища («Лейли и Меджнун», «Жалоба на завистников и злопыхателей»). Как известно, городскую власть представляли влиятельные курды, восхваляемые придворными стихотворцами, которые своими бездарными панегириками в адрес местных вельмож раздражали Низами.

В-третьих, для чего нужно было поэту упоминание национальности умершей матери, если он только что перед этим говорил об усопшем отце без упоминания его национальной принадлежности?

В-четвёртых, сам бейт звучит алогично, свидетельствуя о явном его искажении поздними переписчиками.

На языке оригинала двустишие имеет такой вид:

*Гер мадере-мен раисайи курд
Мадер сефатане тише-мен морд.*

Подстрочный перевод:

*Если моя мать [была] курдская госпожа,
С обликом матери передо мной умерла.*

Вопросы, вызванные этим бейтом, и несуразность оборота «...моя мать... с обликом матери...» позволяют допустить, что эти две строки имели совсем иное звучание и смысл.

Возможно, у Низами вместо слова «курд» стояло лезгинское «кард» («сокол», «соколица»), что придаёт строке иной поворот мысли: «...моя мать госпожа-соколица». В древних лезгинских народных песнях целомудренные и красивые женщины имели именно такую приставку-эпитет.

А во второй строке требуется поменять только одну букву в слове «морд» («умерла»), чтобы появилась соответствующая рифма – «мард» («человек»).

Получается двустишие:

*Если моя мать [была] госпожа-соколица,
С обликом матери [теперь] передо мной человек.*

Т.е. возникает намёк на то, что ему, Низами, другой человек напоминает облик умершей матери. Можно предположить, что этот человек – жена поэта Афак, что вполне оправданно.

Но вернёмся к слову «тюрк».

У Низами и Мухаммед назван тюрком, также имея в виду святость и белые одеяния пророка.

В «Искандер-наме», в «Книге о славе» (глава «Китайский хакан принимает у себя Искандера»), встречаются такие строки:

*Будь не тюрком, о тюрк! Мне отрадой повеи,
Хоть часок будь со мною, не морща бровей!*

(Перевод К. Липскерова).

Поэт, обращаясь к Искандеру и называя его тюрком («о тюрк!»), несомненно, вкладывает в слово традиционное значение белизны и могущества. А вот в обороте «будь не тюрком» явно проступает отрицательный оттенок.

Сама фраза целиком «Будь не тюрком, о тюрк!» кажется несуразицей и вызывает сомнение, что Низами мог допустить её. Поэтому можем предположить, что в первой части фразы («Будь не тюрком») поэт обыгрывает похожее слово с негативным значением, так как невозможно, чтобы в одной фразе одно и то же слово звучало в двух противоположных и взаимоисключающих смыслах.

Наверняка в первоначальных текстах Низами вместо слова «тюрк» с отрицательной окраской, появившегося в поздних списках благодаря переписчикам, стояло лезгинское «турк» – «ласка», т.е. хищное животное из семейства кунных. В лезгинском языке этот зверёк имеет и другое, вовсе не случайное, название: «татар кьиф» – «татарская мышь». Этим словом поэт мог называть и первых тюрков в окрестностях Гянджи за их полевой образ жизни. Зная об их тюркском происхождении, стихотворец обыгрывает лезгинское слово «турк», одновременно противопоставляя кочевникам китайское «тюркство».

У Низами встречается еще одно слово лезгинского происхождения.

В качестве примера приведу «Рассказ о хорасанце, обманувшем халифа, и конец рассказа о Марии» из «Искандер-наме» в кратком пересказе, предложенном в книге Низами «Пять поэм» (М., «Правда», 1988, с. 436): «Некий плут из Хорасана приехал в Багдад. Он взял тысячу золо-

тых динаров, размельчил их напильником, смешал золотые опилки с красной глиной и наделал из этой смеси шариков. Шариком он припрятал в лавке торговца всякими снадобьями. Затем плут объявил по всему Багдаду, что он великий алхимик и может сделать из ста динаров тысячу. Халиф попался на обман и выдал ему деньги. Плут велел тогда искать снадобье «табарьяк» (этим словом он обозначил припрятанные ранее шарики). Вскоре ему приносят «табарьяк». В плавильном горне золото отделяется от глины, и данная халифом сумма удесятерится... Тогда халиф дал плуту десять тысяч динаров. Плут же опоил стражу и бежал из Багдада. Халиф понял, что «табарьяк», если прочитать это слово немного иначе, значит «плутовство», и смеялся над хитростью хорасанца. Завершает эту часть главы стих о том, что оболъщённый обманом шарлатанов-алхимиков становится игрушкой в их руках.

В данном рассказе нас интересует слово «табарьяк».

Азербайджанский низамивед Р.М. Алиев по поводу этого слова даёт следующий комментарий: «Смысл слова «табарьяк» до сих пор не раскрыт исследователями. Оно не зафиксировано ни в одном из толковых словарей. Арабский алфавит позволяет читать его по-разному».

Но «табарьяк» – это всего-навсего лезгинское слово «табарак» – «мешок», «мошна». Этот необычный мешок для лезгин служил предметом роскоши. Для его изготовления требовалось немало труда. Первоначально на станке для тканья ковров ткалась небольшая «дорожка» с различными узорами, которую по двум краям зашивали. К мешку приделывались также узорчатые ручки. Во время свадеб лезгинские женщины в табраке носили невесте подарки. Кстати, в припеве одной свадебно-обрядовой песни встречается и другой вариант этого слова – «табарак»: «Мубарак! Мубарак! Табарак-табарак!» Слово «мубарак» имеет несколько значений: «поздравление», «благословение», «счастье». Женщины, весело поздравляя приведён-

ную в дом жениха невесту, желали ей благословения и счастья табарак за табаракком.

Напомню, что плут-хорасанец, прежде чем назвать свои фальшивые бусы «табарьяком», упоминает и слово «мешок»:

*За динар ты как будто купил их, дружок,
Для наживы тебе сшил я крепкий мешок.*

(Перевод К.Липскерова).

Как видим, герой рассказа владел лезгинским языком или же знал хотя бы это одно слово и надеялся, что в Хорасане оно никому не известно. Почему именно это слово? А потому, что хорасанец хотел увести с собой целый мешок золотых динаров. Возможно, обманщик знал и другое лезгинское слово, которое Низами обыгрывает в данном контексте. Это слово «табрукъ» (в разговорной речи возможен вариант: табарукъ) – «лжец», «плут». И это отражено в стихах Низами:

*«Табарьяк» – «плутовство». Всё поймёт грамотей:
Сдвинул точки слегка мастер тонких затей.*

(Перевод К.Липскерова).

В этом двустишии вместо «табарьяк» у поэта в оригинале, несомненно, стояло слово «табарукъ».

Продолжая тему обыгрывания поэтом разных значений слов, можно привести ещё примеры.

В статье А.Бертельса «Низами», послужившей предисловием к упомянутой книге «Пять поэм», сказано: «Десятки раз Низами обыгрывает в поэтических образах представление: земля покоится на рогах быка, стоящего на рыбе. Но он явно не понимает это буквально, для него такая картина – *лишь миф* (курсив мой. – А.К.), ставший

поэтическим штампом. В мифе небо – океан, луна – рыба, бык – солнце, но у Низами «всё, что ни есть на свете», – это «всё от луны до рыбы» только потому, что *мах* (луна) и *махи* (рыба) (курсив мой. – А.К.) по-персидски почти омонимы. В его поэзии своеобразная логика мифа бывает нарушена ради системы образов, но если бы он написал трактат по космогонии, он, вероятно, объяснил бы нам многие детали своих поэм – мы ведь ещё не разобрались в использованной им древней символике».

Низами не мог открыто отрицать принятые представления о средневековой космогонии. Но своё отношение к мифичности представлений о мироздании он всё равно высказывал по-своему: поэт в ряду упомянутых А.Бертельсом омонимов не упускает из виду и лезгинское слово «мах» – «сказка», «миф», значение которого играет главенствующую роль в данной цепочке смыслов.

И слово «макъ», означающее «бычий жир», также убедительно вписывается в «систему образов» Низами.

Таким же образом нельзя сбрасывать со счетов еще несколько лезгинских слов, обыгрываемых поэтом в названии поэмы «Хефт пейкар» (в другой вариации – «Хафт пайкар»), известной в русском переводе как «Семь красавиц».

Приведём комментарий Р.М.Алиева по поводу названия поэмы: «Персидское слово «пейкар» может быть переведено словом «красавица» с большой натяжкой. В классической персидской поэзии, в частности в поэме Низами, оно означает: 1) тело, фигура; 2) небесное тело, планета, звезда; 3) портрет, картина и лишь условно (метафорически) – красавица. Не случайно Алишер Навои, создавший свою «Пятерицу» как бы в ответ на поэмы Низами, назвал свою поэму на этот же сюжет «Семь планет».

В зависимости от контекста Низами употребляет слово «пейкар» почти во всех вышеперечисленных значениях. В название поэмы он, скорее всего, вкладывал смысл «небесное тело», «звезда», – пишет исследователь.

Самые главные значения, вложенные поэтом в название поэмы и важные для автора, всё же скрываются в лезгинском языке!

Поэт, бесспорно, обыгрывает следующие похожие на «пейкар» слова:

«Пайкар»² – пояс, часть земной поверхности, выделяемой по какому-нибудь признаку. Это древнее лезгинское слово равнозначно арабскому слову «иклим». Герой поэмы Бахрам взял себе в жёны семь красавиц, вывезенных из семи поясов земли. На средневековом Востоке обитаемый мир разделялся на семь поясов-климов: Хорасан, Туркестан, Ирак, Занзибар, Рум, Индостан, Египет. Жёны царя Бахрама представляли Индию, Туркестан, Хорезм, Славянские земли, Магриб, Рум, Иран. Здесь можно предположить, что Низами в поэме вносит свои коррективы в традиционное деление обитаемой суши на различные климатические пояса, носящие зональный характер.

«Пекар» (в ахтынском наречии лезгинского языка встречается вариант «пекар») – одежды. В каждой главе поэмы речь идёт о шахских одеяниях.

«Пайгар» – балансир, помогающий канатоходцу ходить по высоко натянутому канату и исполнять свои трюки. Сказки, рассказываемые красавицами – героинями поэмы, носят в себе глубокий тайный смысл, постижение которых даёт в самосовершенствовании опору и равновесие. Слово имеет и другие значения – «прочность», «упорядоченность», которые являются явным намёком на представления Низами о небесных телах.

² Это слово нередко встречается в лезгинской народной поэзии. Вот пример из книги «Лезгинский фольклор» (сост. Г.Г. Гашаров, А.А.Рашидов. Махачкала, Дагестанское книжное издательство, 2010, с. 88):

<i>Йиф атайла, Зуьгьре гьетре</i>	<i>Когда приходит ночь, звезда Зухра (Венера)</i>
<i>Ви рикИкай хабарда заз.</i>	<i>О твоём сердце оповестит меня.</i>
<i>Вун кьван иер сад акунач</i>	<i>Столь, как ты, красивой ни одной не увидел</i>
<i>Чилин ирид пайкарда заз.</i>	<i>В земных семи поясах я.</i>

«Бакар» (в самурском диалекте лезгинского языка это слово звучит как «пакар») – необходимость, необходимый. Т.е. Низами-суфий считает, что человеку необходимы тайные и явные знания, которые он включил в свою поэму.

Персидское слово «хафт» («семь») звучит как омоним слова «хафте» («неделя»), заимствованного как лезгинским, так и азербайджанским языком. Каждая из семи повестей в поэме соответствует одному из дней недели, а каждый цвет одеяний царя указывает на одно из семи светил: чёрный – Кейван (Сатурн), жёлтый – Солнце, зелёный – Луна, красный – Маррих (Марс), синий – Утарид (Меркурий), сандаловый – Муштари (Юпитер), белый – Зухра (Венера). Все эти цвета в материальной и духовной культуре лезгин имеют сакральное значение. Кроме того, лезгины эти светила называют словами-существительными, обозначающими соответствующие цвета.

Следует только добавить, что в суфизме особую роль отводится трёхбуквенным (арабским и персидским) корням и их производным, которые, как правило, содержат в себе элементы эзотерической традиции, учитываются все смыслы производных слов, образующихся от того или иного словесного кода, т.е. трёх корневых согласных букв в похожих по звучанию словах.

Чтобы дополнить эту мысль, вернёмся к литературному прозвищу поэта и трёхбуквенному корню имени Низами – НЗМ. Этот словесный код образует целый ряд слов, которые для поэта носили глубокий смысл. Перестановка корневых букв в предполагаемых словах суфийской традицией считалась допустимой. Приведём сами слова: НиЗаМи – упорядочиватель; НиЗаМ – порядок, устройство, система, строй; НеЗМ – стихотворение; НаЗиМ – поэт; НаМаЗ – молитва; МиЗаН – весы, вес, мерило, измеритель, название седьмого месяца солнечного года, созвездие Зодиака; ЗеМаНе – эпоха, век, судьба,

доля; ЗаМаН – время, современность; ЗеМаН – гарантия, ручательство, порука; ЗеМиН – почва, земля, основа. Эти слова арабского и персидского происхождения с незначительными изменениями в произношении заимствованы лезгинским и азербайджанским языками. В этом сакраментальном ряду слов поэт, бесспорно, подразумевает и лезгинское слово «МаЗаН» – певец, сказитель, красноречивый.

Слово «Низами» нуждается еще в одной расшифровке. Мы упоминали, что цифровой эквивалент этого имени равен 1001. Это можно проверить ещё раз по известной на Ближнем Востоке шифровой системе Абджад, в которой буквы имеют различные цифровые эквиваленты: тысячи, сотни, десятки. Цифра 1001 – это намёк не только на количество имён Аллаха, но и на книгу «Тысяча и одна ночь», многие сказки из которой являются суфийскими обучающими историями. Кроме того, в этих сказках скрываются психологические процессы или различные зашифрованные учения.

Исходя из приведённых примеров, можно убедиться в том, что Низами в упомянутую эзотерическую традицию вовлёл и лезгинский язык, подчёркивая своё национальное происхождение. Он в своих творениях пользовался материалом, касающимся духовной культуры своего народа и, создавая свои произведения на персидском языке, не представлял круг своих читателей без носителей лезгинского языка. Использование Низами местного материала также «работает» не в пользу персов и тюрок.

В упомянутой выше статье А. Бертельса написано: «...эпизоды, связанные с Берда`а, Нушабе (в «Искандер-наме». – А.К.), взяты из не дошедших до нас местных азербайджанских хроник».

Удивительно, почему исследователь не задаётся вопросом: как эта «хроника» о временах, когда тюрок ещё не было в данной области, может принадлежать тюркам-

азербайджанцам? Они могли её, хронику, только позаимствовать у коренного населения. У Низами речь идёт о незапамятной эпохе, когда Берда еще называлась Харумом. А когда это было, еще никто не уточнил, поскольку это свидетельство не зафиксировано ни в одной известной хронике и принадлежит только Низами. Будь он пришлым персом или тюрком, то вряд ли ему было бы интересно уточнять такую деталь. Это еще раз доказывает, что поэт – представитель коренного народа и глубоко знает историю своей земли.

Вернёмся к «Повествованию о Нушабе», уходящему корнями в седые времена, когда лезгины исповедовали зороастризм, и обратим внимание на следующие строки:

*И запели пери. Им казалось, что пьян
И любовью и солнцем обильный Михрган.*

(Перевод К.Липскерова).

Михрган – древний иранский праздник в честь бога Митры (солнца), справлявшийся осенью во время сбора плодов. О том, что этот праздник отмечался в своё время и лезгинами, свидетельствует название древнего села Мугерган (Мухерган), которое находится в Магарамкентском районе Дагестана. К тому же упомянутое Низами древнее название города Берда Харум явно напоминает лезгинский народный праздник черешни – Кару, который отмечается и в наши дни. Возможно, этот праздник также имеет отношение к зороастризму. Лезгинское слово «мехъер» («свадьба») по звучанию и значению также близко к слову «михрган». У лезгин еще в недалёком прошлом свадьбы справлялись осенью – в пору сбора урожая.

Тема зороастризма имеет продолжение и в главе «Искандер завоёвывает Дербентский замок при помощи молитвы отшельника».

Искандер осаждает замок, но стенобитные машины оказываются бессильными перед его стенами. Покоритель мира узнаёт, что поблизости в горах живёт святой отшельник, и отправляется к нему. По просьбе Искандера отшельник совершает молитву, после которой стены замка падают и люди, находящиеся в нём, сдаются Искандеру.

В этом эпизоде Низами наверняка намекает на Магу-дере – Долину магов, которая и ныне носит такое же название и находится в Агульском районе Дагестана, населённом агулами – представителями лезгинской группы языков. Название долины говорит само за себя. Но здесь важно другое. Низами знал о существовании этой долины не из легенд и хроник, он о ней, возможно, узнал в Дербенте, куда он приезжал один раз, и ему, как суфию, было небезынтересно существование на своей земле пещер для отшельников, что решил этот факт зафиксировать в своей поэме. А о том, что поход Александра Македонского в Дербент является всего лишь легендой, не имеющей реальной основы, Низами, по-видимому, не ведал.

Напоследок хотелось бы вернуться к упомянутому выше историческому документу, к труду Закарийи ал-Казвини «Памятники стран и известия о людях», где мы находим очень ценные сведения о селении Цахур, которое существует и сейчас в Рутульском районе Республики Дагестан.

Приведём этот отрывок:

«Захур – большой город, населённый в шести переходах (мархала) от Джанзы (Ганджи). Он – главный город (касаба) страны Лакзан (Лезгистан. – А.К.). Холод в нём очень силён. Рассказал мне факих Юсуф ибн Мухаммад Гянджинский, что вода города – из реки, называемой Самур. Она находится в замёрзшем состоянии зимой и ле-

том. Они ломают лёд и черпают воду из-под него. А когда они почерпнут [воду] и нальют в кувшин, они помещают его в мешок (гита) из бараньей шкуры, чтобы [вода] не замёрзла тотчас же. А пища их [состоит] из злака, называемого сульт, внешне он похож на ячмень, а качество его – качество пшеницы. У них нет торговых связей и [каких-либо] сношений [друг с другом], напротив, каждый из них сеет достаточное для него количество этого зерна и питается этим и молоком своих маленьких овец и кислым молоком их. Они носят [одежду] из шерсти этих овец. Нет [у них] начальника (раис), но есть у них хатиб (проповедник), который молится с ними, и кади, который разбирает споры между ними, согласно учению имама аш-Шафии.

Все жители города (мадина) – шафииты. В городе [имеется] медресе, которое основал везир Низам ал-Мулк ал-Хасан ибн Али ибн Исхак, при медресе имеется учитель (мударрис) и факихи. И полагается [в качестве жалованья] каждому факиху в медресе ежемесячно один баран и определённое количество сульта. Рассказывают, что они перевели «Мухтасар ал-Музани» на лакзанский (лезгинский. – А.К.) язык, как и «Книгу имама ал-Шафии», и занимаются ими обеими» (А.Р. Шихсаидов. Очерки истории, источниковедения, археологии средневекового Дагестана, Дагестанское книжное издательство, Махачкала, 2008, с. 355).

Наше внимание привлекает упомянутый в тексте «факих Юсуф ибн Мухаммад Гянджинский», и огромная цитата о Цахуре приведена целиком для того, чтобы показать обширность информации, предоставленной географу его информатором. Такая осведомлённость жителя Гянджи о далёком населённом пункте говорит о том, что инфор-

матор, знающий эту местность в самых тонких подробностях, кровно связан с ней³.

Самое главное в этом документе, на мой взгляд, – имя Гянджинского факиха: Юсуф сын Мухаммада. Теперь вспомним, что Юсуфом звали отца Низами, а сына его звали Мухаммад. Как правило, у лезгин каждый род имеет свой набор имён, который переходит из поколения в поколение. Новорождённому не дают имя живого со-родича.

Если предположить, что Юсуф ибн Мухаммад Гянджинский внук Низами, то получается, что, когда родился потомок, поэт еще был жив.

У Низами в заключении «Искандер-наме» есть такие слова:

*Я уж молвил тебе об одной колыбели –
И ребёнок возник. Удивляться ужели?*

(Перевод К.Липскерова).

³ Здесь возникает необходимость обратиться к этимологии слова «цахур», давшего название упомянутому селу и одной из народностей лезгинской группы языков. Оно в переводе с лезгинского означает «огне-поклонник». В арабских источниках это слово пишется как «Захур» из-за отсутствия в арабском алфавите буквы, дающей транскрипцию звука «ц». Предки современных цахуров во времена Низами не являлись самостоятельной национальной общностью, а считались частью лезгинского народа, о чем свидетельствует упомянутый факт перевода на лезгинский язык книг, названных в труде Закарийи ал-Казвини. Строительство в Цахуре в эпоху знаменитого везира Низам ал-Мулка медресе и пропаганды книг религиозного содержания, видимо, были направлены на борьбу с огнепоклонством среди жителей этого села. Таким образом, название «цахуры» закрепилось и за жителями других сёл, продолжавшими исповедовать зороастризм, несмотря на повсеместное верховенство ислама в Лезгистане. Современный цахурский язык сложился как отдельная ветвь лезгинской группы языков в более поздние времена и до сих пор не обрел своего совершенства в плане литературного языка. Поэтому попытки отнесения Низами к цахурам нам кажутся безосновательными. – Авт.

Здесь, как нам кажется, поэт говорит о рождении внука.

Низами в своих стихах увещевал сына избрать профессию врача или факиха – специалиста по богословию и мусульманскому праву, но ни в коем случае не стать поэтом. Известно, что сын пробовал свои силы на поэтическом поприще. Ему приписывают вставленную в «Искандер-наме» главу «Кончина Низами» и некоторые изменения во второй части «Обращения к Мелику Изз ад-Дину». Если даже это так, то упомянутая в приведённом бейте «колыбель» не меняет своей оправданности. И мы можем предположить, что в ней, в колыбели, лежал внук поэта, который, повзрослев, стал факихом и тем самым выполнил завет своего гениального деда.

Хотел бы еще раз обратить внимание читателя на заключительную главу книги А.-К. Бакиханова «Гюлистан-и Ирам», названную автором «О уроженцах Ширвана и соседних с ним провинций, отличившихся ученостью и другими достижениями». Историк, сам кровно связанный с одним из народов лезгинской группы – табасаранцами, пишет: «Жители, населяющие этот край, являются потомками различных племён, представляющих почти весь род человеческий. Каждое из этих племён оставило здесь следы своих обычаев и нравов, и следовательно, и в характере здешнего народа соединились все способности, отличающие племена друг от друга. Главным племенем рода человеческого, стоящим выше как в физическом, так и в нравственном отношении, чем эфиопское и монгольское племена, учёной Европой считается кавказское племя. Если бы политическое спокойствие и надлежащее воспитание позволили бы жителям Кавказа развить свои природные способности, то они достигли бы высокой степени просвещения. Несмотря на непрерывные войны и опустошения, причиняемые этому краю постоянными столкновениями северных племён с южными, здесь по-

являлись люди, которые своею учёностью и способностью далеко распространили свою славу. Почти все представители этой страны, перебравшиеся в разные страны, достигли там известности и почестей, а многие из них занимали высокие посты» (Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам, «Элм», Баку, с. 197). Далее А.-К. Бакиханов вкратце излагает сведения о жизни и творчестве знаменитых людей, среди которых назван и Низами. Из предпосылки к перечню имён ясно видно, что упоминаемые представители «восточной части Кавказского края» – коренные жители, а не пришлые турки-азербайджанцы. К тому же А.-К.Бакиханов, упоминая «монгольское племя», имеет в виду этнических азербайджанцев. Лезгины своих тюркских соседей также нередко называют монголами («мугъулар»). Бытует ещё одно лезгинское название азербайджанцев – «цапашар» («навозники»). Слово содержит в себе намёк на конский навоз. Как известно, кочевые тюркские племена в своих кибитках возили сухой конский навоз, который им на временных стоянках служил постелью. Кстати, этимология русского слова «навоз» коренится в этом древнем историческом факте.

Персидский поэт Абдуррахман Джами (1414–1492) говорил, что в стихах Низами много тёмных мест, и потому необходимо «поймать» его в Судный день и спросить об их значениях.

Джами этого не сказал бы, если бы владел лезгинским языком. Все эти «темные места» связаны, прежде всего, с духовной культурой лезгинского народа, особенностями его национального мышления и идиоматическими оборотами, характерными лезгинскому языку, что в персидской интерпретации выглядит несколько странно.

Переписчиками текстов Низами по воле истории стали иранцы и турки, которые, начиная уже с XIV века, вели борьбу за причисление к своей национальной культуре наследия и биографии Низами, прибегая к замене

непонятных им слов и оборотов другими, в том числе и тюркскими, присутствие которых в первоисточниках исключено. Тем не менее в сохранившихся списках осталось немало невыясненных мест, правильное толкование которых, по нашему мнению, скорее возможно при помощи лезгинского языка.

Давно пора положить конец этой небывалой в мировой литературе фальсификации – необоснованному отнесению лезгинского поэта Низами к иному национальному происхождению.

РАСХИЩЕНИЕ НИЗАМИ, ИЛИ СИНДРОМ ГОРЯЩЕЙ ШАПКИ

В газете «Азербайджанский конгресс», издающейся в России, опубликована статья академика НАН Азербайджана, директора Института литературы имени Низами НАН АР Бекира Набиева и члена-корреспондента НАН АР Теймура Керимли, написанная в ответ на мою публикацию «Возвращение Низами» в «Общеписательской литературной газете» (№№ 5, 6, 2011 г.) и в газете «Махачкалинские известия» (№№ 29,30,31,32)⁴.

Начинается отзыв учёных с общих избитых фраз («Гениальный сын Азербайджана, заблиставший в XII веке на поэтическом небосклоне...» и т.д.), кочующих из статьи в статью разных низамиведов Азербайджана, так что ход мыслей авторов более чем предсказуем, но ожидание серьёзных научных аргументов и выводов, равноценных высоким регалиям моих оппонентов, длится до самого конца прочтения. Но, увы, «тюркская стрела» летит вкось и вкривь и начинает пахнуть жареным. Идут совершенно дикие клеветнические обвинения в том, чего

⁴ Статья азербайджанских ученых называлась «Похищение Низами, или Очередной рецидив тюркофобии» (газ. «Азербайджанский конгресс» от 18 декабря 2011 г.).

я не совершал, не писал и не допускал даже в мыслях. Эти два умудрённых жизненным опытом и облечённых высокими научными регалиями мужа должны были хотя бы догадаться, что инкриминируемые мне ими «деяния» строго запрещены законом в России и что моя статья, если в ней содержались бы хоть какие-то противозаконные призывы, просто не могла бы попасть на страницы солидных газет.

Для наглядности приведу отрывок из этого, напоминающего донос в компетентные органы, «перла» академика и член-корра: «С учёным видом знатока сей самозабвенный «брат» (это они намекают на мою фамилию и к этому я вернусь позже. – А.К.) препарирует выдержанные из Низами тексты, манипулируя ими в удобном для себя виде. Суть усилий вышеназванного опуса сводится не просто к доказательству «неазербайджанства» Низами, нет, прицел дальше – в изъявлении тюркофобии». Далее учёные пишут: «Кардаш, продолжая передёргивать, использует и суннитско-шиитскую карту, муссируя суннитскую приверженность Низами (Ух! Какие «крылатые» фразы! Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! – А.К.), не замечая, что великий поэт во вступлении к знаменитым поэмам из «Пятерицы» наряду с Абубекром, Омаром и Османом высокоуважительно поминает и имама Али. А «ларчик просто открывается» – вбить клин между азербайджанцами-шиитами и лезгинами-суннитами... Невольно напрашивается переключка с идеями «садвалистов». В этих потугах автор договаривается до бредовой ахинеи о том, что Низами якобы в своём творчестве «вёл борьбу против шиитства».

Во-первых, последняя в цитате заковыченная фраза в моей статье отсутствует. Я говорил о круге злопыхателей, которым Низами напоминал числовое значение своего имени, намекая на своё суннитство, так как сунниты, в отличие от шиитов, считают, что Аллах имеет 99 качеств

и 1001 имя. Во-вторых, упоминание Али в стихах Низами не лишает поэта суннитской принадлежности. В-третьих, в вековых разногласиях и идейных спорах между суннитами и шиитами любой другой «клин» покажется спичкой. Но даже и её я не собирался вбивать между этими религиозными течениями мусульманства. Да и намёка на такое в моей статье нет. Я обратился к суннитству Низами лишь как к факту его биографии, почему-то скрываемому тюркскими исследователями. В-четвёртых, мне хотелось бы привести свежий пример «братской любви» современных азербайджанско-тюркских шиитов к верующим лезгинам, ярко проявившейся в снятии с суннитской мечети в центре города Баку таблички с надписью «Лезгинская мечеть 1169 г.». Все сунниты Кавказа единодушно осудили этот явно не дружеский акт. А почему же вы, уважаемые учёные, так ревностно борющиеся за братство и мир между названными религиозными течениями, не посоветовали своим братьям по вере не вбивать этот поистине огромный «клин» в отношения этих двух народов, исповедующих ислам? И как тогда назвать молчаливое согласие официальных властей Азербайджана, да и ваше личное молчание тоже? Если такое творится в XXI веке, то нет ничего удивительного в том, что и Низами вел идейную борьбу с небольшим кругом шиитов, или в том, что в средние века шииты не признавали мазар, где захоронен суннитский шейх Низами.

Также в мой адрес прозвучали обвинения в сочувствии идеям «садвалистов» и дашнаков, в обожании армянских источников. Кстати, в первой публикации статьи «Возвращение Низами» ни один армянский источник мной не был использован, хотя в них не вижу ничего плохого. Но все же заглянуть в эти древние рукописи чуть позже мне было предложено. Словом, весь классический «набор» обвинений к инакомыслящим нетюркам в современном многонациональном Азербайджане на сей раз был направлен в мою сторону, хотя ни о чём упомянутом

в нем нет ни слова в моей статье. Единственное, чего не хватало в этом «наборе», не были указаны мой домашний адрес и телефонный номер. И на том спасибо.

Я мог бы, конечно, пользуясь случаем, поговорить и об униженном положении азербайджанских лезгин, о том, почему и как они убывают в количестве, о грандиозной, усиливающейся с каждым днём, насильственной ассимиляции нашего народа, о его борьбе за элементарные права коренного народа в этой стране. Но оставим это дело для профессиональных политиков. Не буду распространяться и по поводу навешенного на меня ярлыка «тюркофоба», а только скажу: в моей книге «Середина» (Дагестанское книжное издательство, 1910) представлены мои переводы на лезгинский язык из произведений разных поэтов тюркского происхождения: турка Назыма Хикмета, кумыков Бадрутдина Магомедова и Магомеда Атабаева, туркмена Нурмамеда Мередова и азербайджанца Гидаята Оруджева. Так что тюркофоб из меня никудышный.

«Кардаш» («гардаш») по-азербайджански – «брат». Как говорится, избави Бог от таких «братьев», а от врагов я сам избавлюсь», – пишут два солидных человека, обладающих академическими регалиями. Но ослепившая их привычка видеть и слышать во всём тюркские корни на сей раз их подвела. Слово «кардаш» и его значение не имеют никакого отношения к тюркскому «гардаш». Моя фамилия происходит от лезгинского «кард» («сокол») и означает «приручитель сокола». Так что, господа учёные, я вам не враг и ничего плохого против вас не замышляю. Спите спокойно. И всему азербайджанскому народу, современный субстрат которого во многом составляют и лезгины, я желаю мира и процветания. Лучше поговорим о Низами и его времени.

Прочитав ответную статью азербайджанских учёных, у меня сложилось впечатление, что моя публикация

была прочитана не до конца, так как на многие вопросы, поставленные моими оппонентами, там уже были ответы, и повторять их здесь я не буду. Но я не услышал ответов на многие мои вопросы. В своей статье я не ставил целью рассказать о проникновении тюркских племён на Кавказ и в Закавказье. Я поднимал вопрос присутствия или отсутствия этих племён в Гяндже XII века. В Арране они появились в XI столетии. Но вы почему-то предлагаете «заглянуть в труды греческих и римских географов, обожаемых им (т.е. мной. – А.К.) древних армянских историков, европейских, российских ученых и убедиться, что издревле (а конкретно с какого периода? – А.К.) вокруг Каспия, на территории нынешнего Дагестана, в Куро-Араксинской низменности обитали тюрки, имевшие тесные связи с соседними народами. Тогда бы наш оппонент, – продолжают ученые, – реже прибегал к липовой байке о «пришлых азербайджанцах». Мы уж не говорим о топонимах «Хазар», «Дагестан», взятых из тюркской лексики. Даже если на миг вообразить, что весь Кавказ, по мнению Кардаша и его дашнакских единомышленников, исконные исторические земли армян и лезгин, и, стало быть, для «восстановления справедливости» эти земли должны быть переданы названным «избранным» народам, тогда как поступить? Предать огню и мечу всех инородцев? Вот до чего доходит «логика» тюркофобии».

Меня поражает ваша «логика», «взлёт» ваших «воображений», господа учёные. Отвечать на их горькие «плоды» я не стану, потому что ни о какой передаче земель я не писал. А по поводу топонимов «Хазар» и «Дагестан» скажу, что они гораздо «моложе» лезгинского названия Каспийского моря, произошедшего от названия одного из пралезгинских племён каспиев (в фольклоре лезгин встречается также персонаж «Кас-пили» – человек-дракон, владеющий большой водой), и топонима «Лезгистан», в которых нет тюркских признаков. К ва-

шему сведению, топоним «Азербайджан» тоже не содержит тюркских корней. Это всего лишь арабизированный вариант талышского историко-географического термина. Великий талыш, Герой Советского Союза, академик З.М. Бунятов, сторонник лезгинско-кумской версии биографии Низами, не зря возмущался в одном из своих интервью, говоря: «Господи, боже мой, до каких же «перлов» дошли у нас некоторые горе-исследователи! Ум отказывается верить. Договорились чуть ли не до того, что Ной был азербайджанцем. Появились доморощенные «специалы», с упорством, достойным лучшего применения, доказывающие происхождение азербайджанцев от шумеров, массагетов, саков и считающие кавказских албанцев тоже тюрками!» (журнал «Огонёк». № 45, 1988, стр. 24).

Так что, господа учёные, тот факт, что азербайджанцы-тюрки – пришлый народ на занимаемых ими территориях остается фактом.

Но вернёмся к главной теме разговора. Я утверждал, что в стихах Низами не отражено, что в городе, где жил поэт, были тюрки. Мои оппоненты голословно ссылаются на «византийские, грузинские, армянские и арабские» источники. Но ни одного примера, цитаты ими не приведено. А те строки, в которых Низами пишет о том, что его жена Афаг ушла к тюркским кочевьям, где ее постигла смерть, указывают на отсутствие тюрков в городе. Но если даже они и жили в Гяндже, то почему в многонациональном городе с 40-тысячным населением только тюрк может претендовать на роль Низами?

Упоминание в стихах поэта слова «тюрк» и некоторых производных от него слов – это главный аргумент азербайджанских исследователей, позволяющий им записать Низами в тюрки. Но это слово и производные от него слова звучат исключительно как метафора, как символ белизны, красоты и благородства описываемого героя, но не более.

То, что, по мнению моих оппонентов, «через всё творчество Низами красной нитью проходит любовь к тюркским корням, первоистокам (?), к тюркству» – это всего-навсего стремление азербайджанских исследователей выдавать желаемое за действительное, и в классическом литературном образе они тщетно пытаются найти весьма сомнительную трактовку. Поэту действительно не откажешь в некоторой любви к этой метафоре. Но его национальность тут ни при чём. Если это не так, то тогда кого же поэт часто с неприязнью называет «этими абиссинцами», которые символизируют носителей мрака и ночи, явно намекая на их инородность? В прошлой статье я говорил о следующих строках:

*Темнолицых бродяг по ложбинам укронным
Вдосталь скрыто. Весь мир они сделали тёмным.
Разжигать светлым днём им свой стыдно костёр,
Друг на друга поднять им свой совестно взор.*

О ком это сказано? Вы не ответили, господа учёные. В этих строках явно изображён тюркский быт. И где же тогда у Низами «любовь к тюркству»?

Он не мог коренное население города называть «абиссинцами» или «темнолицыми бродягами», эти слова не могут иметь отношение к потомкам оседлых, культурных и имеющих свою письменность народов, таких как армяне, грузины или представители кавказско-албанских (лезгинских) народов. А унижительные отзывы о представителях собственного народа понять очень сложно.

Уважаемых учёных ничуть не смущает появление именно в более поздних списках творений Низами тюркских слов. Но раз они принимаются за подлинность, то нужно тогда признать и отвергаемые некоторыми низамиведами строки, в которых поэт местом своего рождения называет лезгинский Кум.

Ещё мне не очень понятно, как можно увязывать героиню поэмы «Искандер-наме» Фитне и Нушабе с тюрками. Эта легенда времён Александра Македонского, имеющая отношение к территориям северо-западной части Азербайджана, явно принадлежит коренным жителям описываемого региона, куда тюрки пришли только через 13–14 веков! Или, может, во времена Македонского тюрки временно упали на эти земли с неба, придумали эту легенду и вернулись восвояси, чтобы потом через столетия совершить своё окончательное нашествие?

По поводу ответа Низами шаху Ахсатану.

Моими оппонентами приводятся слова академика Крачковского: «Трудно представить более утончённую издёвку по адресу Ширваншаха, чем та, которая содержится в ответе Низами». Тем не менее, помимо множества заданных мною вопросов в первой статье, на которые я так и не получил ответов, задам ещё один: «Мог ли Низами, являясь тюрком, позволить себе «издёвку» над шахом, не терпящим «тюркский дух»? Ведь венценосец был не глуп, хорошо разбирался в тонкостях поэзии и мог запросто заметить «издёвку». В таком случае Низами не обошла бы участь, постигшая Хакани: в лучшем случае он угодил бы в темницу.

Шаха и поэта объединяла дружба, и намёков на «издёвку» в стихах Низами быть не может.

И другие примеры, приводимые учёными Набиевым и Керимли в пользу тюркской версии, неубедительны.

Слово «тюркзаде» в стихах поэта, сказанное в отношении своего сына, хотя упомянутый метафорический смысл налицо и здесь, можно переводить не только как «сын тюрка», но и как «сын тюрчанки». Последний вариант может иметь некоторую убедительность, если учитывать, что матерью сына Низами была кипчакская тюрчанка.

А как на национальности Низами отражается то, что,

по словам моих оппонентов, поэт свою героиню Лейли называет тюрчанкой или же другая героиня – правительница Мехин-Бану сопоставляет себя с «легендарным тюркским венценосцем Афрасиябом», не вполне понятно.

Оппоненты пишут: «Низами, уделявший в своих творениях широкое место социальным мотивам, политическим проблемам, в «Сокровищнице тайн» ставит в пример современным ему правителям государственное устройство средневековой Турции:

*Доуляте торкан кеболяндигевефт,
Мямякятяздадиясандигевефт.
(Держава тюрок, возвышаясь,
Снискала признание справедливым правленьем).*

Трудно себе представить средневековую Турцию державой, снискавшей «признание справедливым правленьем». Но если даже это так и было, данные строки не имеют никакого отношения к национальным корням поэта. Тем более что эти слова произносит героиня поэмы. Восхищаться, к примеру, посторонними, далёкими тюрками поэт мог и не являясь тюрком. Если он был такого высокого мнения о средневековой Турции, то почему всё время рвался в Ирак? Меня удивляет то, что азербайджанские низамиведы, придумывая «хабары» о любви Низами ко всему тюркскому, решили сделать из него чуть ли не пантюркиста. Это смешно.

Вдобавок ко всему сказанному выше опять возникает вопрос: как же всё-таки увязать с суннитской Гянджой (по свидетельству известных исторических хроник, оставалась таковой до XIII века) тюрк-шиитов? Получается, в эпоху Низами либо тюрк не было в Гяндже, либо поэт не был тюрком.

И, наконец, о слове «икдиш». Учёные пишут: «В поэме «Лейли и Меджнун» Низами упоминает, что мать его

была курдской женщиной, а в поэме «Семь красавиц» сообщает, что он является «икдишем», то есть метисом. Заметим, что «икдиш» – чисто тюркское слово. Поэт тем самым акцентирует внимание на своих тюркских корнях.

Незами икдиш ехялвятнешиняст.

Кенимесярке, ниеенгябиняст.

*(Низами – метис («икдиш»), сидящий в закутке
(укромном месте).*

Наполовину уксус, наполовину – мед).

Что слово «икдиш» является тюркским, – явный домысел. К примеру, и в «Турецко-русском словаре», и в «Русско-азербайджанском словаре» «метис» переводится как «метис». Возможно, на месте надуманного «икдиша» у Низами было слово «икьдиш» – лезгинизированное слово с явным арабским корнем, означающее «густая смесь». Оно сохранилось в некоторых говорах лезгинского языка, также указано в трехтомном «Словаре лезгинского языка» А.Г. Гюльмагомедова (Издательство «Наука–Дагестан», 2012 г.). «Смесь» к «уксусу» и «мёду» подходит больше, нежели «метис». К тому же слово «метис» в контексте выглядит абсолютно «посторонним». Низами здесь говорит об отрицательных («уксус») и положительных («мёд») чертах своего характера.

Оппоненты пишут: «В мировой медиевистике существует понятие – «Азербайджанская поэтическая школа», под ним подразумевается персоязычная поэзия, создававшаяся на территории Азербайджана». Видимо, авторы в названии этой школы усматривают только тюркский аспект. Но никак нельзя допускать мысли, что в Ширване или Арране писали стихи одни только тюрки. То, что иранские учёные говорят о Низами или Хакани, «попахивает тюркским», не может означать, что они являются тюркскими поэтами, тем более что слово «Азербайджан»

не имеет тюркских корней. Достоверность факта по запаху не определяется.

Академик А.Е. Крымский в своём труде «Низами и его современники» писал: «Известно, что область Арран, административно входившая в состав атабекского Азербайджана XII века, в этнографическом отношении издавна составляла одно целое с левым берегом нижней Куры, так называемым ширванским шахством, где находились города Шемаха (Шемахия) внутри страны, Шабаран и Баку на берегу Каспийского моря. Сплошь да рядом мы у арабских географов X века находим для обеих областей даже одно совместное обозначение «Оба Аррана». По сохранившимся свидетельствам географов второй половины X века (не успевшим утратить показательности, конечно, и в XI–XII вв.) масса арранского населения, мусульманская ли, христианская ли, говорила на своём старинном особом языке «арранском» (он же «албанский», «агванский»). Язык этот принадлежал к восточной группе северокавказских языков. Исследователями северокавказской лингвистики выставлены соображения, что к нашим временам собственно арранский язык сохранил прямых потомков в речи аваро-андийской и речи самурской, тогда как родственная им речь нынешних удинов у Нухи происходит не от собственно албанского языка, а от одного из его диалектов. Существовала еще с V века на арранском («агванском») языке и письменность: имелись на этом языке богослужебные христианские книги и иные произведения церковщины» (А.Е. Крымский. «Низами и его современники». «Элм», Баку, 1981. С. 390). Арабский географ X века ал-Мукадаси даёт более обширный список городов, говорящих на арранском языке. Это Берда, Шамхор, Гянджа, Шемаха, Шеки («Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа». 9, ч. I, Тифлис, 1901).

Возникает резонный вопрос: разве мог с появи-

ем тюрков в регионе полностью исчезнуть коренной язык, его влияние, а также культурные и литературные традиции арранского народа? Неужели из этой среды не мог появиться хотя бы один поэт? А что касается пришлых сюда тюрков, у них ни письменной традиции, ни литературных памятников на своем языке именно в этом регионе не было. Об этом говорил и Е.А. Бертельс: «В Средней Азии в XII в. литературные тюркские языки уже успели сложиться, но для Закавказья у нас в этом отношении никаких указаний нет. Более того, если даже можно допустить совершенно свободно существование в это время развитого фольклора среди племён, применявших также, вероятно, и азербайджанский язык, то письменными литературными языками в Закавказье XII в. могли быть только арабский, персидский, грузинский или армянский» (Е.А.Бертельс. «Избранные труды. Низами и Фузули». Издательство восточной литературы. М. 1962. С. 237). Заметьте, учёный с трудом допускает существование у азербайджанцев-тюрков более или менее развитого фольклора. Вообразить, что потомок вчерашних кочевников, не имеющих каких-либо национально-литературных традиций, может написать такие великие творения, как Низами, совершенно невозможно. В течение одного столетия тюрки, обосновавшиеся в Арране, вряд ли могли так глубоко проникнуться и приобщиться к культуре народов, имеющих свою письменность. В данном контексте возникает резонный вопрос: Е.А. Бертельс, называя Низами азербайджанцем, мог ли подразумевать под этим словом тюркское происхождение поэта? Ведь академик ни разу не назвал Низами тюрком.

Да, Низами называл тюрками Александра Македонского, пророка Мухаммеда, героинь своих поэм. Он и о себе говорит: «Моего тюркства эти абиссинцы не покупают». А не мог ли он так называть и коренное население Аррана и Ширвана? Почти во всех существующих хро-

никах авторы отзываются о местном нетюркском населении этих территорий как о благородных и белолицых. Низами, говоря «моё тюркство», мог намекать и на слово «лазги» («лезгин»), что состоит из двух частей «лаз» («белый», «белизна») и «ги» («человек»). (Вспомним в скобках и кавказско-албанского поэта Давтака Кертога – автора «Плача о царе Джаваншире», чьё имя («Давтакь») по-лезгински означает «белый орёл»).

Вся проблема отнесения Низами к тюркам заключается в том, что исследователи творчества поэта не знали лезгинского языка и не подозревали о намёках стихотворца на язык своих истинных предков. О них я более подробно говорил в предыдущей статье.

То, «что средневековые источники однозначно сообщают», что Низами родился в Гяндже, вовсе не значит, что это именно так. Авторы источников, зная, что поэт живёт или жил в Гяндже, могли ошибочно думать о возможном рождении его там. Сам Низами применительно к своему имени ни разу не называет слово «Гянджеви» («Гянджинский»).

А о чем могут говорить следующие строки: «Я, который заключён в своей области, / И закрыт мне путь бегства назад и вперёд»?

Живя в Гяндже, поэт хотел бежать в Ирак, т.е. «вперёд». А «назад» – это куда? Не в лезгинский Кум ли? Всё, по-моему, сходится. И лезгинское слово «табарак» («мешок») и переделанное от него «табарукь» («лжец», «плут»), явно имеющие отношение к нерасшифрованному исследователями слову «табарьяк» в стихах Низами, также не были приняты моими оппонентами во внимание. Но это совсем не значит, что мы не имеем права претендовать на лезгинскую принадлежность Низами. На этот счёт нами в первой статье были приведены и другие аргументы. В ответной статье академика Набиева и член-корра Керимли эти доводы оставлены без внимания.

Одним словом, тюркская версия от начала до конца «шита белыми нитками».

Все необоснованные обвинения в мой адрес, пантюркистские завихрения этих авторов, их «тюркский набег» в этимологию слова «ермени» («армянин»), не имеющие никакого отношения к теме, безосновательные аргументы и домыслы мне почему-то напомнили русскую пословицу о горящей шапке.

А по поводу того, что уважаемым учёным кажется, что лезгины «не подозревают» о том, что Низами – лезгин, скажу: наш народ никогда не переставал считать великого поэта своим. Имя Низами занимает свое место в справочнике «Лезгинские писатели», в энциклопедии «Лезгистан», его жизнь и творчество представлены в учебниках по литературе именно с расстановкой акцента на его лезгинское происхождение.

А на вашу фразу, уважаемые учёные, что моя статья «не имеет научной ценности», мой ответ будет очень прост: для определения степени убедительности моих аргументов в пользу лезгинской версии биографии Низами разрешения из Баку не требуется.

ВТОРОЙ ОТВЕТ АВТОРАМ «ПОХИЩЕНИЯ НИЗАМИ»

В «Общеписательской литературной газете» (№ 2, 2012 г.) опубликована статья азербайджанских учёных Б. Набиева и Т. Керимли «Похищение Низами», написанная в ответ на мою публикацию «Возвращение Низами» («Общеписательская литературная газета», №№ 5-6, 2011 г.). Первоначальный вариант этого критического отзыва, напечатанный в российской газете «Азербайджанский конгресс», содержал в себе ряд необоснованных и немыслимых обвинений в мой адрес, на которые мне пришлось ответить в газете «Махачкалинские известия» (№ 6, 2012 г.).

И новый вариант статьи учёных, судя по предваряющей её редакционной аннотации, не был лишён чрезмерного очернительского «энтузиазма», мягко названного «заведомой декларативностью».

Я благодарен редакции «Общеписательской литературной газеты» за очищение ответной публикации учёных от политической и идеологической «шелухи», не имеющей никакого отношения к обсуждаемой теме.

И новая редакция «Похищения Низами» вызывает много вопросов, и в ней аргументация в пользу тюркской версии биографии Низами, как всегда, беспочвенна и надуманна. Оппоненты муссируют версию, характеризующую за пределами Азербайджана как мотивированную лишь политическими амбициями этой страны, но не более.

Авторы отсылают меня к «работе» Дж. Мамедова «О некоторых спорных вопросах относительно родины и национальности Низами Гянджеви» в «Вестнике Санкт-Петербургского университета (серия 13, 2010, выпуск 1). Я ознакомился с этой публикацией и ничего нового в ней не нашёл. Она никакого отношения к серьёзной науке не имеет. В свою очередь, хочу отослать академика Набиева и член-корра Керимли к другой статье «Азербайджанизация Низами» в том же «Вестнике Санкт-Петербургского университета» (серия 13, 2011, выпуск 3). Вот что пишет В.В. Гомоз о псевдонаучном «труде» Дж. Мамедова: «Вывод можно сделать только один: доктор исторических наук Мамедов не имеет представления о том, что такое корректные ссылки на источники, он «гуглил» нужные ему словосочетания в Интернете». Я готов подписаться под каждым абзацем статьи В. В. Гомоза за исключением тех мест, где автор относит Низами Гянджеви к персидской национальности.

Авторов «Похищения Низами» удивляет, что «в последнее время сделаны попытки представлять его (Ни-

зами. – А. К.) уже как... лезгинского поэта». Почему в «последнее время»? Низами в западной ориенталистике считали представителем кавказского народа ещё задолго до того, как стали называть поэта азербайджанским тюрком. Разве это хоть каким-то образом не предполагало принадлежность Низами лезгинскому народу? А «кумская версия» в трактовке З. М. Буниятова?

Мне известно, что бейт Низами в «Книге судеб» о своём рождении в горном Куме, который встречается в рукописи XVIII века, был опровергнут Е. Э. Бертельсом и Чарльзом Рийо. Но в рукописи антологии южно-азербайджанского автора Лютфали бея Азера, где встречается этот самый бейт, были «вырваны четыре страницы» (М. Шагинян. «Этюды о Низами», издательство АН Армянской ССР, 1955, с. 34), в которых излагалась биография Низами.

З. М. Буниятов мной был назван талышским учёным, поскольку он по национальности талыш. Почему это не понравилось Набиеву и Керимли, мне не совсем понятно. Всемирно известный учёный, Герой Советского Союза, автор общепризнанного труда «Государство Атабеков Азербайджана», безусловно, имел серьёзные основания, чтобы считать Низами выходцем из лезгинского Кума, а не из иранского. В краеведческом музее Каха (Азербайджан) хранится письмо академика Буниятова к школьникам этого города. В азербайджанской газете «Зеркало» от 6 февраля 2009 года написано: «Академик пишет о том, что гениальный Низами – их (кахских школьников. – А. К.) прямой предок, он родился и первые несколько лет прожил в селе Кум в пяти километрах от Каха. В послании академика говорится о том, что жители Кахского района должны не только гордиться этим фактом, а быть достойны гениального предка».

Одним словом, лезгинско-кумская версия не отвергнута учёными окончательно и, следовательно, требует дальнейшего исследования.

Что касается цитаты из Ф. Кочарли (всё же, думаю, что так правильней передать в русской транскрипции фамилию литературоведа, чтобы ударение в ней падало на последний слог), то этот фрагмент был использован в той части моей статьи, где я говорил не о национальной, а суннитской принадлежности Низами и, признаю, по недосмотру было пропущено слово в фразе, где автор называл Низами «нашим» поэтом. Но мои оппоненты бездоказательно парируют, что Кочарли под этим словом подразумевал принадлежность поэта к азербайджанцам-тюркам. Так ли это или нет – это большой вопрос. Кем бы Низами ни был по национальности, Кочарли, живший в многонациональном Азербайджане, мог бы сказать «наш» о представителе любого народа данного региона. Литературовед колебался в вопросе о национальности Низами, хотя и назвал его «татаринном из Елизаветполя», но в свой труд об азербайджанской литературе, история которой начинается от Вагифа (XIII в.), не включил поэта, жившего в Гяндже.

Дальнейшие рассуждения учёных о Низами и вокруг него ничем новым и убедительным не отличились от «канонизированной» в Азербайджане риторики в пользу тюркизации великого поэта, и многие вопросы в моей статье «Возвращение в Низами» были просто проигнорированы.

Известный в мировой медиевистике термин «Азербайджанская поэтическая школа» или его синоним «азербайджанский стиль», за которые цепляются азербайджано-тюркские учёные, действительно подразумевают поэзию, созданную на территории современного Азербайджана, но это вовсе не означает, что поэты средних веков, творившие здесь, принадлежат исключительно тюркской национальности. В Иране их безоговорочно считают персами, хотя иранские азербайджанцы могут думать иначе. К тому же классификация иранскими уче-

ными *персидской* поэзии на стили – «изобретение» позднейшего времени, во времена Низами никакого «азербайджанского стиля» не было.

Я согласен с оппонентами, когда они говорят, что нельзя считать поэтами чужого народа средневековых авторов, писавших не на родном, а на довлевшем в своей стране литературном языке. Но, к сожалению, это происходит и в Иране, и в Азербайджане. А истина в этой проблеме дороже всех заведомых, но не всегда благородных, стремлений тем, что она одинаково возвышает обе претендующие на того или иного поэта стороны.

Увы, в современном Азербайджане на данный счёт ещё слишком далеко до истины. Не все средневековые поэты, жившие на многонациональной территории современного Азербайджана, могли быть только тюрками. Что, другие народы, жившие здесь (и ныне живущие, несмотря ни на что) ещё до появления в этих краях тюрок, не имели поэтов, умевших писать стихи на персидском? Авторы ведь не отрицают, что тюрки в Куро-Араксинской долине имели «тесные связи с соседними народами». А тогда почему в нынешнем Азербайджане эти народы обделяют средневековыми поэтами?

И еще авторов мучает вопрос, что меня «не посещала мысль об условности понятий «абориген» и «мигрант», – на протяжении истории народы неоднократно меняли ареал обитания, ассимилировались друг с другом, иные вымирали, исчезали, а на арену истории выходили новые сообщества».

Во-первых, в прежней статье я не ставил своей задачей высказаться по данному вопросу. Я лишь коснулся одного: были ли тюрки в Гяндже в эпоху Низами или нет, к чему вернуться чуть позже.

Во-вторых, вышеприведённая цитата всё же подталкивает к историческому факту, что тюрки в Азербайджане являются мигрантами в отношении народов, явля-

ющихся здесь аборигенами – талышами и лезгинскими народами, которые, хотя во многом составили субстрат современного азербайджанского народа, всё же не вымерли и не сошли с арены истории, и для которых термины «мигрант» и «абориген» вряд ли могут являться «условными понятиями».

С какой же целью авторы с надлежащим учёным мужам видом размышляют о таких вопросах, которых я не касался в своей статье?

Цель одна – оправдать любой ценой тюркизацию поэтов, не принадлежащих «новому сообществу» – азербайджанскому (тюркскому) народу.

В последние десятилетия, особенно начиная с 80-х годов прошлого века, в Азербайджане продолжался фальсификаторский бум, направленный на искажение исторических реалий и «внедрения» всетюркизма в историю исконного Азербайджана и соседних лезгинских территорий, которые стали называться Азербайджаном лишь в XX веке.

Против официальных фальсификаторов выступал один из честных и добросовестных учёных Азербайджана Играр Алиев. К его трудам хотел бы отослать и читателей, и своих оппонентов Набиева и Керимли, чтобы напомнить истинную картину появления тюрков в регионе. В статье «Несколько слов по поводу так называемых протоазербайджанцев и протоазербайджанском языке в древнем Азербайджане» (Известия АН Азербайджанской ССР, серия истории, философии и права, № 3, 1989) И. Алиев разносит в пух и прах псевдонаучные опусы новоявленных «тюркологов», записывавших все народы, жившие в древние времена на территории нынешнего Азербайджана, в тюрков. Свои сугубо научные взгляды учёный отстаивал и в других выступлениях, после которых его начали по-настоящему травить. И. Алиева у себя на родине объявили «врагом азербайджанского

народа». В защиту учёного выступил З. М. Бунятов, чьё письмо редактору газеты «Азербайджан», в которой пытались запятнать честь и достоинство И. Алиева, опубликовано в еженедельнике «Элм» («Наука») Академии наук Азербайджана, вышедшем в свет 28 декабря 1990 года. Отрывки из этого письма хотел бы привести и для моих оппонентов: «Я прочитал в вашей газете от 17 августа 1990 года клеветническую статью «Фальшивая история – фальшивое слово», написанную неким Заманом, человеком неграмотным и безответственным. Это – третья попытка Вашей газеты запятнать имя выдающегося учёного-историка И. Алиева. ... Заман, как невежда, утверждает, будто в древней Албании «местный народ, то есть турки, составляли большинство». Это наглая ложь, и она или применяется Заманом в целях давления на широкие читательские массы (подобное в последнее время превратилось в некую норму), или доказывает его дремучую безграмотность и безответственность.

Ни один серьёзный учёный никогда не утверждал и не имел оснований утверждать, что среди 26 племён Албании были турки и что они составляли численное большинство...

В древнем Азербайджане, в том числе и в Албании, никаких тюрков не было...»

Даже представители мусаватистской Азербайджанской Республики, просуществовавшей всего два года (1918–1920), и чью идеологию реанимируют в современном Азербайджане, признавали появление тюрков в Куро-Араксинской низменности в более поздние времена. Вот что говорил в своём «Докладе о спорных кавказских территориях, на которые имеют права самоопределившиеся турки», сотрудник министерства иностранных дел мусаватистской республики А. Щепотьев: «Азербайджанские турки появились на Кавказе в середине средних веков (с эпохи Сельджукидов, 1048–1092 гг.), заняв низовья Куры

и Аракса и Карабахские горы и оттеснив местные племена лезгинского происхождения в горные долины Дагестана» (Известия АН Азербайджанской ССР, серия истории, философии и права, № 2. Баку, Элм 1990, с. 43). Тут, конечно, с оттеснением лезгин «в горные долины Дагестана» автор слишком перегнул палку: часть лезгинского народа по сей день живёт в северных районах Азербайджана.

Набиев и Керимли настойчиво, и не приводя конкретных документов, придерживаются псевдонаучного азербайджанского «всетюркизма», не имея никаких исторических оснований.

По поводу их фразы: «Мы уж не говорим о топонимах «Хазар», «Дагестан», взятых из тюркской лексики», отвечаю, что топонимы «Каспий» (происходит от названия одного из протолезгинских племён) и «Лазг», «Лезгистан», в которых нет никаких тюркских следов, гораздо «старше» соответственно «Хазара» и «Дагестана». Кстати, топоним «Азербайджан» тоже не имеет тюркских корней. Да и воспринимать как единое целое разрозненные тюркские племена, пришедшие в разные времена в Азербайджан, Дагестан и Кавказскую Албанию, нельзя. К примеру, тюрки ильдегизиды – кипчаки по происхождению и не имели никакого отношения к предкам азербайджанцев огузам.

Появление первых тюрок в Гяндже академическая наука относит ко второй половине XI века. Серьёзных документов, свидетельствующих о количественном превосходстве тюрок в городе в эпоху Низами, тоже нет. Стихи Низами отражают такую картину, где описан тюркский быт:

*Темнолицых бродяг по ложбинам укронным
Вдосталь скрыто. Весь мир они сделали тёмным.
Разжигать светлым днём им свой стыдно костёр,
Друг на друга поднять им свой совестно взор.*

И другие строки, в которых упомянута жена поэта

– кипчакская тюрчанка Афаг, свидетельствуют об отсутствии тюрков в городе, но их присутствии где-то неподалёку:

*По-тюркски тронулась в кочевья, словно нож
В меня вонзив, свершив не тюркский ли грабёж?*

Я приводил эти два фрагмента и в первой статье, но о них авторы «Похищения Низами» хранят упорное молчание.

Поэт нередко упоминает, говоря о жителях Гянджи, «абиссинцев» (по Низами – инородцы, символизирующие носителей мрака и ночи) и «темнолицых бродяг». Он так отзывается явно об определённом круге лиц, которые досаждали ему и доставляли какие-то неприятности. Академик Бартольд писал: «В Гяндже правили сельджукские эмиры» (В.В. Бартольд. Место прикаспийских областей и истории мусульманского мира. Баку, 1925, с. 62). То есть лишь правящую верхушку города представляли тюрки. Возможно, вышеприведённые хлёсткие эпитеты были направлены поэтом против хозяев многонационального города. А какой народ превосходил в численности, судить трудно. К примеру, арабский географ X века ал-Мукадаси назвал ряд городов, говоривших в этот период на арранском (лезгинском) языке. Это Берда, Шамхор, Гянджа, Шемаха, Шеки («Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа». 9, ч. I, Тифлис, 1901). В течение столетия вряд ли возможно уменьшение лезгиноязычного населения до полного его исчезновения.

Гянджа, естественно, находилась под влиянием персидской культуры и литературы еще до времён Низами, оставалась таковой и в его эпоху.

Если бы Низами был тюрком, сыном вчерашнего кочевника, он вряд ли посмел называть коренное население города «этими абиссинцами» или «темнолицыми бродя-

гами». Но и о своём народе вряд ли кто так скажет. Тем более Низами.

Нельзя отбрасывать со счетов и вопрос суннитской принадлежности Низами. То, что тюркские и персидские мусульмане Азербайджана стали исповедовать шиизм в XVI веке, – известный факт. Но Низами в противовес своим противникам и злопыхателям подчёркнуто говорит о том, что цифровое значение его имени составляет цифру 1001, явно намекая на то, что Аллах по поверью суннитов имеет 1001 имя, что отрицают шииты. Отсюда можно сделать вывод, что среди населения Гянджи всё-таки было какое-то количество шиитов. А ими могли быть именно те персы и турки, представлявшие правящую верхушку города. Это может значить, что Низами не принадлежал ни к тем, ни к другим.

Этот вывод подкрепляется ещё одним обстоятельством из биографии Низами. Некоторые учёные считают, что отец Низами переехал из иранского Кума в Гянджу. В таком случае родитель поэта, уроженец города, являвшегося одним из фанатичных центров шиизма, должен был быть шиитом. Следовательно, шиизма мог придерживаться и Низами. Но факты говорят совершенно о другом.

О том, почему поэт не может быть рождённым в Гяндже, я писал в «Возвращении Низами». Здесь повторю еще раз лично для Набиева и Керимли. Ни одного доброго слова, похожего, к примеру, на воспевание Берда, о Гяндже у поэта нет. Гянджа для Низами – место «заключения». Также применительно к своему тахаллусу (литературному псевдониму) ни разу не использовал слово «Гянджеви» («Гянджинский»). Авторство этой приставки принадлежит читателям, переписчикам и составителям рукописных антологий позднего средневековья. Авторы-составители этих рукописей придумали эту приставку из соображений, что Низами жил в Гяндже. Они думали, что

поэт родился там, и это фиксировали в своих рукописях. Считать это достоверным фактом нельзя. Да и сам Низами в своих стихах даёт повод, что его родиной является другое место. Вот эти строки:

*Я – море. Жемчугом я ваш (выделено мной. – А. К.) на-
полнил город,
А вы мне камешки насыпали за ворот.*

Или:

*Я, который заключён в своей области,
И закрыт мне путь бегства назад и вперёд.*

Низами мечтал совершить хадж в Мекку, уехать в Ирак, где труд поэта ценился больше, чем в Гяндже, т.е. бежать «вперёд». А «бегство назад» – это желание уйти в противоположную Мекке или Ираку сторону, т.е. к северу от Гянджи. А это значит, что его родина находилась на лезгинской земле. Исходя из этого, можно сделать вывод, что строки о рождении поэта в Куме имеют свою правомочность, и они действительно принадлежат Низами, так как в Кахском районе нынешнего Азербайджана находится древнее лезгино-цахурское село Кум. О нем я писал в первой статье.

Оборот «насыпать камешки за ворот» также требует объяснения. Это древнейший, домусульманский, ритуал, совершаемый лезгинами до сих пор во время похорон. За ворот близким родственникам погребённого насыпают камешки с могилы в знак того, чтобы близкие покойника быстрее и без печальных последствий отошли от горя. Этой метафорой Низами наверняка говорит, что Гянджа, хоть и не родной, но арранский город, для него умерла. С другой стороны, Низами показывает, что такое «утешительное» отношение к нему недругов в данной ситуации выглядит явным издевательством.

Однако вернёмся к «аргументам» Набиева и Керимли.

Так за что же в основном хватаются азербайджанские учёные, как утопающий за соломинку, в отстаивании «тюркства» Низами? Это слово «тюрок» и производные от него слова в стихах поэта и еще не доказанное рождение Низами в Гяндже.

Оппоненты пишут: «Низами, уделявший в своих творениях широкое место социальным мотивам, политическим проблемам, в «Сокровищнице тайн» ставит в пример современным ему правителям государственное устройство средневековой Турции:

*Доуляте торкан кеболяндигевефт,
Мямякяяздадпяндигевефт.
(Держава тюрок, возвышаясь,
Снискала признание справедливым правленьем)».*

По поводу такой трактовки этих строк я предложил бы Набиеву и Керимли заглянуть в знаменитый труд И. Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества» (М. Наука, 1977, с. 473) и почитать высказывание о средневековых турках, чтобы убедиться, на чём строилось их «справедливое правленьё⁵». Низами в этих строках вряд

⁵ За рамками данной статьи все же приведу для интересующихся соответствующий фрагмент из книги И.Г. Гердера (1744–1803): «Турки, народ из Туркестана, все еще остаются чужими в Европе, хотя уже более трехсот лет они присутствуют в этой части света. Они положили конец Восточной Римской империи, которая свыше тысячи лет была бременем для самой себя и для земли, тем самым они без всякого ведома и желания отгеснили искусства и ремесла на запад Европы. Нападая на европейские державы, они в течение столетий вынуждали государства хранить бдительность и мужество; они препятствовали любому единовластию в этих землях, – малое добро против несравненно большего зла, – ведь прекраснейшие земли Европы были превращены ими в пустыню, а некогда мудрейшие народы – греческие племена – в ненадежных рабов, в развращенных варваров. Как много творений искусства было разрушено невежественными турками! Сколь многое погибло, чего никогда уж не восстановишь. Их империя – огромная тюрьма для европейцев, которые

ли имел в виду средневековую Турцию, хотя он мог восхищаться любыми другими далёкими тюркскими племенами, и не являясь тюрком. К тому же ещё мы не можем однозначно утверждать, что поэт разделяет слова, вложенные им в уста героини. Меня просто поражает «логика» низамиведов-азербайджанцев, которые любят повторять, как один, из статьи в статью, следующие слова (Набиев и Керимли также ими «размахивают»): «Через всё творчество Низами красной нитью проходит любовь к тюркским корням, первоистокам, к тюркству». Ничего подобного в творчестве Низами нет. Это пустые домыслы и выдумки азербайджанских учёных, любой ценой пытающихся сделать из Низами эдакого пантюркиста бакинского пошиба, начитавшегося фальсификаторской чепухи местных «тюркологов». Это кощунство, издевательство над памятью великого поэта.

В своей статье «Возвращение Низами» я коснулся и легенды о Нушабе, берущей начало ещё во времена Александра Македонского. Азербайджанские учёные и здесь находят тюрков.

Низами сам говорит, что при написании поэмы об Александре Македонском использовал пехлевийские, еврейские и христианские сказы. Среди них не названо тюркских источников, но под христианскими «письменами», наряду со многими другими документами, можно также подразумевать армянские, грузинские и кавказско-албанские (лезгинские) источники.

В древнейшей легенде описываются события, происходившие на северо-западных территориях современного Азербайджана, где тюрки появились после 13-14 столетий, прошедших со времен походов Александра. Какие

живут здесь; придет время, и она рухнет. Кому нужны эти чужеземцы в Европе, кому нужны эти азиаты, которые и спустя столько веков все еще желают оставаться варварами?»

Тюрки, пришедшие в XI веке в Азербайджан и Лезгистан, ничем не уступали средневековым туркам.

тюрки?! Откуда они могли взяться? Однако азербайджанские учёные могут всё. Этим «изобретателям» «машины времени» для тюрков ничего не стоит заселить тюрками любой регион любого периода истории. Иные из них в наши дни и 2000-летний дагестанский Дербент тоже объявляют азербайджанским городом! Господа, как вы становитесь академиками, член-коррами, не владея азами простой школьной арифметики?

Кстати, одно из ранних названий Дербента в древних арабских источниках «Чол», «Сол» («Сул») требует объяснения. В арабском языке нет буквы, выражающей звук «ц». Поэтому средневековые арабские авторы вынуждены были в лезгинском слове «цал» («стена») использовать другие, более близкие к «ц», буквы. В армянских источниках слово «цал» как наиболее раннее название города Дербента сохранило свое изначальное обозначение. К сожалению, ни один ученый не учитывал этого факта.

В предыдущей статье мы приводили слова академика А. Е. Крымского о том, что «арранский» язык имеет прямое отношение к лезгинской группе языков и имеет прямых потомков в самурском диалекте современного лезгинского языка.

К слову, и топоним «Арран» (по-лезгински «Аран») означает «благодатная, солнечная страна». Присутствие лезгин на своих исконных землях во времена Низами отрицать нельзя, как это делают многие научные и прочие «деятели» современного Азербайджана. В XII веке и в Баку жило определённое число лезгин, о чём свидетельствует Лезги мечеть 1169 г., являвшаяся в годы Советской власти охраняемым государством объектом, о чём напоминала табличка с соответствующей надписью. Года два тому назад эту табличку сняли под видом «перерегистрации» культового учреждения. Чем табличка мешала «перерегистрации», непонятно. Может, это могут объяснить академик Набиев и член-корр Керимли?

В связи с легендой о Нушабе напомним азербайджанским учёным продвижение Искандера на Кавказ в трактовке Низами. После посещения Каабы и пребывания в Йемене Искандер возвращается в Вавилон. В это время туда к полководцу отправляет своего гонца правитель Азурабадакана с просьбой защитить эту страну от почитаемого армянами курда Дувала, правящего Абхазией.

Азербайджанские учёные в «Словаре собственных имён, географических названий и непереверённых слов», прилагаемом к «Искандер-наме», как правило, слово «Азурабадакан» оставляют без комментария. Восполним этот пробел. Азурабадакан – это древний Азербайджан в представлении Низами.

Итак, по просьбе «главы Азурабадакана» Искандер двинулся в Армению, оттуда перебрался в Абхазию и смирил Дувала, затем основал город Тифлис, лишь потом появился в городе Берда, в столице Аррана, где царила Нушабе. Это – лезгинская земля, Кавказская Албания, не имеющая никакого отношения к Азурабадакану. В дальнейшем продолжении сюжета поэт больше не возвращается к Азурабадакану. Эта страна, кроме сказанного о ней, ничем не интересна автору «Искандер-наме». Нет никаких описаний этой земли, её людей и городов. Это ещё раз свидетельствует о том, что древний Азербайджан, в чьём названии отсутствуют тюркские корни и где тюрков не было в описываемое время и в помине, – чужая для Низами страна.

А как он воспевает Берду! Поэт рассказывает о былой красоте и величии города и жалеет о том, в каком запустении находится город во время писания поэмы. Низами надеется:

*Если правда здесь вновь утвердится, – красив
Снова станет узор здешних пастбищ и нив.*

Только возникает вопрос: откуда пришла в город неправда и чем омрачены его окрестности, пастбища и

нивы? Может, азербайджанские учёные знают ответ на этот вопрос?

Затем речь в поэме идёт о Дербенте. Таким образом, поэт, описывая две великие столицы Аррана (Кавказской Албании), наверно, решил отметить южные и северные границы древней страны своих кавказских предков.

Авторы «Похищения Низами» пишут: «В поэме «Лейли и Меджнун» Низами упоминает, что мать его была курдской женщиной, а в поэме «Семь красавиц» сообщает, что он является «икдишем», то есть метисом. Заметим, что «икдиш» – чисто тюркское слово. Поэт тем самым акцентирует внимание на своих тюркских корнях.

Незами икдиш ехялвятнешиняст.

Кенимесьярке, ниеенгябиняст.

*(Низами – метис («икдиш»), сидящий в закутке
(укромном месте).*

Наполовину уксус, наполовину – мед)».

С чего учёные взяли, что «икдиш» – «чисто тюркское слово» и что оно означает «метис»? Ни в «Турецко-русском словаре», ни в «Русско-азербайджанском словаре» такого слова нет, но слово «метис» встречается в обоих словарях и переводится как «метис». «Икдиш» – это лезгинизированное слово с явным арабским корнем. Оно фиксировано в «Словаре лезгинского языка» А.Г. Гюльмагомедова и означает «густая смесь». «Смесь» к «уксусу» и «мёду» подходит больше, нежели «метис». К тому же слово «метис» в контексте выглядит абсолютно «посторонним». Низами здесь говорит об отрицательных («уксус») и положительных («мёд») чертах своего характера.

Набиев и Керимли нашли в стихах Низами и слово «тюркзаде», сказанное поэтом в отношении своего сына. Учёные переводят его как «сын тюрка». Но и здесь не исключён метафорический смысл данного слова. К тому же еще его можно переводить и как «сын тюрчанки», если

учесть, что матерью сына Низами была кипчакская тюрчанка, хотя и в этом случае метафорический подтекст берёт верх над остальными второстепенными смыслами.

Есть ещё один фактор, отдаляющий «тюркскую версию» от достоверности. Об этом мы также говорили в предыдущей статье и приводили слова Е. Бертельса, в которых учёный с трудом допускает существование у азербайджанцев-тюрок более или менее развитого фольклора. Вообразить, что потомок вчерашних кочевников, не имеющих каких-либо национально-литературных традиций, может написать такие великие творения, как Низами, совершенно невозможно. В течение одного столетия тюрки, обосновавшиеся в Арране, вряд ли могли так глубоко проникнуться и приобщиться к культуре здешних народов: армян, грузин и кавказско-албанских лезгин, имеющих свою письменность. В данном контексте возникает резонный вопрос: Е. А. Бертельс, называя Низами азербайджанцем, мог ли подразумевать под этим словом тюркское происхождение поэта? Ведь учёный ни разу не назвал Низами тюрком. Под словом «азербайджанский» он, скорее всего, подразумевал не национальный, а региональный аспект.

Никем из исследователей не расшифрованное слово «табаряк» в стихах Низами господина Набиев и Керимли, обвинившие меня в попытке «отредактировать» Низами, решили запросто заменить арабским «бяркят» («плодородие», «благодать»). Ладно. А как они объяснят толкование данного слова самим поэтом как «мешок» и «лжец, плут»? Будь на месте «табаряк» известное всему мусульманскому миру слово «бяркят», то у Низами отпала бы необходимость его расшифровки. Однако поэт объясняет читателям, что такое «табаряк», и какое слово от него можно ещё произвести. Вся интрига-то слова заключается в его неизвестности в персидской языковой среде. Низами наверняка был уверен, что оно равно не известно

и арабам, и тюркам. А он имел в виду лезгинское слово «табарак» («мешок») и производённое от него «табарукъ» («лжец», плут»). Как говорит сам поэт, «сдвинул точки слегка мастер тонких затей». Какие бы «опыты» со словом «табаряк» ни проводили азербайджанские учёные, слова «мешок» и «плут, лжец» Низами на язык своей поэмы перевёл с лезгинского.

Авторы «Похищения Низами» довольно отрицательно отнеслись и к эзотерическому ряду слов, образующихся от трехбуквенного корня слова «Низами» (НЗМ). Видимо, учёные не имеют должного представления о суфизме и «забыли» о том, что поэт был суфием. Сбрасывать со счетов этот факт и его последствия в творчестве Низами нельзя. Но азербайджанским учёным можно, так как для продолжения приведенного мной в статье «Возвращение Низами» ряда слов у них не нашлось ни одного тюркского слова.

В отдельную тему можно выделить идиоматические обороты в творчестве Низами. Определённая часть из них также «намекает» на глубокое знание поэтом лезгинского языка.

К примеру, возьмём такие устойчивые обороты: «шерстяной лев» (человек, с виду сильный, крупный, но слабый, с мягким характером), «твёрдость лица» (упорство человека в каком-нибудь деле, иногда упрямство), «съесть деньги» (истратить деньги впустую), «вот камень, вот весы» (предложение взвесить то или иное обстоятельство) и др. Эти идиомы являются дословным переводом, прямым калькированием лезгинских устойчивых фраз.

Меня удивила уверенность авторов «Похищения Низами» в том, что моё «Возвращение Низами» «не заслуживает серьёзного научного внимания и лишь вызывает горечь у тех, кому дороги духовное достояние человечества, историческая правда и объективность». Откуда у них такая уверенность? Те, кому дороги «историческая правда и объективность», живут не только в Азербайд-

жане. Я не заметил, чтобы моя статья вызывала у кого-то из них «горечь».

Лично меня статья Набиева и Керимли ещё раз убедила, что азербайджано-тюркская версия биографии Низами – грандиозная фальсификация, за что им большое спасибо.

БЕССМЕРТНО ТОЛЬКО ИМЯ

К написанию этой статьи меня побудил труд Мухаммеда-Али Мирзы Казем-Бека (1802–1870) «Мюридизм и Шамиль», а точнее, комментарий автора, касающийся «мистика Хаддиса», упоминавшегося в качестве учителя будущего имама Дагестана и Чечни в период, когда Шамиль приступал к слушанию высших курсов мусульманской школы, философии, толкования Корана, преданий о пророке Мухаммеде и законовведения.

По поводу данного религиозного деятеля известный востоковед дает следующее пояснение: «Того имени на Востоке мы не знаем; в первый раз я слышал его от Шамиля, который сказал: Хаддис-отец и Хаддис-сын – весьма ученые мистики в Дагестане».

Хаддисы, отец и сын, упоминаются и в другой главе, где рассказывается о развитии мюридизма на Кавказе: «После Мансура нам известны имена Мохаммеда Хасс-Мохаммеда, Хаддисов и Джемалуд-Дина, которые в Кюринском и Аварском ханствах приготавливали поприще нынешнего мюридизма. Хаддисы, отец и сын, были мюридами и имели много мюридов».

Общеизвестно, что в течение семи лет Шамиль учился в медресе Мухаммеда Яраги (1761–1838). Но о том, что в этой же школе преподавал в начале своей деятельности и старший сын тарикатского шейха Хаджи Исмаил Яраги (1810–1904), мало где говорится.

Хотя Казем-Бек в своем труде признается в том, что ему неизвестны подробности жизни Шамиля до начала его поприща (1833), удивляет его нежелание разузнать, кто именно стоит за теми отцом и сыном, названными Шамилем Хаддисами. Быть может, нашему земляку, выходцу из древнего Дербента, покинувшему родной город в возрасте 19 лет, переехавшему в Астрахань и получившему к тому времени определенное образование, в самом деле не было известно имя Мухаммеда Яраги, у которого когда-то учился и упомянутый Хасс-Мохаммед. Этот религиозный деятель, вернувшись после долгих лет разлуки со своим ярагским учителем, впервые рассказал ему о накшбендийском тарикатском учении и повел его в Кюрдмир к шейху Исмаилу, у которого после надлежащей долгой учебы будущий первый дагестанский муршид получил инвеституру на духовное наставничество.

Возможно, что принявший христианство пресвитерианского направления под влиянием шотландских миссионеров Казем-Бек, чье прошение об исключительном желании работать в Петербурге переводчиком в Министерстве иностранных дел России было представлено Астраханским губернатором Главнокомандующему Кавказа генералу Александру Ермолову (1777–1861), не был осведомлен о ярагском шейхе. Ведь в том, 1824, году, когда Казем-Бек было написано прошение, о новоявленном религиозном лидере уже знали в обществе, и покоритель Кавказа тогда приказал кюринскому хану Аслану арестовать «смутьяна» и принять меры в связи с «беспорядками», учинявшимися последователями муршида, объявлявшими газават, размахивая деревянными шашками.

Но наш разговор не об этом. И даже не о том, что «мистики», названные Шамилем в разговоре с Казем-Бек, – это Мухаммед Яраги и его сын Исмаил. В этом сомнений у нас нет.

О жизни и деятельности Мухаммеда Яраги сохрани-

лось достаточно сведений, о нем немало написано как его современниками, так и нашими. К тому же до нас дошла в печатном виде его книга под названием «Асар» («Труды»), изданная в 1910 году в типографии Магомед-Мирзы Мавраева (1878–1964).

А какие сведения сохранились об Исмаиле Яраги?

Прежде чем ответить на этот вопрос, следует сделать оговорку по поводу слова «Хаддис», примененного имамом Шамилем в отношении своих лезгинских наставников. В данном контексте это слово использовано не как собственное имя или фамилия, как, видимо, считал Казем-Бек, и не в прямом смысле слова «хадис», что означает рассказ о словах и деяниях пророка Мухаммеда, а в усеченной форме слова «мухаддис», то есть человек, сведущий в науке о хадисах, глубоко разбирающийся в системе оценки степени достоверности хадисов, со своими специфическими критериями и терминологией.

Называя этим словом своих учителей, имам, ставший уже пленником, в доверительной беседе с прославленным ученым, возможно, полагая, что тот знает, о ком именно идет речь, показывает свое непритворное и душевное уважение к двум дорогим себе людям. Ведь они наставляли его на тот славный и в то же время трагический путь, что он, Шамиль, почти прошел и к завершению которого был уже готов.

Хаджи Исмаил-эфенди Яраги поистине был одним из признанных представителей своей эпохи. Вот что пишет о нем Гасан Алкадари (1834–1910) в заключении своей книги «Асари Дагестан», которую он завершил в августе 1890 года: «Сын именно этого эфенди (Мухаммеда Яраги. – А.К.) и есть упоминаемый Гаджи Исмаил-эфенди, который усвоил полностью все науки в обучении у своего отца и у прочих ученых Дагестана, много лет занимался в своем селении преподаванием, а потом в течение около двадцати лет был кадием в Кюринском окружном суде.

В настоящее время, потеряв способность к мирской службе, он занялся благочестием у себя дома. Он набожный человек, достигший восьмидесяти лет жизни и ожидающий во здравии и покое, что Аллах Всевышний продлит срок его праведной жизни, да хранит его Аллах Всевышний в благоденствии и почете».

Среди скупых сведений о Хаджи Исмаиле Яраги необходимо особо отметить два стихотворения великого лезгинского поэта Етима Эмина (1838-1884): «Груша» и «Благословенный Исмаил». Также известны его деловые письма, адресованные окружному судье Кюринского округа (стихотворец работал судьей в селе Ялцуг под началом Исмаила). До потомков дошло одно письмо и самого Исмаила, в котором он поручает Эмину разрешить определенные судебные дела.

Эти письма свидетельствуют о том, что отношения этих двух служителей правосудия не ограничивались лишь кругом деловых вопросов. Отнюдь нет. Эти документы красноречиво подтверждают тесные дружеские связи между начальником и подчиненным, несмотря на внушительную разницу в их возрасте. Хаджи Исмаил-эфенди называет Эмина «моим драгоценным сыном». Такой же огромной любовью, благоговением отвечает и поэт. И нет никакого сомнения в том, что его эпитеты в письмах к эфенди: «средоточие добрых нравов», «свет моих очей», «радость моей души» – вовсе не из тех, что нередко мог использовать тот или иной подчиненный, чтобы умаслить начальника, а исходят из самых сокровенных глубин души. Вдобавок к этому Эмин смело называет Хаджи Исмаила и «моим другом». А в посвященных ему стихотворениях поэт расширяет масштаб своих высоких эпитетов, обрисовывая своего героя и как «пожертвование справедливости», и как «счастье нашей страны», и как «достигшего совершенства мюршида» и т.д.

Следует добавить, что родству их душ предшество-

вал тот, несомненно, основополагающий факт, что отец Етима Эмина Севзихан, умерший, когда сыну было пятнадцать лет, числился среди мюридов, последовавших за Мухаммедом Яраги во время гонений на него и друживших с его сыном.

Из стихов классика лезгинской поэзии мы также знаем тахаллус (псевдоним) Хаджи Исмаила Яраги – Забиюлла, означающий «Пожертвование Аллаху». Наличие псевдонима дает нам основание предположить, что сын великого шейха имел отношение и к литературной работе.

Сравнительно недавно стало известно, что Исмаил Яраги написал биографический очерк о своем отце. Отрывок из него опубликован в книге профессора А.Р. Шихсалидова «Очерки истории, источниковедения, археографии средневекового Дагестана» (Дагестанское книжное издательство, 2008 г. С. 415–416). Хочется надеяться, что до читателей дойдет и полная версия этого очерка.

Еще одно свидетельство о незаурядности личности Хаджи Исмаила Яраги, похороненного в селе Верхний Яраг, дошло до наших дней. Это надпись на его надгробии, которая гласит: «Это – усыпальница скончавшегося в месяце саффар 1322/1904 года выдающегося ученого, знавшего Коран наизусть, Хаджи Исмаила-эфенди Яраги, сына шейха, знавшего Коран наизусть, Мухаммеда-эфенди, сына Исмаила-эфенди, сына шейха Малла Камала, сына Нузура» (Перевод с арабского Т. Айтберова).

Здесь важно привести еще одну надгробную надпись, обнаруженную в селе Верхний Яраг: «Это – могила блистательного ученого Мухаммеда-эфенди – сына великого ученого, Хаджи Исмаила-эфенди – сына гордого ученого, знавшего Коран наизусть, мухаджира, накшбендийского изгнанника, известного, несравненного навеки шейха Мухаммеда-эфенди – сына ученого кадия Исмаила-эфенди – сына ученого Шейхкамала-эфенди» (Перевод Т. Айтберова).

Как видно, речь идет о сыне Исмаила Яраги, названного в честь великого деда, также, с особым уважением, упомянутого в этой надписи. Внук Мухаммеда Яраги, вероятно, родился после смерти деда. О Мухаммеде-младшем других сведений нет.

Невозможно предположить, как долго могут простоять рукотворные надгробия или памятники историческим личностям, но несомненно одно – ничто не вечно под луной. Поистине верно сказал Етим Эмин в одном из своих философских стихотворений: «Бессмертно только имя в этом мире». Остаются только имя и память о великом добре или о великом зле, совершенном обладателем того или иного имени.

Что мы, живущие в XXI веке, можем сказать о Хаджи Исмаиле Яраги сегодня, после ста с лишним лет, прошедших со дня его смерти?

То, что он был достойным сыном великого отца и написал его биографию.

То, что он был одним из наставников имама Шамиля.

То, что он дружил с Етимом Эмином и поддерживал поэта, ставшего впоследствии духовным символом своего народа.

Во всем этом заключено Добро, совершенное при своей долгой, богатой трагическими, историческими событиями, насыщенной ежедневной духовной работой жизни Хаджи Исмаилом, что тем самым и поныне продолжает жить его имя.

КОРОНА СВЕТЛЫХ ГОЛОВ

Имя Мирза-Али аль-Ахты ни в научной, ни в литературной среде никогда не уходило в забвение, и сведения об этом ахтынском окружном судье и поэте, ученом и целителе всегда оказывались не столь обширными. Тому

очень много причин, связанных с его жизненными перипетиями и с тем, что происходило после его смерти с огромным творческим и научным наследием, оставленным им.

Хотелось бы остановиться на наиболее важных, на мой взгляд, фактах из жизни Мирза-Али, учитывая их историческую значимость, поскольку в нашей истории вряд ли найдется личность такого масштаба, которая удостоилась чести назваться видными современниками «аристократом духа», «короной светлых голов», «мореподобным ученым», «сокровищницей знаний», но в то же время со стороны других исторических лиц испытывала жестокую хулу, невиданные унижения и оскорбления, хотя и сами противники Мирза-Али не отрицали в нем тех талантов, которые в нем находили его ценители и сторонники.

Сохранились неопровержимые свидетельства, принадлежащие таким выдающимся представителям нашей истории как Мухаммед аль-Яраги, Мухаммед-Тахир аль-Карахи, Гасан Алкадари, которые и приводят в своих трудах сведения из жизни знаменитого ахтынца. Не менее ценны и воспоминания дочери коменданта ахтынской крепости Федора Рота – Нины, прозванной в русской армейской среде «девой гор», чьи воспоминания проливают свет не только на исторические события, связанные с походом Шамиля на Ахты, но и на факты из жизни многих других видных людей XIX столетия.

К примеру, возьмем цитату из воспоминаний Нины Рот: «Да, жизнь поэта трудна и опасна, – сказал он (Мирза-Али.– А.К.) однажды. – У нас был поэт Саид по соседству (Саид Кочхюрский.– А.К.). За вольные стихи хан ему выколол глаза, а однажды, заманив меня к себе, бросил в холодный колодец за то, что я ему не писал хвалебных од, и спасся я чудом...»

Здесь речь явно идет об Аслан-хане, о жестоком по-

ступке которого писал и Гасан Алкадари в книге «Асари Дагестан», а ведь считалось, что глаза вольнолюбивому певцу и поэту Саиду из Кочхюра выколол Сурхай-хан II (Кун Буттай). С Сурхай-ханом у Мирза-Али были дружеские отношения, и поэт посвятил ему оду. Когда Сурхай-хан, не найдя поддержки в войне с Россией у Ирана, вернулся в Дагестан, российская власть заменила его Аслан-ханом. Аслан-хан мстил Мирза-Али не только за то, что стихотворец из Ахты посвятил поверженному хану хвалебные стихи.

Мирза-Али оказался в немилости и у Шамиля, поскольку во время осады Ахтынской крепости сторонниками имама он находился в укреплении среди русских солдат. «Лизоблюдничающий поэт – не поэт, историк – не историк, – говорил Мирза-Али. – Ахтынские мухаджиры, служившие у Шамиля, очень хотели бы, чтобы я им посвятил несколько бейтов. Но они сеют смуту и там, где русские и горцы живут в мире», – писала Нина Рот в своих воспоминаниях.

Осада Ахтынской крепости оказалась мучительно долгой для противоборствующих сторон. Кадий Самурского округа Мирза-Али вышел из крепости, надеясь остановить бессмысленную бойню. Но Шамиль и его сторонники были непреклонны. Вот что рассказывал позже, в 1855 году, Мирза-Али своим муталлимам: «Тогда я не выдержал, вышел из крепости и присоединился к имаму, надеясь, что он простит меня за то, что я был у русских, и оставит меня и мою семью в покое, уважая хотя бы мой старческий возраст. Но имам меня с презрением арестовал и отправил пешком из Ахтов в Аварию с очень грубым конвоиром. Там я остался в тюрьме больше года в очень трудных условиях до тех пор, пока не отпустили нас взамен мюридов, находящихся в плену у русских».

Что удивительно, во всех испытаниях, выпавших на долю Мирза-Али, в нем преобладал поэтический дар. Он

создает высокопробные стихи, независимо от того, о чем пишет: о своем пленении или о поздней любви.

История любви пожилого «аристократа духа» Мирза-Али к молодой русской девушке Нине Рот удивительна. Поэт посвятил ей целый ряд стихов, которые представляют собой откровенные признания в своих чувствах. Все любовные стихи Мирза-Али, написанные, как литературное правило того времени, на тюркском языке, в дословном переводе доставлялись адресату и имели успех. Читая их, невольно думается, что в осажденной крепости поэт оказался не из-за политических убеждений, а из-за головокружительной любви.

Самым крупным произведением из всех известных посвящений, адресованных поэтом своей чаровнице, является стихотворение «Пора любви», написанное в форме муашшара. В этой традиционной стихотворной форме каждая строфа состоит из 10 строк; первая строфа имеет одну рифму, которая повторяется в последней строфе остальных строф. Мирза-Али в классическую строфу добавляет еще одну строку и воспевает возлюбленную аж в 15 одиннадцатистрочных строфах, тонко и изящно следуя строгим требованиям формы.

Это стихотворение сохранилось частично. Подстрочный перевод предоставил автору этих строк Галиб Садыки, имевший в своем архиве диван (сборник стихов) с поэтическими произведениями Мирза-Али, написанными его же рукой. Это и некоторые другие стихи были переведены мною на лезгинский язык и впервые опубликованы в 1993 году на страницах «Лезги газет». К сожалению, после смерти уважаемого Галиба-эфенди судьба рукописной книги Мирза-Али неизвестна.

Нина Рот относилась к чувствам Мирза-Али с уважением, но приняла руку и сердце другого горца.

Полковником Ротом было дано слово офицера, что выдаст свою дочь-красавицу замуж за самого отчаянно-

го и смелого солдата. Выбор его пал на молодого лезгина Алисултана, храбро воевавшего на стороне русских и принявшего во имя любви к Нине христианство. Алисултан был произведен в чин капитана и после крещения стал известен в офицерской среде как Николай Николаевич Беннет. От него Нина родила трех сыновей. Но судьба через тридцать лет после событий вокруг вышеупомянутого укрепления опять вернула его вместе со старшим сыном в Ахтынскую крепость, при повторном осаждении которой восставшими горцами во время бунта 1877 года оба погибли за царскую власть.

70-летний Мирза-Али, освободившись из тюрьмы, взял себе в жены 17-летнюю красавицу из Хунзаха, о которой говорили, что она была поразительно похожа на Нину Рот.

В более или менее совокупной форме со всеми бытовавшими в разных источниках сведениями об этой удивительной личности можно ознакомиться благодаря небольшой, но весьма ценной книге профессора Джонрида Ахмедова «Светлая звезда Мирза-Али аль-Ахты», изданной в 2002 году Фондом имени Шамиля. Эта книга подробно рассказывает и о трагической судьбе творческого наследия Мирза-Али, вновь напоминая о том, что каждая выявленная из моря незаслуженного забвения строка поэта возвращает нам уверенность в достойное прошлое нашего народа и обещает нам духовное пробуждение и возрождение.

Здесь целесообразно привести ценное свидетельство Гасана Алкадари об «аристократе духа»: «...Мирза-Али-эфенди Ахтынский... усвоил все знания и науки у Араканского Саида-эфенди, у Шиназского Саида-эфенди, у Хачмасского Саида-эфенди и у других ученых, был и истинным ученым и искусным поэтом, у которого много стихотворений на арабском, персидском и тюркском языках».

Красноречивей и убедительней всех о Мирза-Али аль-Ахты высказался великий шейх, первый дагестанский мюршид Мухаммед Яраги, написавший о нашем горском Гете стихотворение, своим переводом которого мне и хотелось бы завершить эту статью:

*Мореподобного ученого стихотворенья
Я нынче получил: в них солнечных лучей сплетенье.*

*И, без сомнения, велик творец этих стихов,
В Ахтах живущий средь благоухания садов.*

*Могуч его талант и мастерство так бесподобно,
Что удивление и зависть породить способно.*

*Неисчерпаемый лучится в каждом слове ум,
Читателя маня в пучину животворных дум.*

*Благочестив и прям, живет он, добродетель множа.
Будь милостив к нему, опорой будь ему, о Боже!*

*А тот, кто мудреца не признает, душою слеп,
Такого я бы счел за топчущего нагло хлеб.*

ВОСКРЕСШИЙ ИЗ ЗАБВЕНИЯ

Последние годы XX – начала XXI веков, несмотря на их неоднозначность для общественно-политического и экономического развития страны и Дагестана, для лезгинской словесности оказались годами открытий, связанных с возвращением забытых имен и некоторого прояснения тех страниц истории литературы, которые по причинам, несовместимым с идеологией нашей бывшей державы, оставались за семью печатями.

В газетах и журналах стали появляться одна за дру-

гой подборки стихов, хранившихся в личных архивах отдельных лиц, которые по воле того или иного случая стали обладателями удивительных даров родной литературы. Затем стали издаваться редкие сборники, скромные по объему, но бесценные по содержанию.

Сегодня мы имеем возможность с трепетом и гордостью за свой народ взять в руки книги поэтов конца XIX – начала XX века Али из Мугергана (составитель Ахмедулах Гюльмагомедов), Эмиралы из Тагирджала и Эмираслана Гани (составитель Забит Ризванов), Курбана из Хпеджа (составитель Нариман Ибрагимов). Впервые за всю историю литературы были изданы отдельные книги Саида из Кочхюра и Гаджи Ахтынского (составитель обоих сборников Гаджи Гашаров), Саяд Стальской (составители Рамазан Нагиев и Галиб Садыки), чьи сокровенные имена всегда были на слуху, но чьи стихи были известны лишь в небольшом количестве.

Конечно же, эти сборники не дают полной картины творчества данных авторов, но чудом сохранившиеся их стихи, пробившие пласты времен, – быть может, самое лучшее и заветное, так как эти скупые строки не потеряли своего блеска и значимости и в наше время.

То же самое можно сказать и о сборнике стихов Али из Рухуна, недавно изданном стараниями Рамазана Эмиргамзаева (редактор и автор предисловия поэт Мердали Джалилов).

В книге стихи вернувшегося из забвения поэта предварают стихотворение Мухаммеда Яраги, посвященное Али из Рухуна, свидетельство о нем Гасана Алкадари из книги «Асари Дагестан», а также выдержки из статей ученого-арабиста Галиба Садыки и писателя Абдулбари Махмудова, в которых излагаются некоторые сведения о жизни и творчестве одного из ярких и известных в свое время представителей лезгинской литературы первой половины XIX века.

Цель моей статьи – полагаясь на приведенные в книге материалы и оставшиеся за ее пределами данные, поразмышлять вслух о жизни и творчестве удивительной личности Али из Рухуна.

Называя его «одним из больших ученых Кюринского округа», Гасан Алкадари в своем свидетельстве продолжает: «... этот солидный ученый усвоил все науки, распространенные в Дагестане, более двадцати лет преподавал в своем селении, обладал прекрасным почерком, собственноручно переписал много книг, причем много лиц получило от него пользу через усвоение наизусть Корана». Упоминание о творческой работе Али из Рухуна Гасан Алкадари, не вдаваясь в подробности, выражает лишь несколькими словами: «В общем, он оставил много полезных произведений», из чего можно сделать вывод, что из-под пера Али вышло немалое количество стихов, имеющих свою ценность. Разумеется, вошедшие в нынешний сборник тринадцать стихотворений – явно лишь мизерная часть поэтического наследия поэта. Тут следует сожалеть и о том, что мимо внимания составителя прошли еще три стихотворения, опубликованные в журнале «Самур» (№ 3, 1991 г.): «Сын свињи», «Мельница» и «Сегодня».

В наши дни стихи Али из Рухуна обнаружил Галиб Садыки, который в годы своей научной и творческой деятельности собрал немалое количество рукописных и печатных книг, имеющих отношение к лезгинской литературе досоветского периода. Ученый-арабист, впервые выявляя имя поэта современным читателям, в 1986 году в журнале «Литературный Дагестан» на лезгинском языке (№ 3) подтвердил, что в книге Мухаммеда Яраги, изданной в 1909 году в Темир-Хан-Шуре, наличествуют написанные на арабском языке и в стихотворной форме письма Али из Рухуна, адресованные известному шей-

ху. В той же статье Галиб Садыки говорит и о том, что из творчества поэта в его руках оказалось лишь малое количество стихотворений, и объясняет эту толику тем, что часть наследия рухунца была вывезена в Турцию его внучатыми племянниками Махмудом и Магомедом, а другая часть, хранившаяся у правнука поэта Магомеда, погибла в огне, когда деникинцы в 1919 году сожгли его дом. Этот правнук, как известно, некоторое время жил в Ясной Поляне и общался со Львом Толстым, о чем наши старшие современники знают по советской прессе.

Кроме ценного свидетельства Гасана Алкадари, который был знаком с сыном Али из Рухуна Абакаром и внуком Абдул-Гамидом, огромное историческое и литературное значение имеет более раннее свидетельство старшего современника поэта – стихотворение Мухаммеда Яраги, посвященное Али из Рухуна, где говорится:

*Как я рад, что среди наших друзей
Есть такой ученый, указывающий нам путь.*

Дальше идут хвалебные эпитеты, превосходная степень в которых нарастает от строки к строке: Али-эфенди, по Яраги, – и «светоч» среди ученых, и «луч света в темноте», но убедительней всего подчеркнутое признание: «Нам важно быть им довольными и знать, что он глубже нас». Получить такую оценку от облеченного самими высокими духовными регалиями человека, первого идеолога мюридизма в Дагестане мог только достойнейший из достойных.

В то же время по стихам Али мы можем судить о том, что он был не столь высокого мнения о мюридах:

*Называясь мюридом, они обвязывают папаху материей,
Жаждут съесть в каждом селе по быку или барану.
Если увидят вдову с приятным характером,
Их ноги сами к ней побегут в смятении.*

*Если даже в далеком селении кто умрет, туда побегут,
Не насыщаются едой, будто их утроба – свалка,
Читают нечто, называя Ясином, а на самом деле
это бессмыслица...*

В конце стихотворения поэт обращается и к самому себе:

*Али из Рухуна, ты не родственник мюридам,
Смотри, мертвый сын, они тебя изобьют (за эти стихи).*

*Если ты знаешь религию ислам, будь ее приверженцем,
Ее урожай предлагай ты своему народу в этом смятении.*

Из этих строк явствует, что Али был сторонником традиционного ислама, и даже авторитет верховного главы дагестанских тарикатистов Мухаммеда Яраги не смутил стоящего на своем поэта, уверенного в своих убеждениях.

Эти стихи наверняка имеют отношение не к мюридам по духу и внутренним убеждениям, а лишь к оборотням. Тем более что, оставаясь традиционным последователем ислама, Али из Рухуна в другом стихотворении, обращенном к хану, выражает свое недовольство тем, как он, хан, обошелся со знаменитым шейхом. «Куда же ты дел духовного главу страны (т.е. Дагестана. – А.К.) Мухаммеда Яраги?» – спрашивает поэт.

Судя по этой строке, мы можем убедиться в том, что речь в стихотворении идет об известном своей жестокостью и несправедливостью Аслан-хане, который по приказу генерала Ермолова арестовал «возмутителя», чьи мюриды, вооружившись деревянными шашками и размахивая ими, кричали: «Газават! Газават!» Свидетельство поэта о хане, как зеркало, отражает «многогранный» образ Аслан-хана:

*Жестокий хан, ты хитростью голову у народа отнял,
Клыки скаля по-лисьи, ты у лица (народа) глаза отнял.*

*Приведа войско, ты у людей землю отнял,
Имения, имущество ограбил, ты руки у нас отнял...*

*... Ты, беспощадный, у матери – сына, у жены – мужа
отнял...*

*... Ты корни наших саженцев и крону, растущую вверх,
отнял...*

*... Над нашими красавицами надругался,
Людей ты превратил в побирушек и пустил по
пустыням...*

*Глаза не могут выносить слез, а им нет конца,
Ты и у Али не только радость, но и слезы отнял.*

Действительно, истории известно немало примеров жестокости Аслан-хана, и стихи Али имеют под собой реальную основу. Фраза «ты у лица (народа) глаза отнял» явно напоминает об ослеплении Аслан-ханом поэта Саида из Кочхюра, чье стихотворное проклятие кровавого владетеля, прозванного в народе Мурсал-ханом в «честь» такого же злодея из более древних времен, стало нерушимым «памятником» эпохе, в которой «исчезли соловьи, вороны каркают»:

*И пусть огонь небесный в прах
Сотрет твой терем на костях.
Услышь меня, о мой Аллах!
Проклятьё! Сгинь скорей, злодей!*

В круг общения с Али из Рухуна входил и другой поэт и влиятельный человек во всем Дагестане Мирза-Али из Ахты, которого Мухаммед Яраги в одном из своих стихов называет «мореподобным ученым», а того, кто не считается с этим мудрецом, нарекает слепым душой. «Такого я бы счел за топчущего нагло хлеб», – заключает данное свое стихотворение Мухаммед Яраги.

Это посвящение было написано задолго до ставшего известным в литературе столкновения, произошедшего между Мирза-Али из Ахты и Али из Рухуна, последний из которых, невзирая на высокую оценку, данную ярагским шейхом ахтынскому «аристократу духа», все же осмелился написать обвинительные стихи в его адрес.

А повод для того был из ряда вон выходящий: любовь семидесятилетнего поэта и Самурского окружного судьи к молодой русской девушке Нине Рот – дочери коменданта Ахтынской крепости, в которой располагался русский гарнизон. Слух об этом «инциденте» молниеносно распространился по всему Лезгистану.

Обратимся к воспоминаниям Нины Рот, опубликованным в Махачкале в 1995 году архивариусом Н.Бедирхановым: «В те дни немало ласковых слов говорил мне мудрый восточный «аристократ духа» Мирза-Али, богатый, но сумевший прикинуться и дервишем, и честным. Он и лекарь, и писец, и поэт, и главный судья в округе. Он облачен был в одеяние учености и совершенства, мудрости и пронизательности, был склонен к изящной словесности. По дороге из Куруша он долго искал со мной встречи наедине и, когда ему это удалось, начал с восхваления моих каштановых волос и почему-то очень обрадовался, когда я сказала, что мать моей матери была родом из Дагестана и мой дед по матери украл ее, затем он несколько раз, шутя, сказал, что он будет мстить моему дедушке, украв его внучку, т.е. меня. «Иной раз, – говорил он, – женщина может вскружить голову человеку. Это только потому, что у нее в голове только одна мысль – любовь. Трудно преодолеть это заблуждение и мудрым, и глупым, и молодым, и старым. Поэтому и говорится, что веревкой, свитой из подметок обуви, которую носит женщина, наверняка прихватишь оленя...» Все было понятно. Старик держится еще молодцом, одет в каракулеву шапку и черкеску. К тому же совсем недавно умерла жена...»

Русская красавица признается, что стихи, посвященные ей Мирза-Али, пришлись ей по душе. Действительно, эти переполненные высокими чувствами стихи стали вершинами любовной лирики в лезгинской поэзии. Но вернемся к воспоминаниям Нины Рот: «Далее он (Мирза-Али. – А.К.) обещал подарить мне сборник стихов, однако со всех сторон на него налетели упреки; тамошние клерикальные шаиры-поэты обращались к нему даже со стихами обвинений. Поэт Рухун Али с сарказмом писал:

*Эй, муж науки, послушай-ка,
Тебе на пользу слова мои:
Ты ушел с пути истинного,
Бросаешь ты шариат – наш кров.*

Беспокойство защитника шариата Али из Рухуна понятно. Намерения его ахтынского собрата по перу были более чем серьезными. Мирза-Али не отступал. Он писал стихотворные отповеди всем противникам своих отношений с русской девушкой. Одно из таких ответных посланий, как и все остальные его стихи, не лишено неопровержимых поэтических достоинств, несмотря на присутствие в нем и доли явной раздраженности автора:

*Любитель раздавать советы лежебокам,
Убога мысль твоя и света лишена.
И разум твой во сне находится глубоко,
Ты к просвещенью глух и слеп душой сполна.*

*Пусть небывицы ты рассказываешь людям –
К позору держит путь упрямец иль гордец.
И гасишь знаний свет ты словоблудьем нудным,
Но всякой пустоте наступит раз конец.*

*Хвалить друзей своих, коль нет на то причины, –
Для горца доброго нет тяжелей ярма.*

*Но не к лицу хулить и недруга мужчине,
Коль выше тот тебя правдивостью ума.*

Это стихотворение было ответом и в адрес Али из Рухуна.

Стихотворная перепалка между двумя поэтами и религиозными деятелями – это по сути бескровная борьба между вековыми мусульманскими устоями и обновлением традиционных духовных ценностей в связи с наступательным шествием в горскую среду русской и европейской культуры.

Мирза-Али был натурой, склонной к новшеству и в жизни, и в творчестве, ищущей, не ограничивающей себя лишь духовными знаниями, взыскующей решительных действий, чего от него требовала и должность окружного судьи. Он, по свидетельству Нины Рот, изучал и русский язык, в его домашней библиотеке имелись книги Пушкина, Лермонтова и других русских писателей.

А Али из Рухуна оставался консерватором, это, видимо, было последствием его долгой преподавательской деятельности. И столкновение перьями с Мирза-Али для рухунца не прошло без пользы. Из-под его пера, наряду с традиционными, восхваляющими Всевышнего и обличающими существующие несправедливые социальные порядки стихами, выходят и ярко любовные строки. Галиб Садыки был склонен думать, что эти стихи родились под влиянием Мирза-Али, и такое мнение – вполне обоснованное. Читая любовные стихи Али из Рухуна, можно полагать, что и с ним случилось нечто такое, что и с его ахтынским собратом:

*Если даже весь мир из-за тебя будет моим врагом сегодня,
Клянусь именем народа, ради тебя и ста жизней не
пожалю сегодня.*

своих великих предшественников. И Али из Рухуна на фоне своих предшественников и преемников выглядит очень яркой и достойной фигурой.

Завершая статью, я хотел бы обратить внимание на слово «рухун», от которого старое лезгинское селение, к сожалению, сегодня уже не существующее, получило свое название.

Вряд ли кто из современных лезгин может сказать, что означает это ставшее, увы, архаизмом слово, значение которого – «родина». Оно на одном из поворотных этапов истории было заменено заимствованным из арабского «ватан». Чужеродное слово вошло во все дагестанские языки, изгоняя коренное равнозначное обозначение. Это обстоятельство наводит на глубокие раздумья, порой очень грустные.

И слово «рухва», употребляемое очень редко, и то в стихах, также является производным от слова «рухун» и емко означает «сын родины», по смыслу несколько отличаясь от обычного слова «хва» – «сын».

Али из Рухуна нам дорог тем, что его поэзия является для нас огромным духовным подарком, и лишь благодаря его имени, рядом с которым, по литературной традиции, стоит название его исчезнувшего в годы переселения горных аулов села, сохранилось слово «рухун».

Думаю, что корневое слово должно быть возвращено в лексикон нынешних соплеменников поэта, который был сыном своей отчизны и чьи идеалы не могут и не должны поблекнуть в наше трудное время. Надежду на это дает тот факт, что многие рухунцы сейчас возвращаются на отцовские земли и заново возрождают свое славное село на прежнем месте. Среди них и прямые потомки мудрого стихотворца, чтящие память своего предка.

ПРОТИВОВЕС ЗАПУСТЕНИЮ

Девятнадцатое столетие в истории Дагестана знаменательно не только яростными волнениями народных масс, бурными и в то же время трагическими событиями освободительных движений, но и развитием общественной мысли, светско-духовным становлением, ориентированным на европейские культурные ценности. Этим была обусловлена новая волна пробуждения национального самосознания народов, населяющих Страну гор.

Со стороны победившей Шамиля царской власти получают наступательное развитие кавказоведение и его национальные разветвления. Углубляется изучение истории, этнографии, археологии, языков, фольклора горцев. На то у русского правительства были далеко идущие планы, о чем, к примеру, свидетельствует «Библиографическая заметка» из «Сборника сведений о кавказских горцах, изданного с соизволения Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказской Армией при Кавказском горском управлении» (Выпуск I, Тифлис, 1863 г.): «Дело введения письменности и распространения грамотности на туземных горских языках, начатое по инициативе генерал-лейтенанта Бартоломея и генерал-майора Услара, нашло поддержку со стороны Общества восстановления христианства на Кавказе и со стороны военного ведомства. Поводом к такой поддержке послужили, между прочим, общие как для общества, так и для администрации края цели: легчайшее и скорейшее распространение в массе горского населения полезных сведений и согласных с видами правительства понятий, с уменьшением в то же время вредного в политическом смысле влияния на горцев арабской учености».

Петр Карлович Услар, создавший фундаментальные исследования по дагестанским языкам, привлек к изучению национальных языков одаренных горцев – аварца

Айдемира Чиркеевского, лакца Абдуллу Омарова, лезгина Казанфара Зульфугарова, даргинца Магомеда Далгата, табасаранца Абдуллу-Селима. Напомним читателю, что эти представители только что зарождающейся, ориентированной на европейские ценности дагестанской интеллигенции стали застройщиками нового культурно-просветительского ландшафта Дагестана.

А.Чиркеевский вошел в историю как собиратель и издатель «Аварских песен и сказов», «Сказок и басен» и как автор статьи «О происхождении аварцев», чьи выводы о миграции аварцев в Дагестан не были приняты научной критикой.

А.Омаровым были изданы два содержательных очерка («Воспоминания муталима» и «Как живут лаки»), в которых описываются нравы, обычаи и быт лакского народа. Кроме того, им собраны и переведены на русский язык «Казикумухские (лакские) народные сказания». Он также перевел с арабского на русский язык «Адабул-Марзия» (Правила достойных приличий) Джемалэддина Казикумухского и «Истинные и ложные последователи тариката» Магомедханова.

А Казанфар Зульфугаров известен как составитель «Кюринской азбуки», созданной на основе усларовского алфавита лезгинского языка.

О нем более подробно наш рассказ.

Начнем с весьма интересных подробностей, сообщенных П.К.Усларом военному губернатору Дагестанской области в 1871 году: «...В продолжение 11-летнего пребывания моего в Дагестане в занятиях моих участвовало около 20 горцев, а теперь, вследствие тяжелых условий, их осталось двое... Один из них – житель Кюринского округа, сел. Мамрач, письмоводитель окружного суда Казанфар Зулфугар-оглы, с 1867 г. командированный в мое распоряжение. При исключительной помощи его я успел составить обширную грамматику, хрестоматию и

словарь лезгинского языка... Он служит мне деятельным помощником при исследовании и табасаранского языка... Сверх того, для упражнения лезгин в чтении, написал книгу, которая готова для печати». Разумеется, здесь речь идет о вышеупомянутой «Кюринской азбуке».

Полное ее библиографическое описание дано в «Каталоге печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана (дореволюционный период)», составленном Амирханом Исаевым и изданном Институтом истории, языка и литературы им. Г. Цадасы в 1989 году: «Кюредин эвелимжи абжуз – Кюринская азбука. Сост. – Газанфар-бег (сын Зулфукара из Мамраша). Темир-Хан-Шура: тип. Штаба войск Дагестанской области, 1871. – 57 с., 16x21 см. «Печатана с разрешения Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказской Армиею и наместника Кавказского».

Учебное пособие. Написано на лезгинском языке и на составленном П.К.Усларом для лезгинского языка алфавите.

Пособие содержит: 1) алфавит и тексты для чтения в форме беседы – с.2 – 12; 2) назидательные, нравоучительные беседы – с. 12-21; 3) рассказы-сказки: Верблюд, лисица, волк и медведь – с. 21–27; 4) лисица и волк – с. 27–32; 5) рассказы о значении науки и познании мира – с.32–41; 6) что должен знать мусульманин (в форме вопросов-ответов) – с.41-48; 7) рассказы о пятикратных молитвах – с. 49–52; 8) о грехах – с. 52–54; 9) цифры и таблица умножения прописью на лезгинском языке – с. 55–57».

1871 год знаменателен еще и тем, что именно тогда было создано одно-единственное дошедшее до нас стихотворение Казанфара, написанное в ответ на стихотворение Етима Эмина. В своем произведении Эмин, служивший кадием села Ялцуг, советует: «Эй, дорогой Бедел-Вирана (литературный псевдоним Казанфара. – А.К.), друзья разве такими, как мы, бывают? Храм друж-

бы разве постоянно таким тесным бывает?.. Етим Эмин тебе скажет: друг – это гора за спиной друга. Если не так, то дружба не была бы пустым звуком?» Из текста следует, что Эмин давно не видел своего друга и скучает по нему. Видимо, эта разлука друзей имела место, когда Казанфар был командирован в распоряжение Услара и был поглощен подготовкой своей книги.

Дружба Казанфара и Эмина наверняка сложилась и укрепилась в годы их работы под началом кадия окружного суда Хаджи Исмаила Яраги, который известен и как тесть составителя «Кюринской азбуки». Отвечая Етиму Эмину, Казанфар признается: «Я понял: только глупцы не понимают, что друг – это гора за спиной друга». Стихотворение Казанфара ценно еще и тем, что он первый из современников Етима Эмина, кто высоко оценил талант поэта и предвидел его высокое призвание выразителя народной души.

Казанфар имеет косвенное отношение и к написанию Эмином стихотворения «Груша», в котором восхваляются груши, присланные поэту Исмаилом Яраги, равных которым по величине не видели «ни в Шеки, ни в Ширване... ни в Тифлисе, ни в Темир-Хан-Шуре».

Известный арабист Галиб Садыки был убежден, что саженцы этой груши были привезены из сибирской ссылки, куда Казанфар был сослан после восстания 1877 года, и подарены тестю. Ученый также считал, что все, что имело отношение в данном случае к неизвестному до упоминаемого времени сорту груши, – свидетельство доброжелательного отношения к России и ко всем новшествам, проникающим оттуда в Страну гор. Тут, естественно, не порицались и семена российского просвещения, брошенные на духовную ниву горцев.

Следует напомнить и о том, что в Етима Эмине, написавшем в стихотворении о восстании 1877 года: «Когда-нибудь российский гнет саму державу в прах сотрет»,

преобладали антироссийские чувства. Его начальник по службе и одновременно любимый друг Хаджи Исмаил, сын Мухаммеда Яраги, своим подарком, т.е. грушами, хотел объяснить поэту, что не все, что идет от России, – зло. А поэт, поняв это, написал свое стихотворение.

Неопровержимых сведений о Казанфаре сохранилось слишком мало. Неизвестна дата его смерти. В справочнике «Лезгинские писатели» (составитель Курбан Акимов) год смерти указан как 1877. Это спорно. Фейзудин Нагиев в своей книге «Етим Эмин: путь к истине» пишет: «Казанфар Зульфугаров стал участником восстания 1877 года и был выслан в Иркутск. После освобождения некоторое время жил в селении Мамрач, а затем уехал с семьей в Турцию. Дальнейшая его судьба неизвестна».

То, что касается участия Казанфара в событиях 1877 года, требует некоторого уточнения. Он не мог быть активным их участником и в то же время не мог быть в стороне от восставших. Потому и оказался между двух огней. Со стороны участников ему достались горькие нарекания за пассивность, а со стороны власти – несправедливое наказание за неповиновение.

Что же касается того, что после возвращения из ссылки он уехал в Турцию, – это не подтверждается фактами. В любом случае в 1886 году он еще находится в Мамраче. Об этом говорят данные посемейных списков 1886 года Мамрачского сельского общества Кюринского округа Гюнейского общества, обнародованные в упомянутой выше книге Ф.Нагиева: «Мирза Казанфар, сын Зульфугара, 43 лет, имеет сыновей Гасана и Юсуфа 23 и 20 лет соответственно. С ним же живет его брат Гусейн 28 лет со своей женой и четырехлетним сыном Зульфугаром. В доме пятеро женщин. За семьей числятся 104 капана поливной земли, шесть голов рогатого скота и две лошади».

Исходя из приведенных данных, следует усомниться в том, что у Казанфара были весомые причины покинуть

родину. Тем более что слово «мирза», приставленное к имени Казанфара, дает основание полагать, что он был восстановлен на свою прежнюю должность письмоводителя Кюринского окружного суда, где кадием еще работал Исмаил Яраги.

Также известен факт получения российского образования сыновьями Казанфара, рассказ о которых из уст одного из ныне здравствующих сородичей Казанфара записал и опубликовал в «Лезги газет» (№ 44, 2002 г.) журналист Шахабудин Шабатов.

Удивительна судьба старшего сына Казанфара – Гасана. Проживший долгие годы в России, он дослужился до капитанского чина, стал известным мостостроителем.

Очевидцы свидетельствуют, что на железнодорожном мосту через Енисей до наших дней сохранилась высеченная надпись о том, что этот мост сооружен инженером Гасаном Казанфаровым. В конце жизни сын просветителя вернулся в родное село, где умер и похоронен.

В заключение хотелось бы вернуться к псевдониму Казанфара: Бедел-Вирана. Как известно, в его времена каждый автор, берущий себе псевдонимы, вкладывал в него особый смысл, исходя из собственных художественных изысканий и духовных устремлений. Псевдоним Казанфара означает: противовес запустению, из чего следует, что составитель «Кюринской азбуки» противопоставлял себя, прежде всего, духовному запустению. И мы можем с уверенностью сказать, что он достиг своей цели.

П.К.Услар скончался 8 июня 1875 года. Дочь ученого Нина Петровна в своих воспоминаниях отметила: «...отец 5 июня начал без умолку говорить, беспрестанно призывая сотрудников-горцев, особенно какого-то Казанфара».

ЖУРАВЛИ ЭМИРАЛИ

В заключении своей книги «Асари Дагестан» Гасан Алкадари приводит сведения «об умерших и здравствующих ученых преподавателях из дагестанцев». Сто с лишним лет, прошедших со дня завершения данного исторического труда, вновь и вновь демонстрируют возрастающую значимость этих «живых» свидетельств, порой даже очень скупых, но все же бесценных для поколений.

Для интересующихся лезгинской литературой первой половины XIX века, несомненно, представляют огромный интерес следующие сведения об одном из старших современников автора книги «Асари Дагестан» – поэте Эмиралли из Тагирджала: «Также в Кубинском уезде житель селения Техерджал Гаджи Амиралли-эфенди был действительным ученым и совершенным праведником. Он в дни юности переселился оттуда в Кюринский округ и усвоил науки в селении Юхари-Яраг у учителя нашего шейха Магомед-эфенди Яраги в его медресе, а потом вместе с ним бежал в Аварию и, служа ему, получил свою долю пользы по части явных и тайных наук, а также женился на дочери брата того эфенди благонравной и благочестивой по имени Меймунат и имел от нее сына, а именно состоящего теперь в Кюринском округе в селении Касумкенте ученого Молла Магомеда. Потом упомянутый Гаджи Амиралли-эфенди вернулся оттуда в Кюринский округ, поселил свою семью в селении Юхари-Яраг, а сам направился в паломничество, но в этом путешествии умер, да помилует его Аллах всевышний».

Гасан Алкадари умалчивает о литературных изысканиях Эмиралли, что может огорчить исследователей его творчества: историограф, рассказывая о других выдающихся ученых своего времени, как, например, о Мирза-Али из Ахты и Али из Рухуна, и отмечая их научную де-

тельность, одновременно указывает и на наличие у них художественных произведений.

Но о том, что Эмиралли из Тагирджала является автором целого ряда вполне соответствующих серьезному поэтическому уровню стихов, стало известно современному читателю только в 1980 году, когда лезгинский литературовед Мавлуд Ярахмедов, живший и работавший в Баку, издал там в издательстве «Генжлик» объединенный сборник стихов Эмиралли из Тагирджала и Реджеба из Ихрека. В дальнейшем, продолжая изучать жизнь и творчество тагирджалского стихотворца, писавшего, по сложившейся в его времена традиции среди многих лезгинских поэтов, на тюркском языке, литературовед в своей монографии «Из истории азербайджанско-дагестанских связей» (на азербайджанском языке) отмечает: «...в 1835 г. Эмиралли вместе с другом Абдуллой из Алкадара (отцом Гасана Алкадари. – А.К.) приезжает в селение Амсар Кубинского округа к А.Бакиханову. Последний по совету друзей организует литературный кружок «Гюлистан», и Эмиралли участвует в работе этого кружка». (Цитирую по книге С. Бедирханова «Эстетика лезгинской любовной лирики XVII-XIX вв.»).

В 1992 году в Дагестанском книжном издательстве вышел небольшой сборник стихов «Журавли», объединивший под одной обложкой стихи Эмиралли из Тагирджала (на книге его имя указано как Эмир Али) и его односельчанина Эмираслана Гани (1851-1896), который, в отличие от своего земляка, писал на родном лезгинском языке. Составитель книги – известный поэт и прозаик Забит Ризванов. Он же и переводчик стихов Эмиралли.

В своем предисловии Забит Ризванов пишет, что поэт родился приблизительно в 1790 году, и упоминает факт его учебы в медресе Мухаммеда Яраги, что, полагаясь на свидетельство Гасана Алкадари, можно считать неоспоримым.

Далее составитель говорит о вполне допустимом, но не подкрепленном доказательствами факте, как тесная дружба, которая сложилась у Эмиралли в ярагском медресе с Гази-Мухаммедом и Шамилем, впоследствии ставшими имамами Дагестана. Но тот факт, что Эмиралли был женат на дочери брата Мухаммеда Яраги, имеет под собой доказательную основу, опираясь на которую, можно полагать о возможности, наряду с родственными связями, и дружеских отношений между Эмиралли и отцом Гасана Алкадари Абдулло-эфенди, который был женат на дочери ярагского шейха Хафсат, являвшейся женой первого имама Гази-Мухаммеда до его гибели.

Будучи мюридом первого тарикатского шейха, Эмиралли разделил с ним все те гонения, которым со стороны царской власти подвергался Мухаммед Яраги, хотя в дошедших до нас стихах поэта на данный период жизни нет даже намека. Но зато есть отдаленные намеки на другие трагические события, наверняка произошедшие в жизни поэта.

Забит Ризванов без указания источника также приводит и такой факт, как арест и ссылка Эмиралли после его участия в походе Гази-Мухаммеда и Шамиля в Хунзах на резиденцию аварских ханов, которых, по свидетельству очевидца событий Мухаммеда Тахира, имам считал «закоренелыми врагами ислама и виновниками разложения народных нравов». О том, были ли приняты после этого неудачного похода имама какие-либо репрессивные меры со стороны царской власти, история умалчивает. Также и о том, был ли среди воинов Гази-Мухаммеда мюрид и поэт Эмиралли.

Но стихи-послания, свидетельствующие о несправедливой доле, испытываемой им на чужбине в «углах темниц», говорят сами за себя:

*Если кто спросит об этой стороне,
Ты ему расскажи обо всем, как есть.
Груз скорбей этого несправедливого времени
Ныне взвалился на плечи всех людей, скажи...*

*Попавшие в силки нечестивца люди
Сожжены муками, тела их пропали.
Сколько молодых людей в углах темниц
Валяются под ногами смерти, скажи.*

И в другом стихотворении говорится о муках на чужбине:

*Я, Эмиралы, разлучён со своим народом,
Нахожусь вдалеке от Родины.
О жестокий рок, что это за наказание?!
Сколько горя и мук ты взвалил на меня?!*

В данном контексте выделяется и стихотворение «Журавли» – одно из вершинных творений лезгинской поэзии первой половины XIX века. Здесь, прежде чем рассказать о содержании произведения, хотелось бы позволить себе некоторое лирическое отступление в глубь истории.

Так что же привлекает человека в журавлях?

В народных песнях лезгин часто упоминаются эти перелетные птицы, через которых влюбленные девушки пытаются разузнать о судьбе любимого человека, ушедшего на заработки в чужие страны.

Азербайджанский поэт XVIII века Вагиф в своем стихотворении о журавлях говорит:

*Я ищу кареглазую средь жен.
Не видели ль вы этих глаз, журавли?*

*Ваша дикая песня нежна, нежна.
И душа моя радостью обновлена.
И Вагифа душа высоко взметена,
Чтобы вечно лететь возле вас, журавли.*

В армянской народной поэзии журавль является символом тоски по родине. В древнегреческой поэзии известен случай, произошедший с поэтом Ивиком (VI в. до н.э.), погибшим от рук убийц. Истекающий кровью поэт, видя, что умирает и не сможет попасть на «Посейдонов пир», куда он шел, обратился к пролетающим журавлям с мольбой о мести. На празднике во время театрального зрелища в полной тишине зрители, уже знавшие о гибели поэта, услышали, как один из присутствующих назвал пролетавшую стаю «ивиковыми журавлями», тем самым доказав свою причастность к убийству любимого народом поэта.

Может быть, после этого случая для древних журавль стал символом бдительности? К тому же богатые римляне приручали и держали у себя журавлей для развлечения. Ценилось и мясо этих птиц. Также известно описание повадок журавлей, принадлежащее перу Плиния Старшего.

«Библейская энциклопедия» архимандрита Никифора, изданная в Москве в 1891 году, указывает на упоминание этих птиц в Ветхом Завете: «По закону Моисееву журавль или цапля считались птицами нечистыми. Исайя указывает ... на хорошо известный каждому жалобный крик журавля, курлыканье во время перелетов, которому и уподобляет стенание царя Изекии во время его болезни. Иеремия же говорит об уме и смысленности журавлей в следующих словах: «И журавли наблюдают время, когда им прилететь, а народ мой не знает определения Господня».

Видимо, во все времена жалобный крик журавлей вызывал в душах людей особый трепетный отклик, нахо-

дивших в курлыканье голосовое обозначение страданий человека, угнетенного жизненными невзгодами и неурядицами, тем более что перелетные птицы, в отличие от людей, могут одолевать любые расстояния. В этом люди видели преимущество над ними пернатых, которое, по представлениям человека, давало им, птицам, возможность «утолить» тоску по родине или насытиться любовью к дорогим существам, оказавшимся вдалеке, или же обеспечить себе уход от напастей жестокой жизни.

В «Журавлях» Эмиралли, находившийся на чужбине, жалуется на свою судьбу и несправедливость эпохи и, оставаясь верным поэтическим традициям, одновременно вносит в свое стихотворение заметные новшества содержательного характера. Таковым следует назвать тот поэтический прием, который отличает автора от многих своих собратьев. Он не просто просит журавлей передать определенному адресату, в данном случае родной стороне, вести о его телесном и душевном состоянии, а умоляет спуститься к нему и поделиться обоюдными трудностями, поговорить о жизни, что называется, лицом к лицу. Невольно думается, что автор стихотворения, как и древний пророк Иеремия, знал «об уме и смышлености» журавлей.

Вот что говорит поэт:

*Вы не думайте, что печаль не только у вас в сердцах,
Но и человека гнетёт скорбь, журавли.*

Это стихотворение дает основание считать, что стихотворец был в недобровольной разлуке с отчизной, и, как мы видим из первой строфы, разлучение произошло в его молодые годы:

*Стаями пролетая наверху,
Издайте крик по Дагестану, журавли.*

*У меня есть просьба к вам,
Выслушайте меня, молодого, журавли.*

В связи с этим все догадки исследователей о том, что стихотворение могло быть написано во время совершения поэтом хаджа в Мекку, теряют свою силу, потому что паломничество было совершено в конце жизни. Кроме всего, вряд ли ученика шейха Мухаммеда Яраги во время исполнения наиглавнейшего долга правоверного мусульманина могли посещать такие полные печали и безысходности переживания. На основании того, что в первой строфе упоминается Дагестан, а в последней поэт просит передать привет своему родному селу Тагирджалу, что расположено за пределами Страны гор, южнее, по правую сторону Самура, мы можем полагать, что полёт журавлей совершался осенью, с севера на юг. Лишь остаются открытыми вопросы: когда и за что был сослан поэт, где и сколько времени терпел он свою невольную разлуку с родной землей?

Возвращаясь к предисловию Забита Ризванова к составленной им книге со стихами Эмиралли, нельзя обойти вниманием и такие слова: «В 1846 году три друга: поэты и ученые Эмир Али, Абдулла Алкадари и Абаскули Бакиханов вышли в долгий путь, чтобы попутешествовать по странам Востока и совершить паломничество в Мекку. Заболевшие в долгом пути Абаскули и Эмир Али скончались в местечке Вади-Фатима. Абдулла Алкадари живым и здоровым вернулся домой».

К сожалению, автор приведенной цитаты не указывает на источник, откуда взяты эти сведения. Что касается года смерти А.Бакиханова, в Советском энциклопедическом словаре (1981 г.) эта дата соответствует 1847 году. И свидетельство Гасана Алкадари не содержит даже намек на совместное паломничество его отца в компании известного историографа Бакиханова и «действительного

ученого» Эмиралли, кроме недвусмысленной и сухой констатации факта: «в этом путешествии умер». Также не указано место кончины Эмиралли.

Но по приставке «Гаджи», прилагаемой Гасаном Алкадари к именам Абдуллы-эфенди и Эмиралли из Тагирджала, можно догадаться о том, что ими обоими был совершён хадж в священную Мекку.

Возможно, данная приставка имела отношение и к причастности этих исторических лиц к суфийскому ордену, к тарикатскому движению, которое в свое время возглавлял Мухаммед Яраги.

Кроме того, привлекательна и такая деталь, приводимая Гасаном Алкадари, который отмечает, что Эмиралли направился в паломничество, когда вернулся из Аварии. Он, возможно, вернулся оттуда после смерти Мухаммеда Яраги, который скончался в 1838 году.

Безусловно, для потомков драгоценна каждая крупница, свидетельствующая о жизни и творчестве поэта, жившего полтора века тому назад. Но то, что до нас сквозь толщи лихолетий и череду социальных и идеологических потрясений дошло 31 стихотворение одного из ярких представителей лезгинской поэзии первой половины XIX века, говорит о бесценности и непреложности этого наследия.

Интерес к поэзии Эмиралли из Тагирджала возрастает как среди читателей, так и среди исследователей, о чем свидетельствуют различные издания.

Стихи поэта представлены в книге «Дореволюционная лезгинская литература», составленной профессором Гаджи Гашаровым и изданной Дагучпедгизом в 1990 году.

В 2004 году под грифом института «Юждаг», что функционирует в древнем Дербенте, вышла книга «Из сокровищницы лезгинской литературы», в которой поэт и литературовед Азиз Мирзабеков собрал ценные сведения о лезгинских поэтах периода Кавказской Албании, а так-

же о стихотворцах, творивших по исторически сложившимся традициям на арабском и тюркском языках. Поэтические произведения, приведенные в данном издании, превосходно переведены самим же Азизом Мирзабековым, владеющим языками оригиналов этих стихов. То же самое мы можем сказать и о его переводах стихотворений Эмиралы из Тагирджала.

Творчество поэта также изучается в школах и учебных заведениях Дагестана.

В заключение с уверенностью можно отметить, что у Эмиралы поистине судьба большого поэта, чье каждое творение отмечено глубокими раздумьями и светлыми чувствами, неиссякающим уважением к человеку и его соответствию высшему своему предопределению: творить добро и служить правде.

Всегда и навек. Во что бы то ни стало.

ПРЕОДОЛЕНИЕ УРОДСТВА МИРА

Етим Эмин (1838–1884) входит в жизнь каждого лезгина с самых малых лет. Так уж сложилось, что небольшое наследие великого поэта навеки стало частью души народа и являет собой некую врожденную нравственную возвышенность, передающуюся по крови из поколения в поколение.

Иногда мне кажется, что и в моей жизни Етим Эмин возник вместе со мной одновременно. Впервые строки поэта я услышал из уст моей прабабушки. Она называла себя прежде всего шарвалмазаном, т.е. сказительницей легенд о герое лезгинского эпоса Шарвили. Она знала наизусть огромное количество стихов, любила рассказывать длинные, но нескучные сказки. К ней не раз приезжали собиратели фольклора. Прожила она более ста лет и умерла на девятом году моей жизни, и многое-многое

из ее рассказов у меня сохранилось в памяти по сей день. Две строки из разных стихотворений Етима Эмина, в самом раннем детстве отпечатавшихся в моей памяти, были вот эти: «Эй, дили-дивана, къелем яхъ гъиле...» («Эй, безумец, бери в руки перо...») и «Ашукъ жемир и дуьньядин гъавадал...» («Не влюбляйся в погоду этого мира...»). И, повзрослев, из года в год пытаюсь постичь полновесный смысл этих слов. Для этого действительно нужны годы, духовный и жизненный опыт.

Что именно могло выдвинуть обыкновенного сельского судью на место первого поэта своего народа? Ведь писать стихи для образованного лезгина того времени не стоило ровно ничего. Да и слава старших современников Етима Эмина, таких мастеров поэтического слова как Али из Рухуна, Эмиралы из Тагирджала, Мирза-Али из Ахтов и других, была в разгаре. И весь XIX век мы могли бы называть золотым веком лезгинской поэзии, если бы у нас, у неблагодарных и нерадивых потомков, хватило бы разума и усердия в сборе и последовательной публикации бесценного наследия большой плеяды мастеров слова, творивших в этом яростном для Дагестана столетии.

Некоторые исследователи творчества Етима Эмина находят причину всенародной любви к поэту в том, что он первым из лезгинских стихотворцев начал писать на родном языке, и объясняют это как смелое нарушение устаревших литературных традиций: мол-де, Эмин своим высоким поступком доказал, что и лезгинский язык имеет право быть равноценным арабскому или тюркскому языкам, считавшимся благородными и достойными для создания поэтических шедевров. С этим можно в принципе согласиться, но с серьезной оговоркой. Во-первых, лезгинский язык выявлял свои возможности в творчестве многих поэтов и доэминовского периода. Во-вторых, и так называемые тюрко- или арабоязычные лезгинские поэты тоже отводили не последнюю роль родному язы-

ку. Выявленные в наше время рукописные «литературные альманахи» (тоже, кстати, доэминовского периода) составлены из стихов на всех трех вышеназванных языках, среди которых лезгинский превалирует.

Составление сборников такого рода тоже было своеобразной традицией в лезгинской литературе. В этом плане любопытны наблюдения Нины Федоровны Рот – дочери коменданта Ахтынской крепости полковника Ф.Ф.Рота, побывавшей в Ахтах в 1848 году: «Главным его (Мирза-Али – А.К.) богатством, чем и гордился, были книги. В шкафу хранились десятки печатных томов в кожаных, атласных и картонных переплетах – много было здесь диванов (рукописных сборников) стихов древних поэтов... Его давним желанием было собрать и подготовить к изданию большой диван стихов своих и других поэтов... Уже знал Пушкина, Лермонтова, выразил сожаление, что оба рано погибли.

– Да, жизнь поэта трудна и опасна, – сказал он однажды. – У нас был поэт Саид по соседству. За вольные стихи хан ему выколол глаза... («Воспоминания девы гор». Самостоятельное издание историка-архивариуса Н.В. Бедирханова. Махачкала, 1995 г.).

Из приведенной цитаты явствует, что поэзия в XIX веке ценилась довольно высоко и, к стыду нашего времени, удостаивалась быть облаченной в кожаные и атласные переплеты. А в наши дни больших поэтов порой пытаются вовсе вычеркнуть из духовной жизни народа: к примеру, среди барельефных портретов дагестанских писателей-классиков, установленных на фасаде Национальной библиотеки имени Расула Гамзатова, нет изображения великого Етима Эмина.

Хотя трудно угадать, на каком языке были написаны стихи в сборниках из библиотеки Мирза-Али, но тот поэт, которого он упоминает в разговоре, – это, бесспор-

но, Саид из Кочхюра. А Саид создавал и пел свои стихи на лезгинском языке.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что и лезгинский язык в своих литературных правах не уступал ни тюркскому, ни арабскому, ни еще какому-либо третьему языку.

Еще далеко до эпохи Етима Эмина многоязычие для лезгинских поэтов приобретало черты полноценной литературной традиции. И сам Етим Эмин был многоязычным поэтом. Им написано немало превосходных стихотворений на тюркском языке. А деловые письма, написанные им на арабском, бесценны не только как документы, свидетельствующие об обыденной жизни поэта в должности сельского судьи, но и как образцы эпистолярного жанра литературы того времени.

Словом, благодатная почва вековых поэтических традиций предполагала появление Етима Эмина в том смысле и значении, в которых мы сегодня понимаем и воспринимаем его.

Понятны и объяснимы сомнения некоторых иноязычных читателей по поводу величия фигуры и значимости наследия Етима Эмина. Его поэзия чиста и притягательна, как горный родник, она прозрачна и многозначна, как слеза. И прежде всего она народна в самом высоком смысле этого слова. Для тонкого знатока восточной поэзии стихи Эмина, особенно ранние, могут показаться безобидными перепевами. Но истинная поэзия жива и жизнетворна только на том языке, на каком она создана. Алхимия поэтического сочетания слов в силу своего таинства и божественного предназначения быть духовным «двигателем внутреннего сгорания» способна вдохнуть в общеизвестные избитые образы и символы новую жизнь и смысловую нагрузку. Нечто подобное имеет место и в творчестве Етима Эмина.

В его стихах прописные образы, метафоры, символы, сравнения звучат по-новому, ярко и весомо. Это присуще особенно стихам о любви:

*Когда ты растишь на груди у себя райский сад,
Разве можно не давать из его плодов
стоящему возле него человеку?*

В любовной лирике Эмин счастлив и беспечен. Это счастье он находит ни в чем другом, кроме как в страданиях любви. Чувствуется некое блаженствование безответной любовью, обратной стороной которой является скудная уверенность в непременной удаче.

Вся ранняя лирика представляет собой игру ощущений и настроений, проникновение в тайну женских имен. В каждом имени поэт открывал для себя новые грани женской красоты. И что удивительно, все эти стихи посвящены одной любимой – Тукезбан. А значения женских имен обозначают лишь эпитеты, адресованные единственной возлюбленной и отражающие ее красоту и превосходство.

Детство и отрочество поэта были безоблачными. Казалось бы, и не было никакого повода, чтобы брать себе этот горький и тяжкий псевдоним Етим (Сирота). Родившийся в благополучной и состоятельной семье (отец поэта Севзихан был сельским судьей в Ялцуге, после его смерти это место занял Эмин), начинающий стихотворец имел возможность получить образование, был знаком с лучшими людьми своего времени. Тогда в чем тайна такого подбора псевдонима? Ведь он называл себя сиротой в стихах, написанных еще до рокового случая, произошедшего с ним 20 июля 1871 года.

Возвращаясь ночью от окружного судьи домой, он упал на камни и глубоко поранил себе колено. С этого дня начались его мучения. Через четыре-пять лет он совсем слег. Так начинается иной Етим Эмин. Больной и одинокий. Отшельник поневоле. Начинается поэт-мыслитель, поэт-прорицатель, поэт-провидец. Невольно возникает вопрос: не предвидел ли Эмин свою судьбу, выбирая себе

еще в начале творческого пути этот печальный псевдоним? Не предопределение ли это своего духовного и жизненного пути, своего призвания быть всеми забытым «благоразумным Сиротой» в сумасшедшем, бренном мире?

Поэт еще до болезни спрашивал себя:

*Эй, Етим Эмин,
Изуродовав веру,
О чем из того, что дает этот мир,
Ты заботишься?*

Все годы своего одиночества и оторванности от людей он посвящает поиску ответа на этот вопрос. Из бездны личного горя ему открывается весь мир как на ладони. Все беды и несчастья времени проходят через его сердце. Все события, порождавшие всенародное горе, он принимает как свою боль. А свою боль он обобщает во всеобщий крик, всеобщее негодование и непримирение. Он становится пророком народного горя, голосом народа.

Поэт отзывается на все катаклизмы своего времени. Он создает живые картины роковых событий, имевших место в истории после восстания 1877 года. Вряд ли кто сегодня возразит, если скажу, что слова, сказанные поэтом сто с лишним лет назад, более чем пророчество:

*Когда-нибудь российский гнет
Саму державу в прах сотрет.*

Порой кажется, что надрывный голос поэта вот-вот перейдет в безумие. Тут-то и сокрыта вся тайна, весь смысл его глубоких предупреждений, приведенных мной в начале статьи: «Эй, безумец, бери в руки перо...» и «Не влюбляйся в погоду этого мира...»

Поэт с великой печалью созерцает крушение мира, вызванное смертью или гибелью мудрых людей, отчуждением друзей, человеческой жадностью, безверием. Но

Эмин находит противоядие уродству мира. Это любовь, дружба и согласие между людьми, бескорыстная чистота отношений между людьми.

Поэту также принадлежит строка-истина:

Одно только имя останется в мире.

Слово «имя» здесь не равнозначно лезгинскому двойному слову «ТІвар-ван», которое имеет много значений и переводится как «имя-голос», «имя-слух», «имя-знак», «имя-символ», «слава». Эта строка является как бы ключевой в отношении многих стихотворений поэта. Имя человека для поэта звучит не только как символ, имеющий определенный смысл в словесном выражении, оно также олицетворяет все деяния человека, от которых будет зависеть его духовное продолжение на земле.

Традицию называть в последней строфе каждого стихотворения свое имя поэт также обновляет и наполняет смыслом, заложенным в своем имени, а само сочетание слов «Етим» и «Эмин» превращается в некую духовную силу, призванную будить в людях мысль и надежду. «Эмин» означает «надежный», «несущий в себе надежду», «надеющийся». В цельной стихотворной канве имя поэта символизирует личную надежду и народную мечту в преодолении уродства миропорядка.

Вопросы, которые задавал поэт себе и времени, Богу и миру, были отнюдь не риторическими. Это были вопросы эпохи, направленные на поиск истинного смысла и назначения человеческой жизни.

*Возможно ли, о бренный мир, тебе всё горе рассказать?
Нас создал Бог, но ты ответь: счастливых дней сиянье где?
Мир звездный разумом займи, – чтоб муки наши описать,
Не хватит перьев и чернил, – да и такое знание где?*

Бессилие человека перед несовершенством мира пре-

следует ум поэта. Но он видит и возможное спасение: знания, духовное целеустремление человека к исправлению мира. По Эмину, все беды человечества связаны с духовной нищетой и слепотой людей.

В другом стихотворении поэт обращается к Богу:

*Всю жизнь одной твоей я поклонялся воле,
Чтоб испытать хотя бы день счастливой доли.
Но ты меня оставил в горечи и боли.
С какой же целью создан я тобой, Всевышний?!*

Человек ищет счастье на этой земле, но не находит его. «Земная жизнь сродни покосу», – напоминает поэт. Всё бессмысленно. Неужели нет выхода? Поэт обращается к людям и к Богу. Но уже не с вопросом, а с конкретным ответом на свои же вопросы.

Что удивительно – это предсмертные стихи Эмина. Приведу стихотворение полностью:

*Отцветшему наш мир подобен саду:
Друг друга, люди, уважайте вы.
Пять метров бязи – вот и вся награда
За труд земной, – не забывайте вы.*

*Жизнь не продлится от чужого хлеба, –
Свой только ешьте, – не гневите небо,
И все мы смертны – такова потреба, –
Проклятию злой дух предайте вы.*

*О Всемогущий, мы, рабы, страдаем,
Что несть числа грехам, в слезах рыдаем.
Прости нас, Боже, что недосыгаем,
Скажи: «Друг другу всё прощайте вы».*

*И в хаосе смятенном, быстротечном
Хоть одного из нас создай ты вечным,*

*Чтоб стал опорой смертным и увечным, –
Скажи: «Его не проклиняйте вы».*

*Из всех ты только не жалея Эмина,
Он с миром в ссоре, ибо мир – тряси́на.
Он просит Бога и пророка ныне:
Сей брeнный сад в рай превращайте вы.*

Итак, по Етиму Эмину, мир спасает только Бог, вселившийся в души людей. «Хоть одного из нас создай ты вечным». Не о духовном ли обновлении человека идет здесь речь? Не о том ли, что человек сам должен стремиться к своему совершенству? Своим умом и жизненным опытом? Не в духовном ли обогащении наше бессмертие? Кажется, что да. Поэт считает, что должна быть единая, непрерывающаяся божественно-логическая духовная связь между поколениями людей, приходящих в мир и уходящих из него. Лишь эта связь может превратить «сей брeнный сад» в рай.

Все творчество Етима Эмина можно считать частью этой самой вечной связи. Оно очищает, облагораживает, духовно обогащает всех, кто приобщается к нему.

Благо, что народы сиротами не бывают, пока рожают поэтов, ученых, музыкантов, художников, пахарей и виноградарей. Такие народы будут жить до скончания мира. Таков и народ Етима Эмина, который помнит уроки своего главного поэта.

ХОТЬ ОДНОГО ИЗ НАС СОЗДАЙ ТЫ ВЕЧНЫМ...

Двадцатые годы прошлого века в Южном Дагестане ознаменованы широким распространением тариката – учения о мистическом познании Истины (араб.: тарика – путь). Первым тарикатским шейхом в Стране гор стал

Мухаммед Яраги, который собрал вокруг себя много желающих вступить на истинный путь, именовавшихся мюридами. Самые лучшие и способные ученики получали от шейха разрешение передавать приобретенные знания и мистический опыт другим. Учение постепенно стало приниматься за непосредственную проповедь о газавате. Теоретическая чистота тариката приобрела политический оттенок, последствия которого вылились в страшную трагедию, получившую в истории название Кавказской войны.

Среди первых мюридов главного тарикатского шейха был и отец будущего великого лезгинского поэта Етима Эмина – Савзихан, который сопровождал своего учителя, жестоко преследуемого царскими властями, до тех пор, пока тот не был вынужден покинуть в 1831 году Кюринское ханство. Возможно, уход шейха за пределы Лезгистана и благоприятствовал сохранению здесь первоначального предназначения учения о тарикате, которое сводилось к сочетанию идеалистической метафизики с аскетической практикой, к постепенному приближению через мистическую любовь к познанию Бога и слиянию с Ним. Распространение этого учения среди образованных людей того времени способствовало зарождению нового жанра в лезгинской поэзии – илахи, который представляет собой самозабвенное восхваление Всевышнего. Написание илахи каждый поэт считал своим долгом. Тема отречения от «бренного» мира становится главенствующей в литературе.

И молодой Етим Эмин, родившийся в 1838 году (год смерти Мухаммеда Яраги), в какой-то мере унаследовал от отца и поэтов-предшественников плоды мистического постижения истины. Может, и слово «етим» («сирота»), взятое поэтом для себя в качестве псевдонима, коренится в данном суфийском учении.

Казалось бы, у поэта не было причин называть себя сиротой. Отец его имел довольно-таки хорошее состояние и

работал судьей нескольких сел. Позже его место занял сам Эмин. Вращался он среди лучших людей своего времени.

Но поэту открывается иная истина, она дается ему далеко не мистическим путем. Эта истина – реальный мир, окружающий поэта:

*Мир обезумел, потому что ханом
Любой плешивец чувствует себя.
Один схож с волком, а другой – с бараном,
Ликует сильный, слабого губя.*

(Перевод Я. Козловского).

Летом 1871 года, возвращаясь ночью домой, Эмин споткнулся и сильно разбил себе колено. Началась болезнь, определить которую не удалось даже лучшим лекарям. Поэта изолировали в отдельной комнате, куда могла входить только жена его Тукезбан. Друзья отделились. Оторвавшийся от мира Етим Эмин, некогда мечтавший предаться мистическим упражнениям, стал отшельником не по своей воле. Абстрактный псевдоним поэта наполнился конкретным смыслом (а может, он, выбирая литературный псевдоним, предвидел свою судьбу?).

И тут начинается иная, нежели в молодости, Етим Эмин, поистине народный поэт, олицетворяющий голос людского горя. Тот прекрасный мир, что строил беспечный поэт еще в ранней молодости, остался просто несбывшейся мечтой. В своем одиночестве Эмин стал как бы еще зрячей. Из бездны личного горя ему открывается весь мир как на ладони. Все роковые события, порождавшие всенародное горе, он принимает как свою боль. А свою скорбь обобщает во всеобщий крик и негодование. В своих зрелых стихах он изображает мир, который рушится от бесправия, бесчинства властителей, безверия людей, предательства друзей, несправедливости судей, человеческой алчности.

Но поэт все же не теряет веры в благоразумие челове-

ка. Он видит спасение мира в духовном очищении и обновлении людей.

В 1884 году, умирая, он продиктовал своей жене стихотворение, в котором просил Бога сделать хотя бы одного человека бессмертным («Хоть одного из нас создай Ты вечным...»). Не имел ли поэт в виду, что нужна некая непрерывающаяся божественно-логическая связь между людьми, уходящими из мира и приходящими в него, которая бы и способствовала духовному переустройству человечества?

Хотя стихи Етима Эмина знает каждый, кто владеет лезгинским языком, но глубокое познание его творчества и открытие его таинств еще впереди.

КТО ЗНАЕТ ИСТИНУ?

Как извращалась поэзия Сулеймана Стальского

Сулейман Стальский. Это имя пока еще не закатилось в лезгинской литературе, несмотря на ряд нападок и нареканий со стороны писателей, знавших и не знавших его.

Семен Липкин несколько лет тому назад «каялся», что М. Горький буквально заставлял его переводить стихи С. Стальского. «Слаб человек...» – заключает данную мысль С. Липкин, который считается более или менее удачливым переводчиком стихов лезгинского поэта.

И Владимир Солоухин бросил «камешек» в С. Стальского, правда, он здесь был не единственной мишенью – на этот раз его упоминали наряду с именами Д. Гулиа, Г. Цадасы, Джамбула, С. Вургуна, М. Турсун-заде.

И московский наш земляк Казбек Султанов тоже как-то раз иронизировал вокруг фразы «Гомер XX века».

И журнал «Огонек», где нередко публикуется уважаемый Семен Израилевич, тоже пару раз с ехидцей и из-

девкой процитировал стихи С. Стальского, оригиналов которых никто никогда не видел.

Неприятие С. Стальского понятно: уж больно от души поверил старый поэт в революцию, в Ленина, в Сталина и социализм, воспел их.

Не хочу углубляться во взгляды и убеждения С. Стальского. Но в революцию и ее вождей верили народы, верили поэты. Поверили в революцию и Блок, и Маяковский. Но потом разочаровались. Об этом В. Солоухин даже написал стихотворение «Три поэта». Третий был поэт Р. Ивнев. Солоухину же, истинному коммунисту в 50-е годы, принадлежат такие стихи:

*Что ж, мечтатель Уэллс, слышишь нынче меня
Под чугунным надгробьем, замшелым и ржавым, –
Что, Россия во мгле? Нет, Россия в огнях!
Нет, в сверканье и славе родная держава!*

*Это знамя Советов пылает огнем,
Освещая просторы Австралии и Азии.
А о Марсе мечтать? Мы мечтаем о нем.
Коммунистам – и это не область фантазий!*

Видимо, как Блок и Маяковский в свое время, и В. Солоухин в наши дни, судя по его «Камешкам», разочаровался в коммунистах. Ну что поделаешь, наверняка «великий эксперимент», проводившийся со страной, не мог не сопровождаться переменой убеждений и взглядов, разочарованиями и разрушением идеалов.

Я хочу сказать о разочаровании С. Стальского. Да, он разочаровался в «эксперименте» Ленина и его продолжателей. Разочаровался, когда узнал, какая идет «охота» за его соотечественниками, за его лучшими друзьями – лезгинским ученым-литературоведом Г. Гаджибековым, который был объявлен «врагом народа», и поэтом

А.Фатаховым, который скончался при сомнительных обстоятельствах и похоронен неизвестно где. Мотивы разочарования встречаются во многих стихах С. Стальского, созданных в последние годы жизни. Приведу отрывок из одного стихотворения:

*Торжествует, радуется рабочий класс,
Взяв свободу в свои руки,
Что будет в конце (своей) эпохи
Вовсе не зная...*

*Некоторые подмастерья дьявола,
Зло помышляя,
Любят играть на счетах,
Ни цифры четыре, ни цифры пять не зная.*

*Каждый сапог становится шахом,
А к скольким надо идти на поклон?!
Других они учат уму-разуму,
А есть ли он у них самих не зная...*

(Подстрочный перевод)

В своей повести «Декада» С. Липкин в образе «Гомера XX века» Мусаиба Кагарского, который является прообразом С. Стальского, угадал разочарование народного поэта в Сталине. Но, кроме этого, С. Липкину принадлежит статья «Великий ашуг» (думаю, что не М. Горький навязал этот эпитет), в которой переводчик поэмы «Дагестан» свидетельствует о мобилизации рабочих, ученых и литераторов для помощи С. Стальскому в создании этой поэмы. Так же коллективно создавалась поэма о Сталине, которая осталась незаконченной.

Любопытны комментарии к поэме «Думы о родине» и «Поэме о Серго Орджоникидзе» в книге С. Стальского «Сочинения» (ОГИЗ, Государственное издательство худо-

жественной литературы. Москва, 1948 г.), которые, как свидетельствует предисловие «От редакции», «составлены при участии научного работника Института истории, языка и литературы Дагестанской базы академии наук СССР А. Назаревича»:

«*Думы о Родине*». Лезгинский текст этой поэмы пока не разыскан. Известно, что в 1937 году Сулейман Стальский упорно работал над поэмой о Сталине. Поэма осталась незаконченной. Сохранились варианты поэмы и наброски к ней. Некоторые из них воспроизведены в «*Думах о родине*». Об источниках поэмы Мусаиб Стальский в письме к Г. Корабельникову (6/V 1941 г.) пишет следующее, ссылаясь на свидетельство переводчика:

«Я писал тов. Эффенди Капиеву насчет поэмы «*Думы о родине*». Вот ответ Эффенди Капиева: «Дорогой Мусаиб! Посылаю тебе сохранившиеся у меня отрывки из поэмы «*Думы о родине*». Вероятно, у меня есть (должен быть!) еще ряд записей, но сейчас мне трудно их систематизировать, надо рыться в архивах, редакциях и т.д. Но думаю, что достаточно и этих отрывков, чтобы убедиться, что «*Думы о родине*» – действительно были в свое время сложены Сулейманом. Эту поэму он делал частично на курорте, частично в мой приезд в аул».

«*Поэма о Серго Орджоникидзе*». По мнению Мусаиба Стальского, переводчик соединил в поэме ряд стихов Сулеймана Стальского, посвященных Серго Орджоникидзе».

Не могу понять, что за «наброски» у неграмотного поэта, что за «отрывки». О подстрочнике ли речь или оригинале? Но Мусаиб Стальского наверняка интересовал полный текст поэмы «*Думы о родине*» на лезгинском языке для издания, а не «наброски» к поэме о Сталине, «некоторые» из которых «воспроизведены в «*Думах о родине*». А кем они «воспроизведены» и почему? Как понять: «достаточно и этих отрывков, чтобы убедиться, что «*Думы о родине*» действительно были в свое время

сложены Сулейманом»? Почему Э. Капиева не волнует то, чем озабочен сын поэта?

Каким образом эти выдержанные, так сказать, с точки зрения социалистической идеологии поэмы остались неизданными на лезгинском языке, когда все, что сочинил поэт в угоду советской власти, сразу записывалось и попадало в печать?

К тому же одна из этих поэм – «Поэма о Серго Орджоникидзе» впервые издается в переводе Э. Капиева в 1936 г. в Пятигорске, куда вынужден был уехать переводчик, не избежавший опалы со стороны властей. Название первого издания поэмы, которая вроде бы была создана в том же 36-м году, странно удлиненное: «Поэма о Серго Орджоникидзе, любимом сподвижнике и друге великого Сталина».

Поэма «Думы о родине» (тоже в переводе Э.Капиева) впервые вышла в Москве в издательстве «Правда» в 1938 г. уже после смерти С. Стальского. А на лезгинском языке этих поэм в подлинном сочинении С. Стальского никто не видел.

Не выявлены или вовсе отсутствуют оригиналы стихов «Семью советскую любя» (перевод Э.Капиева), «Песня» (перевод Н.Ушакова), «Живое двигая вперед...» (Перевод Э. Капиева), «Размышление о том, что происходит в мире» (перевод Я. Смелякова) и др. А переводы, у которых имеются оригиналы, в основном тоже нуждаются в тщательном пересмотре и переоценке.

Наряду с бездушными призывно-декларативными стихами, навязанными, как известно, представителями властей разных мастей, С.Стальский продолжал создавать прекрасные образцы духовной и гражданской поэзии.

Мало кому известно, что С.Стальский не был членом партии большевиков и до конца своих дней совершал намаз.

Не только до русского, но и до лезгинского читателя еще не дошли стихи духовного звучания, которые ходят в

разных переписках. Ученый-арабист Г. М. Садыки, в чьем личном архиве находится одна из рукописей с таковыми стихами С. Стальского, любезно предоставил мне возможность переписать их. Некоторые из них я перевел на русский язык и опубликовал в сборнике «Литературный Дагестан – 1990», изданном в Дагестанском книжном издательстве⁶. В том же сборнике помещена статья профессора А. Г. Агаева, в которой наряду с остальными деятелями дагестанской культуры рассказывается и о последних днях С. Стальского.

Вдова репрессированного в годы «большого террора» Г. Гаджибекова З. Султанова в своих воспоминаниях, записанных поэтом Алирзой Саидовым в августе 1972 года и опубликованных на лезгинском языке в газете «Коммунист» (№№ 30, 31 за 1991 г.), говорит, что после ареста Г. Гаджибекова С. Стальский на свой страх и риск ходил в НКВД республики, чтобы доказать его невиновность. Известно также, что он посетил и камеру, куда ученый был заключен предварительно.

В последний год жизни (1937) после ноябрьского митинга, на котором С. Стальский не выполнил указание первого секретаря обкома партии Сорокина и председателя республиканского НКВД Ломоносова о том, чтобы поэт в своем выступлении стихами проклял «врага народа» Н. Самурского, больной поэт был брошен в Махачкале один и отвергнут. Единственный Мемей Эфендиев, молодой лезгинский поэт, взял на себя смелость проводить его в Ага-Стал. Поэт слег. Это были последние дни. Из старых друзей его успел посетить Э. Капиев. 23 ноября поэт скончался. Хоронили его в Махачкале. История сохранила фотографию: гроб с телом поэта несли Сорокин и Ломоносов.

Жизнь и творчество С. Стальского не изучены полно-

⁶ Затем они были изданы отдельной книжной (С. Стальский. Неизвестное. Изд-во Юпитер, 1994).

стью. Они таят в себе много новых открытий. Но то, что нам доступно и известно, т.е. его великолепные сатирические стихи, созданные до начала 20-х годов, актуальны и в наше смутное время. Целые строки стихов нравственного и гражданского характера стали пословицами и поговорками и составляют частицу духовной жизни лезгинского народа. Это второй после Етима Эмина и последний поэт, чьи стихи знают наизусть и стар и млад. Это истинный народный поэт в самом высоком понимании этого слова.

Сулейман Стальский – явление редкое. Он носит в себе опыт устной и письменной литературы лезгин, и мерки подхода к его творчеству доступны лишь тем, кто тонко владеет родным языком поэта, глубоко знает быт и культуру его народа и имеет познания в области стихосложения, вернее, познания о стихотворной форме «гошма», которой пользовался С. Стальский.

Поэтическое мастерство «этого старца, безграмотного, но мудрого», безусловно и самобытно.

Бездушность и вымученность, присущие поэме о Сталине и стихам о советской власти и ее деяниях, свидетельствуют об измене поэта истинной поэзии, об измене, к которой приводит душевная усталость от насильственного вмешательства во внутренний мир творца и подчинения музыки политике, которая всегда продажна. Но эти вещи бессильны и ничтожны перед настоящим и бесценным творчеством поэта.

Единственное, когда в него бросают «камешки», хотелось бы, чтобы эти новоявленные «властители дум» думали о том, какую боль они причиняют не самому С. Стальскому, а душе его народа, ибо только народ знает истинную цену своим сынам.

ОДИССЕЯ ГОМЕРА XX ВЕКА

«В Махачкалу в 1936 году приехала бригада поэтов (Петровский и др.) переводить песни лезгинского поэта Сулеймана Стальского, которого восторженный и великодушный М. Горький назвал Гомером XX века. Вышел неграмотный старик, заиграл на струнном инструменте и запел песню о Сталине. Переводчики попросили рассказать, о чем идет речь. Им изложили содержание стихов текста.

*О Сталин, – ты падишах падишахов.
Ты – султан султанов.
Ты – царь царей.
Ты – выше белого царя...*

Сначала переводчики остоленели, а потом, пообвыклись и перевели:

*О Сталин, ты солнце народов.
Ты – вершина гор...»*

Эта довольно большая цитата взята из книги известного историка Юрия Борева «Сталиниада», являющейся своего рода «кратким курсом» эпохи культа личности, составленным из смешных историй, прочих курьезных случаев, происходивших с известными людьми и связанных с именем Сталина. Близость этих миниатюр к народным притчам и анекдотам делает их порою даже более ценными, чем какой-либо официальный документ.

Приведенная целиком миниатюра ценна тем, что перед нами предстает неизвестная картина из жизни истинно народного поэта Сулеймана Стальского. Хотя эпитеты Юрия Борева «восторженный и великодушный», сказанные в отношении Максима Горького, назвавшего Сулеймана Стальского Гомером XX века, говорят со сто-

роны историка о незаслуженности поэтом такой высокой оценки, но сам факт, описанный в книге, наводит на очень серьезные размышления.

Речь не пойдет о переводах Сулеймана Стальского на русский язык, ибо о них сказано много. Немало написано о том, что Сулейман Стальский в переводах безбожно искажался, а иногда даже доходило до курьезов...

Известно и о том, что имеются в русских переводах такие поэмы, как «Думы о Родине» и «Поэма о Серго Орджоникидзе, любимом сподвижнике и друге великого Сталина», оригиналов на лезгинском языке которых никогда и не было. Но речь не об этом.

Важен в приведенной миниатюре и год, в котором произошел упомянутый случай, – 1936-й.

Но тут, прежде чем подойти к основной теме статьи, хотелось бы мимоходом остановиться и на том, что к 1936 году Сулейман Стальский был совершенно другим.

Особенно в последние годы жизни Сулейман Стальский обращается к темам Жизни и Смерти, Добра и Зла, мирской суеты и сущности человека. Замечательна его духовно-философская лирика, созданная в эти годы. Она до сих пор неизвестна широкому читателю и заслуживает широкой популяризации. Но речь не об этом.

Речь пойдет о панегирических стихах поэта, судя по переводам которых даже некоторые вполне уважаемые люди позволяли себе некую легковесность в суждениях о личности и творчестве Сулеймана Стальского. Кое-кто даже из молодых критиков, еще не оперившись, пытается показать свои зубы, называя Сулеймана Стальского идолопоклонником.

С уверенностью могу сказать, что, к сожалению, никто из нынешних ревизионистов Сулеймана Стальского не читал всего, что создано им, так как они не владеют лезгинским языком. Их восприятие поэта, их представление о нем слишком далеки от истины.

Был ли Сулейман Стальский идолопоклонником?
Беззаветно ли верил он Советской власти?

Нет, Сулейман Стальский идолопоклонником не был. В некомпетентных суждениях основных критиков поэта забывается о том, что Сулейман Стальский был великим сатириком. А значит, реалистом. Вот ключ ко всем тайнам панегирических стихов поэта, которые в большинстве случаев в переводах перестают быть тайнами, их просто переводили так, как это было угодно властям.

Сулейман Стальский вначале принял Советскую власть в таком виде, в каком она себя предполагала. Затем, обличитель старых порядков расштатовшегося общества, Сулейман Стальский ждал от новой власти истинного обновления общества, но и не терял меры реального восприятия того, что происходило вокруг. Например, в стихотворении «Лжекоммунист» поэт обличает человека, который, вступив в партию, ведет себя, как «устаревший» Мурсалхан. Происходящие перемены давали Сулейману Стальскому веру в возникновение справедливого общества. При всей текучести и переменчивости событий Сулейман Стальский оставался самим собой как человек. А как поэт он оставался приверженцем традиций своих предшественников, продолжателем канонов восточной поэзии почти во всех ее тематических проявлениях.

Возьмем стихотворение «На смерть Ленина»:

*Я узнал теперь: этот мир,
Оказывается, караван-сарай, товарищ!
Взявшего (завоевавшего) нам свободу Ленина
Как можно положить в могилу, товарищ?*

(«На смерть Ленина». 1924 г.).

Образ мира в сравнении с караван-сараем – избитый в стихах почти всех восточных поэтов, на которых бренность мира всегда наводила элегические настроения. Это

была традиция. Но была и другая традиция: воспевать, восхвалять царей, полководцев, героев.

Традиционалист Сулейман Стальский в своем стихотворении устаревший образ использовал в совершенно новом аспекте. Дело в том, что Ленин, которого еще при жизни возносили до небес, сравнивали с солнцем, человек, который действительно перевернул мир, с точки зрения Сулеймана Стальского, представляет собой и героя, завоевавшего «нам свободу», и царя новой страны. Но смысл стихов – в другом: перед лицом брэнного мира и такой человек, как Ленин, оказался бессильным. Но, с точки зрения коммунистической идеологии, о мире, одну шестую часть которого занимает Страна Советов, говорить как о караван-сараяе (значит, и новая власть преходяща, конечна) – что это? Случайность или авторская глухота? Или же – совсем другое? Все-таки это здоровое восприятие художника, вопреки требованиям идеологии, поскольку таких примеров можно привести очень много.

При всей своей внешней монотонности творчество Сулеймана Стальского за годы советской власти претерпевает незаметные с первого взгляда, но значительные изменения. Это особенно проявляется в конце 20-х, в 30-е годы. Чувствуется предосторожность, исчезает эмоциональный настрой, возникает фактографичность, чрезмерная декларативность. Одним словом, поэт открыто не выказывает своей позиции. Но он мог умело и художественно оправданно высказать такое, что ни один советский цензор не позволил бы себе придраться к таким стихам:

*Старое собрание разогнавший,
Первый саженец посадивший,
Предателей посадивший –
Это коготь товарища Ленина.*

(«Нашей власти», 1929 г.).

Тут было от чего остолбенеть переводчику и к чему придраться цензору. Но тут есть правда Сулеймана Стальского. Правда поэта, его завуалированное отношение к предмету воспевания. Образ когтя, как символ хищнической сути новой власти, проходит и через другие панегирические стихи поэта.

В отношении советской власти Сулейман Стальский становится скрытым сатириком. В рифмованный словесный сор того или иного хвалебного стихотворения Сулейман Стальский умело вписывал вполне художественные, правдивые строки, сказанные эзоповым языком. Именно в таких строках Сулейман находил себе убежище, именно в них он сохранял себя как поэта.

Многозначность, двусмысленность, но не расплывчатость приобретают особое назначение. Порой поэт слово использовал так умело, что два совершенно противоположных значения его «работают» каждое по-своему.

*Будучи уроженцем Грузии,
Тот товарищ вождем стал нам.
Изначально по-новому мир
Сделавший мастер появился у нас.*

(«Нашему дорогому Сталину», 1936 г.).

Этот подстрочный перевод не передает всей смысловой игры, имеющейся в оригинале: «Гуржистан эгъли яз бине, Гъа юлдаш регъбер хъана чаз. Башламишна цИийиз дуьне Расай гъа устIар хъана чаз». В другом стихотворении, которое тоже носит название «Нашему дорогому Сталину», говорится:

*Всему этому миру известные
Геройства, (подвиги) взявший в руки (себе).
Имеющий порох, смешанный
С огнем молнии, Сталин.*

(«Нашему дорогому Сталину» 1937 г.).

Сталин, присвоивший себе известные в мире подвиги! Такое мог бы сказать какой-нибудь современный поэт, познакомившись с настоящей биографией «отца народов». Но это сказал Сулейман.

А что означает «имеющий порох, смешанный с огнем молнии»? Поэт предупреждает, что Сталин играет с огнем? Но в то же время на языке оригинала это звучит вполне в рамках социалистического реализма. Приведу еще несколько примеров:

*Такая политика, что даже на снегу
Не оставит следа, есть у нас.*

(«Наша сила», 1934 г.).

*Наш мастер товарищ Сталин
Озаряет светом каждое собрание.
Хранимые в его клетке
Соловьи, добро пожаловать.*

*(«Стихи, сказанные на первом съезде
писателей Дагестана», 1934 г.).*

*Властителей достойно охраняющий
Товарищ ГПУ
Возымел такую способность,
Что исподтишка докапывается до кое-каких вещей.*

(«Не оставим предателей в мире», 1936 г.).

Трудно передать Сулеймана Стальского даже в подстрочном переводе, но и приведенные строки, вошедшие почти во все его издания на лезгинском языке, свидетельствуют, что в нем никогда не умирал поэт, поэт-сатирик, поэт-реалист.

Есть немало стихов, абсолютно лишенных каких бы

то ни было художественных признаков. Чувствуется усталость поэта от навязываемого ему ежедневного переливания из пустого в порожнее. Ведь к нему приходили с так называемым социальным заказом сочинить стихи к какому-нибудь случаю или дате.

С помощью идеологически подкованного коллектива, нанятого правительством, Сулейману Стальскому пришлось создать две поэмы: «Дорогому товарищу Сталину» и «Дагестан», в которых соответственно излагаются биография Сталина и история Страны гор в том виде, в каком они были доведены до престарелого, усталого, больного и доверчивого поэта. Беспомощные, не выдерживающие никакой критики строки этих «поэм», порою даже не рифмующиеся, выходящие за рамки стихотворного размера, красноречиво говорят о том, как претили поэту вся окружавшая его глобальная ложь и словесная мишура. И поэт уходил в себя. Он обращался к Богу. Поэт был разочарован окончательно. Опубликованные лишь в конце XX века стихи духовного содержания – тому свидетельство.

Жизнь и творчество Сулеймана Стальского таят в себе еще очень много тайн.

И прежде чем «исперчить» его имя, нужно исчерпать его творчество, хотя Сулейман Стальский – явление неисчерпаемое.

За исключением нескольких сочинений, стихотворения Сулеймана Стальского созданы одним стихотворным размером и в форме «гошма». В целом, не исключая даже того, что создано по заказу и с коллективом, его пока выявленное наследие, взятое в хронологическом порядке, создает впечатление большой эпической поэмы, рассказывающей о разных, ставших в противовес друг другу, эпохах, об исторических лицах и простых людях, о Добре и Зле, о Правде и Лжи мирового «караван-сарая». Есть смысл издать его наследие одной большой книгой.

Представляя все опубликованное и неопубликованное из творчества поэта единым целым, ловишь себя на мысли, что Сулейман Стальский, со всеми его взлетами и падениями, со всеми противоречиями и тайнами, всю свою жизнь отдал на создание своей Одиссеи, сулеймановской Одиссеи.

А нам пристало называть ее просто и достойно: Одиссея Гомера XX века.

Без всяких кавычек и придирок.

ПРИЖИЗНЕННАЯ СЛАВА И ПОСМЕРТНАЯ ТРАГЕДИЯ

Самое популярное стихотворение Сулеймана Стальского «Соловей» почти во всех изданиях датируется 1900 годом. Не знаю, верно ли вычислена сулеймановедами эта дата, но то, что этот год является последним годом XIX века, как бы символизирует духовное родство поэта с художественно-этическими традициями, сложившимися в лезгинской литературе после эпохи Етима Эмина и целой плеяды современных ему поэтов. Но в то же время Сулейман Стальский в своем стихотворении предстает совершенно иным, зачинателем нового содержания в рамках традиционной формы. Дело в том, что в прошлом тема соловья в поэзии являлась пробным камнем для каждого поэта, претендовавшего на признание тонких ценителей.

В этом плане испытание на долговечность в лезгинской поэзии выдержали «соловьи» только Етима Эмина и Сулеймана Стальского. Етим Эмин пишет о беспечной жизни соловья, поющего на «троне роз» и не замечающего горя и печали поэта. А Сулейман Стальский сопереживает судьбе певчей птицы, которой, может статься, и грозит опасность в виде внезапного ястреба; в то же время поэт желает соловью найти свою половину, без которой жизнь бессмысленна.

Казалось бы, простые стихи. Но это та святая простота, которая доступна и подвластна лишь великим поэтам. У обоих авторов в решающей последней строфе происходит чудо поэзии, благодаря чему каждое стихотворение обретает форму символа. Каждое слово начинает светить глубоким смыслом, а конкретный соловей превращается в отвлеченное олицетворение поэтического вдохновения и творческого порыва. По Етиму Эмину, вдохновение не зависимо ни от кого, оно нечто неземное, далекое от земных тревог и забот и появляется само по себе, не замечая «боли и горя» творца. Видимо, поэта волновала сама суть его возникновения. А Сулейман Стальский, хотя в изначальном смысле тоже развивает эту же мысль, согласно великому предшественнику, дает ей иную смысловую тональность, направленную на «приземление» вдохновения, на его приближение к земным канонам, на осмысление и разделение им тревог и забот, дум и чаяний поэта-творца, а следовательно, в его лице – всего простого народа.

Именно так начинал Сулейман Стальский. Стихотворение о соловье стало программным. И всю свою многосложную творческую жизнь поэт следовал той самой простой идее, что была заключена в одном из самых первых его стихотворений.

Творческий путь поэта значим еще и тем, что он проходит через разные социальные потрясения и перемены исторических эпох, когда в расшатанном обществе происходит сбрасывание масок и природа человека раскрывается в полной мере. Сулейману Стальскому как поэту-человековеду был важен этот исторический момент, и он своим метким взором и цепким умом схватывал в вихре смуты самые яркие типы людей, всегда, при любой власти оказывающихся на гребне событий. Это в основном типы отрицательные, носящие в себе три самые разрушительные силы в виде глупости, злодейства и изменчивости как

в нравственно-этическом смысле, так и в политическом. Было бы неправильно сказать, что эти типы исчезли из послереволюционного периода творчества Сулеймана Стальского. Наоборот, и тут социальное «хамелеонство» обретает у поэта иные краски.

Говоря о нашем с вами времени и о его соотношении со стихами Сулеймана Стальского, следует признать, что, может быть, современнее его другого поэта у нас нет. Вспомним некоторые стихи:

*Свободу ждали племена.
О ней мечтали издавна,
Но почему ж пришла она
С таким уродливым лицом?..*

(«Как разбудить спящих?» Перевод С. Липкина).

*Там, где доходные места,
Полно двуногого скота.
К чему пучок в два-три прута,
Кавказ он ограждать не может.*

(«Слова, которые не всем доверишь».
Перевод С. Липкина).

*Порой ты сед, как снег в горах.
Ты стар, покоен, Дагестан.
Порой ты бешен, и в руках –
Оружье злое, Дагестан...*

*Порой вокруг тебя толпа,
Порой вопишь ты: «Ох, пропал!»
Пришельцам всяким ты – амбал
С пустой сумою, Дагестан.*

(«Дагестан». Перевод А. Шпирта).

*Россия, мне откликнись ты!
Ты – жернов, но вращения нет!
Топтать твой сад хотят скоты,
У них стыда, смущенья нет!..*

*То бык, то мерин, то осел
Хотят вершить свой произвол.
Удел воистину тяжел,
Постыдней положенья нет.*

(«России». Перевод С. Липкина).

*Пройдет ли смена всех властей?
Уйдут ли воры всех мастей?
Дождемся ли благих вестей?
Измучена страна теперь!*

(«Где правда времени, друзья».

Перевод С. Липкина).

Тем не менее некоторые малознакомые с творчеством Сулеймана Стальского исследователи пытаются скинуть поэта с «корабля современности». Каких только ярлыков ни навешивали на него: «соловей коммунизма», «певец культа личности», «ашуг социализма», а кое-кто оказался еще круче, назвав поэта «классическим примером этнической и культурной деградации».

Нам достаточно хорошо известны жизнь и судьба Сулеймана Стальского, и пересказывать их излишне. Его вера в Советскую власть была искренней. Это была вера человека из самой гущи народа – вера в высшую справедливость, вера в новое устройство мира. Тут подоплека заключается совершенно в другом. Советская власть обласкала поэта, подняла его на невиданную высоту славы и триумфа. Но власть делала это в сугубо своих политических и идеологических целях. Вопрос нужно ставить по-иному: понял ли поэт именно такое к нему отношение

власти? Да, Сулейман Стальский понял, что он власти нужен только лишь как орудие строительства новой системы, а не как свободный поэт! Ему открылось, что каждый выполненный им «соцзаказ» пропускается через идеологическую мельницу и делается «духовной пищей» для миллионов сограждан. Обращаясь к участникам Первого съезда дагестанских писателей, он говорил:

*Товарищ Сталин – наш учитель-мастер,
Что светит на каждом торжественном собрании.
Вам, хранящимся в его клетке
Соловьям, добро пожаловать.*

(Подстрочный перевод)

Тот беспечный, свободно поющий соловей, которого Сулейман Стальский вначале просил приблизиться к земным заботам человека, оказался в клетке! Кстати говоря, во многих хвалебных стихах, созданных по социальному заказу, Сулейман Стальский вкрапывал золотые строчки с «теневым» смыслом, в котором поэт иносказательно выражал суть воспеваемого и свое подлинное отношение к нему. Другой художественной ценности эти «агитки» сегодня не имеют, не говоря уже о том, что они потеряли и ту идеологическую значимость, что была присуща им во время их создания. А «теневые закорючки» не могли проходить мимо взоров неусыпных переводчиков: каждый хотел жить и есть, и каждый сам додумывал за автора.

Это была трагедия поэта, которая была понята им самим в конце жизни, и отвращать ее было поздно. К сожалению, она продолжается и в наши дни. Но вся разница в том, что те, кто муссирует ее как вину поэта, не понимают ни глубинных причин возникновения этой трагедии, ни внутреннего противостояния Сулеймана Стальского ей. Ведь не может быть, чтобы соловей в клетке пел только о хозяине клетки. Мудрый поэт, предчувствуя свою близ-

кую смерть, осмысливал свой жизненный путь, переживал от наступившего разочарования, создавал истинные жемчужины поэзии, которым было суждено увидеть свет лишь после падения советской власти:

*О Бог, я, Сулейман, молюсь,
Что лишь тебе в рабы гожусь.
О жизни мыслям отдаюсь –
Я слеп. Мое прозренья где?*

(«Где?». Перевод А.Кардаша).

*Людской впадает разум в сон,
Творец наш в душах искажен.
И колыбельных, коих тон
Всего основа, не осталось.*

(«Не осталось». Перевод А.Кардаша).

*Всесильна смерть. Забыв о ней,
Свой разум усыпляешь ты.
Пусть и Намруда ты сильнее, –
А дальше что? Хоть знаешь ты?*

(«Бедняга, ты ума лишен...».
Перевод А.Кардаша).

*В поступках зол, красив в речах
Не будь, чтоб ум твой не зачах.
Того, кто звезды в небесах
Зажег во тьме ночной, познай.*

*Стих Сулеймана – не забудь –
В себе являет злата суть.
Коль хочешь знать последний путь, –
Кладбищенский покой познай.*

(«Познай». Перевод А.Кардаша).

Трагедия Сулеймана Стальского сегодня имеет продолжение и потому, что он с легкой руки Максима Горького был впечатан в сознание миллионов людей не только как «Гомер XX века», но и как «безграмотный» «ашуг». Да, Сулейман Стальский не умел писать и читать, но, вглядываясь в кругозор его познаний в области религиозной этики и поэтической культуры Востока, вникая в суть его стихотворческой исправности, его ювелирного умения оживлять, зажигать обычные слова, трудно допустить мысль о неграмотности поэта. Это настоящий божий дар, поистине народный поэт, в котором был закодирован весь его народ – от черт характера до перипетий судьбы.

А по поводу «ашугства» Сулеймана Стальского хотелось бы поразмышлять.

У лезгин известны в основном три группы ашугов. Первая – это ашуги, которые сами пишут стихи и сочиняют к ним музыку, исполняют их, сопровождая танцевальными и актерскими перевоплощениями. Вторая – это ашуги, исполняющие песни своих предшественников и пропагандирующие их искусство. Третья – это ашуги-стихотворцы, пишущие тексты песен для ашугов, ориентируясь на существующие напевы.

Сулейман Стальский не относится ни к одной из этих групп. К тому же отсутствуют какие-либо сведения об участии Сулеймана Стальского в традиционных ашугских состязаниях, которые во времена поэта проходили почти в каждом лезгинском ауле. Чунгур, который находился в доме поэта, имеет отношение к его поэзии только в том смысле, что Сулейман Стальский звуками инструмента просто сопровождал традиционное чтение стихов, особенно во время их зарождения, подбирая какую-нибудь мелодию, подходящую к духу своих строк. Поэт читал свои стихи нараспев, мелодично растягивая слова. Это была традиция публичного исполнения поэтических текстов, которая давала возможность слушателям уловить и запомнить слова стихотворного произведения.

На всех крупных форумах, на которых Сулейману Стальскому приходилось выступать, традиционное исполнение стихов поэтом проходило без сопровождения чунгура. Кроме того, Сулейман Стальский в своих стихах ни разу себя не называет ашугом, он всегда однозначен, определяя свое призвание одним и тем же емким словом «шаир» – поэт.

Да, Сулейман Стальский был и остается великим поэтом, чье наследие, несмотря на споры вокруг незначительной части идеолого-политических стихов, созданных по заказу власти, имеет огромное воспитательное, культурное и, наконец, историческое значение. Поэт, выросший из прекрасных поэтических традиций, сам стал родоначальником новых традиций и направлений в лезгинской литературе.

Последними словами поэта были: «Шалбуздаг видится как на ладони». Эта священная гора из Ага-Стала открыто видится в особенно ясные дни. В осенний день 23 ноября 1937 года обозреть обетованную гору для поэта стало последним утешением в том, что он прожил жизнь достойно и чист перед Богом и народом, голосом которого поэт говорил.

И сегодня, проходя через десятилетия бессмертия, Сулейман Стальский все так же величав, как и Шалбуздаг со своими белоснежными вершинами и темными ущельями, ледниками и родниками, святынями и бесконечными паломниками.

НЕПРЕХОДЯЩАЯ СУТЬ СУЛЕЙМАНА

Сулейман Стальский(1869–1937) – неординарный поэт, вкусивший в молодости невиданные потрясения безысходной жизни, но все же в конце жизни выдвину-

тый судьбой на вершину славы – в годы наступательного строительства нового мира. По истечении стольких лет, прошедших после его смерти, в роковом 1937 году, мы, почитатели поэта в новых поколениях, имея сегодня возможность изучать вырванные в идеологически закаленные времена страницы истории, можем убедиться в том, что фигура Сулеймана Стальского оказалась не столько триумфальной, как это порой представляют, сколько трагической, поскольку он, как и все творческие личности того времени, был заложником своей эпохи. Он сам это глубоко сознавал и в одном из своих стихотворений, приветствуя делегатов первого съезда писателей Дагестана, говорил:

*Товарищ Сталин – наш учитель,
Светящий нам в каждом собрании.
Хранящиеся в его клетке
Соловьи вы, добро пожаловать.*

Эти стихи никогда не переводились на русский язык, но входили почти во все лезгинские издания поэта, не исключая даже и те сборники, которые издавались после XX съезда коммунистической партии, что свидетельствует лишь о не бдительном исполнении своих обязанностей цензорами, следившими за изданиями на лезгинском языке.

Для пресловутых «критиков» поэта, каковых было немало и при жизни, и после его смерти, да и для тех, кто пытается ниспровергнуть его и в наши дни, приведенные строки были бы достаточны, чтобы понять всю судьбу и творчество восторженного певца строительства новой жизни.

У сокрушителей творчества Сулеймана Стальского явно одна отличительная черта: это, прежде всего, люди, не имеющие никакого представления о поэтическом мастерстве вообще, о жизни и судьбе, о творчестве и обще-

ственной деятельности лезгинского поэта, об истории литературы. Это чаще всего люди, избравшие своей «профессией» «кусать» кого-либо, обругать, чтобы привлечь к своей заурядной персоне хоть какое-то внимание. Они очень точно усвоили одно: легче всего оболгать мертвых; чем субъект их нападения масштабней по своей общественной значимости, тем обширней «слава» ругателя.

Ответить подобным «глашатаям» нашего скомканного времени можно только стихами самого поэта, так как Сулейман Стальский не нуждается в другой защите.

Его гошмы, прежде всего, нужно читать (вернее было бы: уметь читать) на языке оригинала, поскольку переводы стихов самого популярного лезгина на русский язык не равнозначны тому, что было в оригиналах, записанных с уст поэта помощниками. Бывало, некоторые переводчики сами писали за поэта, тем самым, по лезгинской поговорке, «делали свой хлеб мягким» и прикрывались именем всемирно известного человека. Это касается исключительно тех стихов и поэм, которые имеют отношение к вопросам политики и идеологии того времени, к вождям революции.

Сулейман Стальский, несмотря на то, что издан и переиздан многократно, все же остается автором, чье творчество не собрано полностью и не изучено до конца. Незнание его творческого многообразия и величия, однобокое истолкование его наследия некоторыми «исследователями» вводит невнимательных читателей в заблуждение.

Сулейман Стальский был и остается самым современным поэтом Кавказа и России в том смысле, что его стихи читаются в контексте нынешнего времени и создают впечатление, что созданы в гуще примет и событий, свидетелями которых являемся мы, живущие в новом столетии.

Поэт белое называл белым, черное – черным, красное

– красным. Он воспевал, но не льстил, уважал, но не прислуживался, был непримирим ко лжи независимо от того, от кого она исходит, презирал жестокость, подлость и лицемерие. Он был честен и прям, благороден и справедлив – и в жизни, и в творчестве. Понятия «поэт» и «человек» в нем гармонично сливались воедино.

Наверняка поэтому его строки в огромном количестве стали поговорками и пословицами его народа, и вряд ли во всей мировой литературе найдется второй такой поэт, в этом плане сопоставимый с нашим Сулейманом.

ПОЭТ, ОСТАЮЩИЙСЯ В ТЕНИ ЭПОХ

Увы, лезгинский поэт Сейфулла Курахский – один из забытых авторов прошлого столетия. Впервые о нём я узнал, когда в газете «Комсомолец Дагестана» от 1 сентября 1990 года прочёл опубликованный в ней фрагмент стенограммы собрания Махачкалинского городского актива комсомола, состоявшегося в 1937 году. В целом этот отрывок представляет собой выступление Эффенди Капиева. Поводом для такого собрания в тот роковой год послужил, видимо, выход в свет за три года до этого в Государственном издательстве художественной литературы в Москве «Дагестанской антологии», составленной Э.Капиевым. Он же – автор комментариев.

Капиев, которому в то время не давали покоя разношёрстные идеологические противники, глубоко сознаёт, что на дворе 1937-й год и откровенно признавал свои ошибки, допущенные при составлении данной антологии. Считать их ошибками в наши дни было бы предосудительно и даже смешно. Но тогда судьба составителя этой антологии висела на волоске, и многим было не до смеха.

Перечисляя свои упущения, Капиев называет последнее из них: «В той же антологии в разделе дореволюционной лезгинской поэзии я поместил стихотворение Сейфуллы Курахского «Зелимхан» и не дал к нему соответствующего комментария, что, конечно, недопустимо, ибо стихотворение это – по сути своей призыв к национальной розни.

Это стоит в вопиющем противоречии с принципом пролетарского интернационализма, духом которого должна быть проникнута наша литература».

Итак, данная публикация подвигла меня к поиску сведений о доселе мне неизвестном поэте.

Мне удалось выяснить, что в 1935 году в Москве в Гослитиздате вышла книга «Поэзия горцев Кавказа», куда вошло ещё одно стихотворение Сейфуллы Курахского «Судьи». В многотомной «Литературной энциклопедии», изданной в течение 1929–1939 гг. под редакцией А.В.Луначарского, представлена краткая информация литературоведа Гаджибека Гаджибекова, который пишет: «Сейфулла Курахский (1895–1915) – лезгинский поэт. Родился в селении Курах ДАССР, в семье беднейшего крестьянина. Научившись в коранской школе арабскому алфавиту, он приспособил последний к родному языку для записей своих произведений. Наряду с Сулейманом Стальским Сейфулла Курахский был представителем бедноты в дореволюционной лезгинской литературе. Находясь под сильным влиянием ислама, Сейфулла Курахский зачастую облакал свой протест в религиозную форму. В русском переводе имеются два стихотворения – «Зелимхан» («Дагестанская антология», ГИХЛ, 1934) и «Судьи» («Поэзия горцев Кавказа», Гослитиздат, 1935)».

Г. Гаджибеков (репрессирован в 1937 году, погиб в драке с уголовниками в лагере 5 января 1941 г.) в своих

статьях «Народное творчество и письменность» и «Первая конференция лезгинских поэтов», наряду с такими именами, как Етим Эмин, Шайда, Салих, Султан, Нури, Гаджи Ахтынский, Курбан Хпеджский и Сулейман Стальский, называет имя Сейфуллы Курахского. Обе эти статьи переизданы в книге Г. Гаджибекова «Творческое наследие», составленной профессором Г.Г. Гашаровым (Дагестанское книжное издательство, 2003 г.).

Уважаемый Гаджи Гусейнович мне рассказал о том, как он ещё в разгар советской власти имел возможность почитать в архиве Дагестанского института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы лезгинские тексты стихов С. Курахского, в том числе и оригинал «Зелимхана», хранившиеся в папке под номером 333. Но предпринятая мною попытка ознакомиться с этими стихотворениями оказалась тщетной: папка была пуста.

В «Дагестанской антологии» перед стихотворением «Зелимхан» автор представлен как «Сейфулла, сын Чабана»⁷. Под именем в скобках отмечено: «Биографических данных собрать не удалось». В заключительной строфе переводчик, следуя традиции лезгинской поэзии, сохранил имя автора: «Сейфулла Курахский сложил всё это...» Датой написания стихотворения указан 1911 год.

В 1907–1913 гг. в Дагестане, особенно в южной его части, большого размаха достигло аграрное движение, носившее антиколониальный и освободительный характер. «Аграрные беспорядки» были жестоко подавлены военной силой. Власти пытались подорвать влияние мусульманского духовенства среди населения.

В соседней Чечне аграрное движение вылилось в настоящую войну. Из восставших особую известность на Кавказе получает предводитель крестьян Зелимхан

⁷ Имя Чабан у лезгин имеет религиозный смысл и означает: пастырь верующих.

Гушмузукаев. Для его поимки власти задействовали специальные карательные отряды. О подвигах Зелимхана слагались героические песни не только среди чеченцев, но и среди осетин и дагестанцев. Э.Капиев в книге «Резьба по камню», составленной из собственных переводов дагестанских горских песен, в комментарии к песне о Зелимхане пишет: «Абречество, развившееся как вид партизанской борьбы с царскими властями, естественно, встречало горячую симпатию и отклик среди бедняцкой части горского населения. Яркой фигурой, известной далеко за пределами Кавказа, являлся в своё время абрек Зелимхан, столь долго и удачливо оперировавший в горах Чечни и Дагестана. Песни о нём повествуют о его многочисленных победах над офицерами, помещиками и кулачеством. Образ его наделялся высокими романтическими чертами».

Неудивительно, что лезгинский поэт Сейфулла Курахский посвятил своё стихотворение «благородному абреку», ставшему последней надеждой и опорой обездоленных народных масс, которым надоел жестокий гнёт царизма.

Сейфулла воспевает победы Зелимхана над «гяурами», представляя его как представителя газавата («Сабля газавата – вот путь к победам»). Автора, видимо, глубоко задела целеустремлённая политика власти, выразившаяся в те годы в насильственном отрыве горцев от векового культурно-исторического наследия, связанного с арабским языком и восточной культурой. Описываемым событиям поэт придаёт яркую религиозную окраску, что свидетельствует о глубокой набожности автора. Обращаясь к Зелимхану, Сейфулла пишет:

*Сменил ты Шамиля, боец родимый.
Помогай, Аллах, нам, войны владыка!*

*Души забирающий у гяуров,
Приносящий слабейшим братьям,
Над тобою коршун кружится хмурый.
Помогай, Аллах, нам своим заклатьем!*

*Ты родился львёнком в ночном тумане,
В этот час со стенок винтовки сняли
Злые и голодные мусульмане.
Помогай, Аллах, нам, водитель стали!*

*Шейх Али-Хаджи врагами схвачен,
Он из-за тебя принимает кару.
Русские с равнины уходят с плачем.
Помогай, Аллах, нам огнём пожара!*

*Шейхов изловила гяуров свора.
Знамя газавата над каждым домом.
Время наступило – и вспыхнул порох.
Помогай, Аллах, нам дождём и громом!..*

*Ну, так подымись же в Гуниб старинный,
Сядь взамен имама среди аула...*

Всё-таки кажется необдуманном поступком включение в антологию Э. Капиевым этого стихотворения. Сделать такое, когда по всей огромной стране Советов строилась новая жизнь и царила другая идеология, было небезопасно. Не менее сложно поверить и в то, что такое произведение могло пройти мимо острого и неусыпного взора цензуры той поры.

В первую очередь, Э. Капиев при всём своём таланте и уме был слишком молод. В год выхода в свет антологии ему было всего 25 лет. Быть может, поэтому, включая стихотворение «Зелимхан» в готовящуюся книгу, он не осоз-

навал, какой опасности себя подвергает. С другой стороны, возможно, что важным в этом стихотворении он считал не религиозную подоплёку текста, а враждебное отношение автора и его героя к старой царской власти. Вышеприведённый комментарий Э. Капиева к народной песне о Зелимхане свидетельствует о таком прочтении им стихотворения С. Курахского. Цензоры тоже наверняка сочли правильной именно такую трактовку «Зелимхана». Кроме того, замечательный перевод широко известного в то время поэта Эдуарда Багрицкого также мог усыпить идеологическую бдительность составителя «Дагестанской антологии» и её цензоров.

Отчаянность и честность Э. Капиева проявляется и в том, что он, выступая на собрании, защищает первого секретаря Дагестанского обкома партии Н. Самурского, на которого в то время начиналась травля в центральной прессе. Слова Э. Капиева о Н. Самурском имеют огромную ценность, когда в наши дни иные толкователи новейшей истории продолжают «дело» противников первого дагестанского руководителя тех трагических лет. Вот что о нём говорит на собрании актива Э.Капиев: «Относительно тов. Самурского, на которого так сильно обрушился корреспондент «Известий» Н.Изгоев, я имею сказать следующее:

Ни в разговорах, ни в заявлении, которое я написал в «Известия», ни одного слова не было впутано о тов. Самурском. Наоборот, там была мысль о том, что на фоне этой энергичной борьбы, которую ведёт тов. Самурский, всякие мелкие обиды и неполадки сразу бросаются в глаза.

Тов. Самурский неоднократно вызывал меня на дом, мы говорили с ним до поздней ночи. Он давал мне советы и установки, как работать, вникал в самые мелкие во-

просы. Благодаря ему я имел возможность быть в Кремле. Я был там, где живёт товарищ Сталин, и сидел рядом с товарищем Калининым. До товарища Самурского никто мною не занимался, и никому никакого дела до национальных писателей и литературы Дагестана не было».

Однако вернёмся к Сейфулле Курахскому, чьё имя благодаря Э.Капиеву не исчезло из истории нашей литературы. Автор этих строк решил узнать, сохранилась ли хоть какая-то память о поэте в его родном селе. Я обратился к учителю Курахской средней школы Абдурашиду Абдурахманову, человеку, близкому к литературе, пишущему стихи, выявившему и обнародовавшему два неизвестных до сих пор стихотворения Етима Эмина. Его ответное письмо обрадовало меня, за что я ему благодарен. Собранные им сведения приведу с незначительными сокращениями: «Сейфулла родился в Курахе (год его рождения никто не помнит). Его старший брат Фейзи умер весной 1946 года. Я его знал хорошо. Он работал бригадиром.

Сейфулла умер совсем молодым. Рассказывают, что он пел свои стихи под собственный аккомпанемент, играя на чунгуре. С одной свадьбы он вернулся заболевшим. Скончался от воспаления лёгких, ушёл из этого мира, не успев жениться.

Его отца звали Чабан, он чабаном не был. Женился он два раза. У первой жены Чабана родился сын Гаджимурад. У Гаджимурада были два сына – Габидулла и Буга – и дочь Фатимат. После смерти первой жены Чабан взял вторую жену Фатьму из Кумука (село в Курахском районе. – А.К.). У них родилось трое детей: Фейзи, Сейфулла и Шекерханум.

Чабан был глубоко верующим человеком, державшимся тариката. Рассказывают, что его второй сын от второй жены был мастером стихов. От миреса⁸ Сейфул-

⁸ Мирес – родственник по отцовской линии.

лы Керима я услышал четверостишие, сложенное поэтом, когда кто-то отравил его собаку:

*Моя собака ослабла у ворот,
Что весь народ пришёл смотреть.
Но худшим, чем даже собака, подлецом
Являешься ты, отравитель, сын ишака».*

Мой информатор А. Абдурахманов, полагаясь на свидетельство своего миреса Хезерали, увлекающегося стихами, также писал о том, что стихи о собаке и ещё одно стихотворение Сейфуллы были когда-то опубликованы в районной газете и в республиканской газете «Коммунист» (ныне «Лезги газет»).

Я спрашивал у А. Абдурахманова и о упомянутом в «Зелимхане» шейхе Али-Гаджи. Справлялся я об этом и у других сведущих людей, но убедительных ответов я не получил. Некоторые респонденты идентифицировали этого шейха с Али-Гаджи Акушинским. Но последний вышел на историческую арену в 1919 году, когда в Дагестан пришли большевики. К тому же никаких сведений об аресте Акушинского нет.

А. Абдурахманов говорил ещё об одном Али – уроженце села Гелхен Курахского района, глубоко религиозном человеке, владевшем арабским, тюркским и персидским языками, дожившим до 1980 года. Но доказательств, что именно он упомянут в стихотворении Сейфуллы, нет.

Вопрос об идентификации Али-Хаджи, представленном в сноске к его имени, как «популярный когда-то шейх, вождь дагестанских повстанцев», остаётся открытым.

Увы, у нас нет возможности говорить о стихотворении «Судьи», вошедшем в «Поэзию горцев Кавказа», так как эта книга недоступна мне и является библиографической редкостью. Но два стихотворения религиозного

содержания С.Курахского («О Аллах!», «Хизри-Ильяс»), обнаруженных А.Абдурахмановым в одном из мазаров⁹ в селе Курах, мною были представлены читателям «Лезги газет».

О наличии у Сейфуллы стихотворения о соловье свидетельствует А.Назаревич. В своём комментарии к стихотворению «Соловей» Сулеймана Стальского в его книге «Сочинения» (Государственное издательство художественной литературы. Москва, 1948) учёный пишет, что «о соловье писали предшественники Стальского – поэты Етим Эмин и Сейфулла».

Одним словом, С.Курахский, несмотря на то, что прожил всего 20 лет, был отзывчивым на большие события своего времени поэтом, болевшим душой за простой народ, которому служил своими молитвами и стихами.

Его имя не должно быть забыто.

⁹ *Мазар* – мавзолей, внутри которого находится могила пира – старца-наставника, святого.

***ГОЛОСА НАШИХ
ДНЕЙ***

РАСУЛ ГАМЗАТОВ И «ЛЕЗГИНСКАЯ ЭЛЛАДА»¹⁰

Творчество Расула Гамзатова настолько огромно, многообъемно и многогранно, что говорить о нем в рамках одной статьи журнального номера, посвященного 80-летию поэта, весьма трудно. Но задача автора облегчена тем, что тема его размышлений связана с его родной землей и ее литературой.

Поэт, завоевавший своим пером право говорить с большим миром от имени многоязычного Дагестана, всю свою оваянную поэтической славой жизнь выступал с высоких трибун представителем каждого дагестанского народа, демонстрируя всему свету то, что объединяет их, и то, что показывает их неповторимость и несхожесть с другими народами. По этому поводу, может, и банально, а потому и излишне называть ставшую хрестоматийной книгу поэта «Мой Дагестан», но именно эта книга стала заграничным паспортом всего Дагестана в целом и каждого дагестанца.

Расул Гамзатов, поэт и гражданин, председатель Союза писателей Дагестана и общественно-политический деятель, обновил и укрепил духовные и общественные традиции, заложенные в Стране гор великими предшественниками – Сулейманом Стальским, Гамзатом Цадаса и Эффенди Капиевым, расширил и обогатил литературную карту Дагестана, где художественная словесность обрела невиданную ценность. Эпоха Гамзатова поколениям вернула из забвения почти всех незаслуженно забытых

¹⁰ Статья была написана к 80-летию Р. Гамзатова и опубликована в журнале «Народы Дагестана».

дагестанских поэтов дореволюционного периода, все литературные центры прошлого обрели новую жизнь.

В этом свете есть о чем поразмышлять и в лезгинской литературе, чье развитие и становление многократно пересекается с жизнью и творчеством Расула Гамзатова, и эти связи, несомненно, были духовно взаимообогащающими и творчески плодотворными для обеих сторон. И фраза «лезгинская Эллада», выведенная в заглавие статьи, принадлежащая великому горцу Расулу, еще раз доказывает глубокое почитание поэтом духовного богатства братского народа, и некоторая, на первый взгляд, красочность этой фразы вовсе не подразумевает бессмысленную высокопарность, причем, если учесть, что это оценочное определение поэт высказал в одном из своих выступлений на большом поэтическом торжестве в Ага-Стале – родине Сулеймана Стальского. Расул Гамзатов знает и тонко чувствует лезгинскую поэзию и бесценное наследие ее корифеев – Саида Кочхюрского и Етима Эмина, в пропаганде которых поэт сыграл немалую роль.

Точны и емки слова, сказанные Расулом Гамзатовым о Етима Эмине: «Его поэзия – это поэзия тонких, благородных чувств, высоких мыслей. И остается только пожалеть, что до сих пор мы не имеем хороших переводов. В этом смысле гораздо больше повезло другим классикам дагестанской литературы – Батыраю, Сулейману Стальскому, Гамзату Цадасе. Но даже при этих обстоятельствах мы чувствуем величие и простоту эминовской лирики, поле его души, сыновнюю преданность родной земле».

Удивительно, что Расул Гамзатов сквозь призму имеющих поверхностных и выдержанных лишь формально переводов стихов классика уловил «магнитное поле» строк Эмина, сотканых из дуновений «божественного ветерка», пронизывающего тонкие струны ранимой души великого Сироты. Здесь не менее бесценно и свидетельство Расула Гамзатова о том, что «Эффенди Капиев гото-

вился переводить стихи Етима Эмина». Но безвременная смерть помешала «незабвенному Габибу» осуществить эту высокую цель. В использованной цитате я подчеркиваю точное и ключевое слово «готовился», поскольку в нем чувствуется отношение Эффенди Капиева не только к нелегкой переводческой работе, но и к поэтическому миру Етима Эмина, что лишний раз свидетельствует об осознании переводчиком глубинного осмысления и прочтения эминовской лирики.

И о предшественнике Етима Эмина Саиде Кочхюрском Расул Гамзатов в своих публичных выступлениях упоминает с восхищением и гордостью за призвание поэта.

На одном из ставших по инициативе председателя Союза писателей Дагестана доброй традицией «литературных четвергов», проводимых в Национальной библиотеке, поэт на высказывание некоего выступающего о том, что Саида Кочхюрского ослепили из-за увлеченного внимания к ханским женам, шутливо заметил: «Если бы Саиду выкололи глаза только из-за этого, то все поэты должны были быть ослепленными». В этой меткой и уместной шутке содержится большая доля правды о главной ценности стихов певца-борца, народного заступника, призывавшего людей к мужеству и достоинству перед сильными мира сего, нежели чем в «изысканиях» нерадивого «литературоведа».

Особую любовь и теплоту питает Расул Гамзатов к образу и творчеству Сулеймана Стальского. Немало прекрасных строк и слов им написано и сказано о «Гомере XX века». И в этом отношении ярко угадывается сыновняя преданность и верность дружбе между отцом поэта Гамзатов Цадаса и Сулейманом Стальским. Дружеские отношения между двумя великими народными поэтами – это одна из ярчайших страниц дагестанской литературы. Примечательно их первое знакомство.

Гамзат Цадаса вспоминал: «Я впервые встретился с

Сулейманом в здании Дагестанского ЦИКа в 1934 году. До нашего знакомства я не считал его большим поэтом, создателем настоящих художественных ценностей. Тем более что он творил на незнакомом мне лезгинском языке.

Сулейман был одет обыкновенно: он был в длинном бешмете и овчинной папахе. Мы с большим трудом жестикулируя пообщались друг с другом. Но погодя нашли переводчика и с его помощью мы рассказали друг другу о своих делах и работе. Я понял, что Сулейман – человек с удивительной памятью... Он говорил и ставил передо мной глубокомысленные вопросы».

Позже знакомство двух поэтов переросло в крепкую дружбу. Они вместе приняли участие в Первом горьковском съезде советских писателей, после не раз ездили в Москву на разные форумы и другие торжественные мероприятия того времени. Гамзат Цадаса посвятил Сулейману душевные поэтические строки, а также был первым и непревзойденным переводчиком стихов лезгинского поэта на аварский. Именно по этим переводам познакомился начинающий поэт Расул Гамзатов с творчеством агастальца, духовное соприкосновение с которым, судя по пронесенному Расулом Гамзатовым через всю свою творческую жизнь уважению к лезгинскому «соловью», оказалось значимым и непреходящим.

Немало строк посвятил Расул Гамзатов в своих книгах Сулейману. Не было ни одного поэтического вечера или писательского съезда с участием сына Гамзата, на которых, выступая, не упомянул бы он имени Сулеймана Стальского. По инициативе Расула Гамзатова ежегодно 18 мая, день рождения «Гомера XX века», в Дагестане отмечается как день национальной поэзии, проводятся крупные литературные торжества и встречи у памятника поэту в Махачкале и в его родном ауле Ага-Стале.

Отношение Расула Гамзатова к классикам лезгинской литературы наверняка определило его дружелюбие

к представителям современной художественной словесности лезгин.

Поэт всегда поддерживал своих собратьев по перу. В своих многочисленных выступлениях и интервью местным и центральным средствам массовой информации он с гордостью за дагестанскую литературу называет имена Шах-Эмира Мурадова, Алирзы Саидова, Кияса Меджидова, Меджида Гаджиева, Ханбиче Хаметовой, Байрама Салимова, Жамидина и др.

Великий поэт не раз выступал и как автор предисловий к книгам лезгинских стихотворцев, а также своим напутственным словом представлял их произведения читателям центральных литературных изданий. Автор этих строк выходом своей первой книги на русском языке в Москве также обязан Расулу Гамзатову.

Поэт не раз выступал рецензентом новых книг лезгинских авторов. О поэте-сатирике Жамидине им написано несколько статей. Приведу цитату из одной: «Жамидин – человек очень добрый... Он идет от жизни, а не от литературы. Никогда не слышал я, чтобы он хоть одного писателя копировал. Но зато он часто рассказывал о том, что говорили на годекане аульские старики.

Однажды Жамидин пригласил меня в гости. Я по каким-то причинам хотел отказать. Тогда он сказал: «Не ради меня, а ради моего отца. Он приехал из аула навещать меня, он простой колхозник...» Тогда я не мог отказать и пошел к Жамидину. Он жил в небольшом собственном доме, который построил сам. Отец Жамидина в тот вечер много говорил о земле, о горах, о травах, о своей жизни. И я понял, откуда берут национальное горское начало произведения молодого поэта. Жамидин предал своей теме, своему стилю, своей манере и жанру. Самобытность растет от книги к книге. А книги у него сейчас вышли и в Махачкале, и в Москве, как добрые весточки от доброго дагестанца. Сейчас, когда к нему приезжают го-

сти из Москвы или из других городов, он в первую очередь им показывает не музеи, не театры, а свой далекий родной аул, свою дорогую саклю». (Журнал «Москва», 1969 г., №2. С. 221).

Как видно, автору статьи важно, в какую землю врастают духовные корни того или иного служителя муз. Знакомство с родиной писателя раскрывает читателю его творчество шире и глубже. Не исключено, что творческие поездки Расула Гамзатова в такие литературные центры Лезгистана, как Ага-Стал, Микрах, Куруш, Ахты, стали значительными для пристального и углубленного освоения поэтических традиций и современных новшеств художественной словесности этой благодатной земли. В то же время эти встречи для почитателей Гамзатова – возможность быть свидетелями неповторимой отзывчивости и духовной неисчерпаемости личности и творчества великого горца.

Об этом красноречиво говорят и переводы стихов Расула Гамзатова на лезгинский язык, которые, несомненно, стали событием в данной литературе и даже не потому, что это переложения произведений живого классика, а потому, что они под пером ведущих поэтов прозвучали по-особому ново для творческой индивидуальности каждого переводчика. Его переводили Шах-Эмир Мурадов, Алирза Саидов, Шихнесир Кафланов, Меджид Гаджиев, Байрам Салимов, Жамидин, Ханбиче Хаметова, Шамсудин Тагиров, Ибрагим Гусейнов, Мердали Джалилов, Абдуселим Исмаилов, Тажидин Ахмедханов и др. Для каждого переводчика обращение к стихам поэта XX века стало не только испытанием собственного творческого «я» произведениями, облетевшими весь мир, но и индивидуальным и неповторимым прочтением их в свете особенностей лезгинского языка и канонов национального стихосложения.

К примеру, переведенные Алирзой Саидовым поэма «Горянка» и книга «Высокие звезды» несут на себе пе-

чать поэтической индивидуальности лезгинского поэта и, читая его переводы, не ощущаешь, что они являются переложениями с другого языка, а как бы первоначально задуманы и созданы на лезгинском языке в стихии лезгинского национального сознания, хотя никто и не сможет отрицать, что эти переводы несомненно являются равноценными слепками стихов Расула Гамзатова.

Перевод прозаиком Меджидом Гаджиевым «Моего Дагестана» тоже осуществлен на хорошем художественном и поэтическом уровне. Но здесь фраза «поэтический уровень» относится все же к прозаическому тексту произведения, поскольку автор перевода реализовал себя как мастер прозы. А что касается его переводов стихотворных строк в «Моем Дагестане», то они, скорее всего, напоминают подстрочники. Словом, жизнь и творчество Расула Гамзатова тесно связаны с духовной культурой лезгинского народа и являются той одухотворяющей и неиссякаемой силой, связующей его, народ, с источниками мировой поэзии.

Эту мысль можно дополнить еще одним знаменательным событием литературной жизни, происходившим во время проведения Дней дагестанской литературы в республике в 2002 г. Одно из очередных поэтических торжеств проходило в Ага-Стале. Расул Гамзатов, принимавший активное участие в этом празднестве, свое поэтически эмоциональное выступление завершил тем, что подарил Дому-музею Сулеймана Стальского чунгур, который принадлежал великому лезгинскому поэту. Этот инструмент бесценен тем, что в свое время перед смертью Сулейман преподнес его в дар Эффенди Капиеву. Долгие годы чунгур хранился у его вдовы Натальи Капиевой, которая позже решила, что эта реликвия должна находиться у флагамена дагестанской литературы Расула Гамзатова. Теперь этот бесценный дар поэт вручил лезгинскому народу с пожеланием, чтобы он сам определил лучшего

в настоящем времени своего поэта и доверил ему сулеймановский чунгур, ставший символом поэзии и преемственности литературных поколений. Этот шаг Расула Гамзатова еще раз доказывает, что он глубоко уважает лезгинский народ и его духовные вершины.

В дни 80-летия крупного поэта и патриарха российского Парнаса стоит сказать еще об одном немаловажном юбилее, относящемся к Расулу Гамзатову, – о 60-летию со дня выхода в 1943 году, в самый разгар Великой Отечественной войны, первой книги поэта «Пламенная любовь и жгучая ненависть». Такое название в год выхода книги имело принципиальное и высокое назначение. И в наши дни, когда смещены духовные ориентиры и происходит подмена былых, а зачастую и вековых ценностей, эти слова имеют не меньшую значимость и означают незаменимость поэта в точном определении Добра и Зла и установлении нерушимой грани между Прекрасным и Безобразным, вновь и вновь напоминая человечеству о бескорыстном служении всему, что облагораживает дух, и о необходимости непримиримого сопротивления тому, что унижает и опустошает человека.

Эти слова, составляющие название первой книги поэта, ныне звучат как символ и являются ключом ко всему творчеству Расула Гамзатова.

ВМЕСТЕ С ПОЭТОМ

Было начало 1994 года. Однажды, придя к себе на работу в Дагестанское книжное издательство, я у двери моего кабинета застал Расула Гамзатова и Магомеда Ахмедова. Расул Гамзатович был в хорошем расположении духа и, привычно шутя, сказал: «Вот уже несколько дней не могу попасть к тебе на приём. Хоть сегодня примешь нас?»

Те годы, помнится, были нелёгкими во всех отношениях. Директором издательства Магомед-Расулом работникам в знак моральной поддержки дозволялось свободное посещение рабочих мест. Поэтому я мысленно допустил, что первая часть шутки Расула Гамзатовича содержит серьёзную долю правды. Затем и Магомед Ахмедов подтвердил, что патриарх поэзии уже третий день ищет меня.

После обычных расспросов о жите-бытье Расул Гамзатович перешёл на разговор о делах творческих. Интересовался текущим состоянием лезгинской литературы, спрашивал, кто из писателей над чем работает, есть ли новые таланты, подающие надежды. Затем неожиданно для меня он спросил: «Не возьмёшься ли за перевод моих четверостиший? Их за последние годы накопилась ровно одна тысяча. Лишь небольшую часть перевёл Владимир Солоухин, а остальные лежат...»

«Я не смогу, как Солоухин...– мой ответ был растерянным, но продолжение вышло более или менее уверенным: – Какой из меня переводчик именно ваших стихов? Тем более четверостиший...» И вспомнил об ответе Самуила Маршака, которого попросили в честь открытия детского сада написать четверостишие, полагая, что его написание не затруднит любимого детского поэта. В ответ Маршак спросил: «Что легче часовщику собрать: маленькие часики или обычный будильник?»

Но Расул Гамзатович всё-таки продолжал переоценивать мои способности: «Если ты взялся за перевод стихов Етима Эмина и Сулеймана Стальского, взяться за мои тебе не будет стоить труда».

– Боюсь, но попробую,– робко пообещал я.

Через два-три месяца, уже весной, я отнёс свои первые переводы четверостиший автору, который, в свою очередь, увёз их в Москву, сказав, что покажет людям, умеющим определять ценность переводов. Вскоре, к мо-

ему удивлению и радости, мои переводы увидели свет в таких популярных газетах, как «Труд», «Московский комсомолец», «Правда», «Северный Кавказ».

Я стал более уверенно, терпеливо и неспешно продолжать работу, в результате которой мои переводы гамзатовских четверостиший составили две большие подборки в «Дагестанской правде».

Некоторым четверостишиям не довелось быть опубликованными при жизни великого поэта, так же как и моему переводу стихотворения «Парней под стать тебе немало на земле...» Я работал над ним с целью поучаствовать в конкурсе, объявленном накануне 80-летия Расула Гамзатова журналом «Дагестан».

Редакция предполагала выбрать самый лучший перевод и отметить его призом и книгой классика с автографом автора, но конкурс был прерван в связи с кончиной поэта. Мой перевод остался неизданным¹¹.

Мне нередко выпадало счастье общаться с ним, и эти встречи для меня памятны и дороги. Расул Гамзатов был доступен, открыт для всех, кто шёл к нему. А шли к нему – кто за советом, кто за помощью, кто для обретения душевного лада и творческого настроения.

Когда на дружеских встречах в его рабочем кабинете в Союзе писателей Дагестана коллеги совершенно искренне называли поэта великим, он всегда отшучивался: «Наверно, вы имеете в виду мою фигуру?» Порой, когда кто-то по тому или иному поводу повторял многократно сказанную другими фразу: «Мы рады, Расул Гамзатович, что вы рядом с нами», поэт шутил: «А я-то надеялся, что вместе с вами».

Юмор его был особенный, всегда уместный и точный, поучительный и отрезвляющий и не знающий промаха, он был естественным продолжением его многогранного

¹¹ Упомянутые в статье переводы опубликованы в журнале «Дагестан» (№ 9, 2011 г.)

творчества. Настоящий юмор ведь даётся как высший дар тем, кто в жизни познал и постиг много истин, порой даже очень горьких и не располагающих к шутке. Юмор – это сияющий венец, обозначающий царственность истины.

Расул Гамзатов при жизни всегда был в гуще событий, и его присутствие само по себе придавало им особую значимость и поэтичность. Сегодня не менее важно его духовное присутствие в нашей жизни. Ощущая это присутствие, мне хочется переиначить многократно ему сказанное: «Расул Гамзатов – великая фигура современной ему могучей и яростной, кипучей и противоречивой эпохи, и он всегда вместе с нами».

ОБРЕТЕНИЕ СМЫСЛА

Имя Серкера Минхаджева в лезгинской литературе связано с военной тематикой. Основные книги писателя-фронтовика посвящены событиям Великой Отечественной войны.

Зримо и реалистично встают перед читателем герои его книг «Беспокойная жизнь», «Несвернувшаяся кровь», «Следы жизни», «Мстители», «Маленький разведчик». Секрет непредвзятости прозы С. Минхаджева прост: он пишет о том, что сам испытал и видел. Порой даже его герои имеют реальные прототипы в жизни.

Картины военных событий, жизнь и смерть на войне и простой человек, который, невзирая ни на что, устраивает свой внутренний, не зависимый ни от чего, мир, – таков лейтмотив произведений С. Минхаджева.

В повести «Швы на сердце», изданной отдельной книгой Дагкнигоиздатом, С. Минхаджев, хотя и придерживается своей основной творческой линии, уже осмыс-

ливаает войну не изнутри, а снаружи, в другой, послевоенной жизни. В повести рассказывается о судьбе рядового бойца Салмана Салаватова, активного участника боёв на Волге. Главный герой получает письмо из родного села, в котором рассказывалось об измене жены. Не верить этому нельзя: писал хороший друг, по состоянию здоровья не призванный в армию и работающий в тылу. В коротких перерывах между боями Салман «прокручивает» в уме свою прошлую жизнь. Она ему кажется такой пустой и бессмысленной, хотя и считает, что ни разу не позволил себе потерять лицо настоящего мужчины, человека, достойно соблюдавшего правила горского этикета. И на войне он всегда оставался человеком, горцем. Но в новом бою, после получения письма, ему показалось, что у войны лицо женское, лицо неверной жены.

Всегда открытый, общительный, он становится замкнутым, отчужденным, злым. Жизнь и после войны, если таковая и будет дарована ему Всевышним, Салману представлялась такой же бессмысленной, как и прежняя, ибо жить в родном селе с позором, навлекшим на него женой, он считал невозможным. И он полностью отдаёт себя войне, бою, своё спасение он видел только в гибели.

Но судьба распорядилась иначе. Салман с тяжёлыми ранами попадает в госпиталь, где ему ампутируют руку. Здесь, вдали от боевых действий, у него происходит душевный перелом. Переборов отчаяние, – ведь ему не суждено больше вернуться на фронт, – он после долгих ночных бдений приходит к мысли: стоит жить во что бы то ни стало. Он глубоко осознал, во имя чего идёт эта страшная война. Будет большим грехом перед памятью погибших товарищей, перед земляками считать для себя законченной эту войну, которая шла за сохранение Жизни на земле. Грех считать и предстоящую жизнь пустой, не сделав ничего полезного для того, чтобы начать её. Начать хотя бы ради тех, кто сегодня сражается и на поле ратном, и на

поле трудовом. Каждая медсестра в госпитале, школьник, работающий на колхозном поле, думалось ему – сражается с врагом во имя великого Смысла, во имя Победы, во имя достойной жизни для всех и каждого в отдельности.

И Салман решил начать новую жизнь как продолжение своей войны. Он возвращается в родное село, разводится с женой. Ему доверяют возглавить колхоз. Он поднимает разваленное хозяйство, заново обустроивает свою личную жизнь, женится.

Много страданий, душевных мук вновь выпадает на долю Салмана. Но в каждую трудную минуту он возвращается к своему «открытию», сделанному в госпитале: надо бороться до конца, до победы, во имя Смысла.

Автору, на мой взгляд, удалось создать цельный образ своего героя. Накал военных действий, затем жизнь в далёком от войны селе, послевоенные годы изображены захватывающе и масштабно. События в повести происходят динамично и не угнетают при чтении. Повесть «Швы на сердце» можно считать одним из удачных произведений нашей литературы, написанных о войне, о фронте и тыле.

Хотелось бы сказать несколько слов и о другой повести С Минхаджева «Встречи ветеранов», опубликованной накануне 50-летия Победы в «Лезги газет». Её условно можно считать продолжением «Швов на сердце». Основная канва повести – беседы-размышления ныне здравствующего участника войны и его давно умершего товарища по оружию. Они встречаются в коротких снах старого солдата и вспоминают о той жизни, которую пережили и отстояли, и о той, которая настигла живых победителей сегодня.

Повесть заставляет волноваться не только за судьбы ветеранов, но и за жизнь будущих поколений. Страх героев за то, что при нынешней жизни с её жестокими правилами игры и безумием молодых поколений перед культом

денег та война и её уроки могут быть преданы забвению, описан человеком, прошедшим дороги Великой Отечественной, знающим жизнь и людей.

И МЫСЛЬ ЖИВОТВОРИЛА СЛОВО

Высокое назначение поэзии, как и всякого вида искусства, заключается в том, чтобы она в трагические и триумфальные периоды истории была выразительницей духа народа. Именно в этом видела и видит свою сущность и лезгинская поэтическая культура, ветвистое древо которой уходит своими корнями в глубь седой старины и служит предметом духовного обогащения и очищения для многих приверженцев «мысли, вооруженной рифмами». Она всегда носила в себе дух глубокой народности и верность извечным и неподдельным принципам человеколюбия.

Народный поэт Дагестана, лауреат республиканской премии имени Сулеймана Стальского Шах-Эмир Мурадов – один из тех мастеров поэтического слова, чей голос любовно отзывается в душе родного народа. Стих поэта отличается тем, что обладает способностью видеть и слышать свое время. Углубленная раздумчивость и возвышенная страсть, одновременно сопряженная с влечением к легендности, сюжетности, к эпическому, – вот основные черты, присущие творчеству поэта.

В молодые годы будущий поэт, избрав профессию педагога, все свободное время отдавал чтению художественной литературы и сложению стихов. Потому эта, может быть, и не полностью осознанная для себя любовь к поэтическому слову помогла молодому стихотворцу познакомиться с Сулейманом Стальским, быть внимательным слушателем его мудрых рассказов о жизни, его стихов,

невольно рождавшихся в живой беседе, а также его отцовских назиданий и благословений на трудный путь поэта.

Благодаря именно этой любви он посещал лекции талантливого литературоведа Гаджибека Гаджибекова. А еще раньше, в 1934, году, он был собеседником Алибека Фатахова.

Несколько лет Ш.-Э.Мурадов работал в школе. При этом он не забывал поэзию. Начиная с 50-х годов, он переходит на творческую деятельность. Плодотворная работа в республиканских газетах «Знамя социализма», «Дагестанская правда» и в литературном альманахе «Дружба», на радио способствовала полному раскрытию поэтического таланта Ш.-Э. Мурадова.

Если окинуть взором всю творческую стезю поэта, которая во временном измерении займет более полувека, то можно представить, как она была сложна и трудно-преодолима. На всех ее поворотах, спусках и подъемах, ровных местах поэт оставался верен себе и своему кредо:

*Хочу, чтоб веял стих простором,
Небесным просияв огнем,
Чтоб звезд вращающийся форум,
Как в бездне, отразился в нем...*

*Чтоб мысль животворила слово,
А слово – окрыляло мысль,
Возьми, строка, и боль былого,
И даль грядущего приблизь.*

(Перевод В.Бармичева)

Муза Ш.-Э. Мурадова достойно прошла через все испытания времени бурного строительства социализма, военного лихолетья, послевоенного возрождения страны из пепла и дыма. Стихи, созданные в эти годы, вошли в первый сборник поэта «Счастливый Дагестан», вышедший в

свет в 1949 году. И в последующих книгах поэт воспеваает Родину, подвиги героев войны и труда, дружбу народов, мир, молодость. Этим же темам он посвящает и большие эпические поэмы «Свет в горах», «Демир и Селми», «Легенда о любви», «Зов осени», «Солнце», создает в них яркие образы современников.

Идущая в ногу со временем поэзия Ш.-Э.Мурадова не избежала элементов бездушной риторики и декларативности, которая, особенно в 50-е годы, захлестнула поэзию.

Умудренный богатым жизненным и творческим опытом, поэт обращается к так называемым вечным темам – темам добра и зла, жизни и смерти, любви. Он создает ряд произведений пейзажной лирики. Стихи его выливаются в твердые поэтические формы Востока и Запада – газели и сонеты, рубаи и восьмистишия, бейты и четверостишия. Усиливается тяга к глубине и конкретности мысли.

Этот период – период второго дыхания, еще знаменателен и тем, что он наряду с новыми для него формами переосмысливает, глубоко пересматривает и пройденные этапы жизни и творчества. Не обходит он вниманием и такие важные для каждого поэта темы земного бытия, природы и человека, материнской любви, назначения поэзии и поэта.

Природа в стихах поэта предстает в прямой взаимосвязи с человеком. Они оба обладают невероятной силой созидания и преобразования друг друга. Порою это всеобъемлющее взаимное притяжение природы и ее разумного дитяти переходит в неразумную рознь. Но лирический герой поэта ратует за первозданное их родство и верит в разум человека. Эта вера особо ярко выражена в стихотворении «Олеандр»:

*Олеандр – красивейшее слово
Среди многих ласковых имен:*

*Под шатер зеленого покрыва
Путника влечет к отраде он...*

*В золотистой капельке нектара,
Что, светясь, скатилась на ладонь,
Словно в искре – отблеск пожара,
Скрыт подчас убийственный огонь.*

*Почему ж, в отличие от анчара,
Он желанен всюду и везде? –
Потому что в нас не отзвучало
Вечное стремленье к красоте!..*

(Перевод В.Бармичева).

Мотивы неподвластности бытия человеку, быстротечности жизни пронизывают значительную часть стихов поэта. «Не изменить законов бытия», – говорит он. Тихо и ненавязчиво, как шелест падающих листьев, звучит тема ухода, прощания:

*И древо бытия листву свою теряет.
И меркнет жизни день, переходя в закат...*

(Перевод В.Бармичева).

В стихах о любви Ш.-Э.Мурадов является продолжателем лучших традиций лезгинской интимной лирики. Любовь для поэта – это та необъяснимая, как музыка или высокая поэзия, сила, которая делает человека одновременно одержимым и самоотверженным, мудрым и по-детски наивным.

Огромен вклад Ш.-Э.Мурадова в развитие родной поэзии, и невозможно в небольшой статье отразить весь его творческий путь. Ведь, помимо всего сказанного выше, перу народного поэта принадлежат книги для детей, переводы произведений Пушкина, Лермонтова, Не-

красова, Маяковского. Он перевел на родной язык стихи современных поэтов России, Армении, Грузии, Азербайджана. В последние годы он удивил читателей превосходными переводами рубаи Омара Хайяма.

До конца своих дней поэт сохранил ясный ум и душевную молодость. Писал стихи, вел дневники, куда записывал понравившиеся ему стихи, изречения из прочитанных книг. А читал он немало. Его интересовал завтрашний день родной словесности так же, как и прошлое и настоящее ее, ибо он был человеком неравнодушным. Гражданином и поэтом. Не избалованным шумной славой, но любимым родным народом от мала до велика.

ШАГ К ИСТИНЕ

Интерес читателей к жизни и творчеству великого лезгинского поэта Етима Эмина возрастает с каждым годом. Здесь в значительной мере, на мой взгляд, сказывается духовная жажда общества «на перепутье» и осознание похожежности нашего времени с эпохой Е.Эмина, когда, по его словам,

*В смятенъе мир. Безумьем все объято.
Любой плешивец - ханом в этом мире.
Все люди – или волки, иль ягнята.
Кто честен – жертва в странном этом мире.*

(Перевод Р. Морана).

И научный интерес к наследию поэта никогда не иссякал, воплощаясь в единое литературоведческое направление, имя которому эминоведение.

«Введение в эминоведение» – так и называется книга патриарха дагестанской лингвистики профессора

Р.И. Гайдарова, который вносит свой вклад и в развитие литературоведения.

В книге сделана попытка проанализировать почти всю научно-критическую литературу по творчеству Е. Эмина, накопившуюся за 70 лет, прошедших со времени первых публикаций поэта.

В разделе приложений впервые в переводе на русский язык, осуществленном автором книги, обнародованы письма Е. Эмина и письма ему, а также отдельные официальные документы, связанные с жизнью и деятельностью Е. Эмина и с членами его семьи; даны на языке оригинала афоризмы Е. Эмина, представлены собственные имена (антропонимы и топонимы), встречающиеся в произведениях поэта, приведен словарь слов и выражений из произведений поэта, труднопонимаемых современным читателем. Небезынтересны высказывания лезгинских поэтов и ашугов о великом предшественнике и списки музыкальных произведений на слова поэта.

Словом, автор подвел некоторые итоги эминоведческой работе. В этом смысле «Введение в эминоведение» – первый значительный труд и, безусловно, имеет соответствующую научную ценность, несмотря на имеющую место в книге, по словам автора, «слабость доказательной аргументации» некоторых выводов.

О них мне и хотелось бы высказаться.

В контексте эминоведения уязвимым остается вопрос полноценной биографии поэта и хотя бы приблизительного установления дат жизни и смерти. Самый убедительный источник – это вышеназванные письма и документы, имеющие непосредственное отношение к Е. Эмину. Немало ценного можно почерпнуть из его стихов.

Относительно места рождения поэта нет единого мнения среди исследователей, одни называют селение Цилинг (родина отца Эмина), другие – Ялцуг (куда переселились родители поэта).

Е.Эмин, в бытность кадием живший в Ялцуге, в одном из стихотворений, адресованном жителям Цилинга, называет себя их «миресом» (сородичем, родственником по линии отца), что, на мой взгляд, говорит лишь о родственной связи поэта с цилингцами, стало быть, он родился в Ялцуге. Р.И. Гайдаров считает, что «миресом» цилингцев поэт мог назвать себя, не обязательно имея в виду, что он из Ялцуга. Но представим себе человека, родившегося в одном селе, но живущего в другом. Он, обращаясь к жителям села, где родился, скорее всего, назовет себя их односельчанином, нежели родственником по отцовской линии. Он может назвать себя сородичем только в отношении круга своих родственников. А жителей какого-либо другого аула он признает родственными лишь в том случае, если там связан с кем-нибудь кровными узами.

Определяя год рождения поэта, Р.И. Гайдаров приходит к выводу, что Е. Эмин родился в 1816 г., что, на мой взгляд, также вызывает глубокие сомнения.

Приведу свои доводы.

Одним из неоспоримых памятников, свидетельствующих о времени, в котором жил поэт, и о людях, с кем он был знаком, является книга исторических сведений «Асари-Дагестан» Гасана Алкадари, которая была завершена в августе 1890 г. На одной из последних страниц книги автор пишет о Гаджи Исмаиле-эфенди (у него в медресе учился, а затем и работал под его началом Е. Эмин): «В последнее время, потеряв способность к мирской службе, он занялся благочестием у себя дома. Он набожный человек, достигший восьмидесяти лет...» Это значит, что Гаджи Исмаил родился в 1810 г. Теперь перейдем к другому документу – служебному письму кадия Кюринского окружного суда к кадию села Ялцуг Эмину. Это письмо в книге Р.И. Гайдарова приведено, к сожалению, в сокращенном виде. Пропущено начало, которое содержит информацию, важную для приблизительного установления

года рождения поэта. Автор письма обращается к своему коллеге ниже рангом с такими словами: «Кадю ялцугского суда, моему дорогому сыну, молле Эмину. Шлю много приветов...» Такое любовное отцовское обращение к своему ученику, к подчиненному свидетельствует не только о неофициальности их отношений, но и о том, что Е. Эмин был моложе своего учителя и начальника не на 6, как это выходит по подсчетам Р.И. Гайдарова, а гораздо больше лет.

Автор «Введения в эминоведение» свои предположения основывает на хранящемся в собственном архиве и неопубликованном, рукописном «альманахе», где «до страницы, на которой имеется дата 1261 год хиджры, помещены семь стихотворений Етима Эмина, в том числе и такие, которые никак нельзя отнести к юношеским поэтическим упражнениям». Далее автор книги пишет: «Следовательно, 1838 никак не может быть годом рождения поэта, потому что указанная выше дата соответствует 1840 году. Выходит, что поэту тогда было всего 2 года».

Во-первых, 1261 г. хиджры соответствует (я опять полагаюсь на даты в «Асари-Дагестане») 1845 году. Во-вторых, то, что дата в рукописном «альманахе» имеет отношение к времени записи стихов, вызывает сомнение. В своем описании «альманаха» («Лезги газет» №8 за 1993 г.) Р.И. Гайдаров сам тоже подчеркивает: «Эти даты не имеют прямого отношения к времени создания стихов и связаны с другими разными событиями (наступление месяца поста, объявление закятов и др)». Даты, как было отмечено выше, даны в местах, где отсутствуют записи. «Формы письма, почерки разные», – далее пишет автор описания. Думаю, что эти даты могут быть произвольно проставлены разными людьми и в разное время, и считаю, что «почерки» в «альманахе» требуют более тщательного и профессионального изучения.

Р.И. Гайдаров и предполагаемый исследователями год смерти поэта (1884) подвергает сомнению и, опираясь на документ об опекунстве окружным кадием Магомедом-

эфенди Алкадарским дочери Эмина Муслимат, выдвигает свою версию и переносит дату смерти поэта на 1878 г. В названном документе началом опекунства значится 1301 г. хиджры, что соответствует 1883 г. «Эта дата, а также то, что в течение четырех лет до этого опекуном девочки был брат Эмина Мелик, позволяют установить год смерти поэта не позже 1878 года...», – пишет Р.И. Гайдаров, который, видимо, полагается на воспоминания внука Мелика – Меликова Эмина, записанные литературоведом К.Х. Акимовым (см. сборник «Творческое наследие Етима Эмина», 1990 г. стр. 67), где респондент утверждает о существовании «документа» о передаче Эмином опекунства своей дочери брату Мелику. Тем не менее, ни респондент, никто другой этого «документа» не видел. Думаю, что тут есть основание полагать, что его вовсе и не было, поскольку мусульманское законоведение не позволяло Мелику стать опекуном дочери его брата. Кого интересует этот вопрос, отсылаю к «Изложению начал мусульманского законоведения», изданному в 1850 г. в Санкт-Петербурге и посвященному составителем книги Николаем Торнау «Государю Императору Николаю Павловичу Самодержцу Всероссийскому». Там все подробно прописано об опекунах (стр. 301).

Можно предположить, что назначение Магомеда-эфенди Алкадарского опекуном дочери Эмина было произведено еще при жизни смертельно больного поэта по духовному завещанию его, так как следующие, представленные в книге Р.И. Гайдарова документы дочери Е. Эмина Кизхалум (о продаже доставшейся ей части наследства отца) датированы 3-м днём месяца раджаб 1303 года по хиджре, что соответствует 1884 г., хотя автор книги эту дату ошибочно переводит на 1985-й.

Особый интерес в книге Р.И. Гайдарова вызывает глава «Поэтика», в которой автор увлекательно разбирается в

тонкостях стихотворчества великого поэта. Но при всей уникальности разбора автор допускает и некоторые неточности в определении форм и размеров стихов. К примеру, поэтический шедевр Е. Эмина «Красавица Тамум» назван сонетом. Классический сонет – это твердая форма европейской поэзии, состоящая из 14 строк и имеющая строгую строфическую схему рифмовки. В лезгинской поэзии сонет появился только в начале 60-х годов двадцатого столетия. Названное стихотворение написано в форме газели. Путаница в определении формы этого стихотворения связана с тем, что поэт вдобавок к соблюдению традиционных требований газели выдвигает и свои новшества, рифмуя некоторые четырехсложные цезурные деления в шестнадцатисложных строках. Тем самым поэт, видимо, «компенсировал» ущербность глагольных рифм, являющихся ударными в конце каждого двустушия газели.

Вывод Р.И.Гайдарова о том, что «размеры у Е. Эмина только дву- и трехсложные, т.е. ямба, хорей, дактиль, анапест и амфибрахий», в корне неправилен, так как названные термины – это суть условные единицы, с помощью которых определяется стихотворный размер силлабо-тонического стихосложения. А лезгинское стихосложение, как правило, силлабическое, в основе которого лежит равностроение в строках с соблюдением цезуры.

В целом, книга Р.И. Гайдарова является этапной в исследовании жизни и творчества Е. Эмина, поскольку эта работа призвана устремить усилия эминоведов в более плодотворное русло.

ПРИМЕР МУЖЕСТВА И МУДРОСТИ

Народный поэт Дагестана Байрам Салимов родился в высокогорном лезгинском ауле Судур Кусарского района Азербайджана. Отцу его Наврузбеку было в ту пору семьдесят лет. Мать была моложе. И у них уже имелась дюжина ребятишек, им были чужды суеверия. Поэтому прибавился он, тринадцатый, чей номер оказался счастливым.

Когда думаешь о Байраме Салимове, на душе становится легко и светло. По-другому быть не должно, поскольку Байрам Наврузбекович по натуре очень открытый, веселый и общительный человек и ко всему этому все его достоинства венчает особый в нем природный дар, имя которому Юмор. Находясь рядом с этим душевно щедрым человеком, не можешь не быть соучастником или героем его безобидных шуток, которые позже то и дело могут всплывать в памяти, вызывая радость в глубине сердца.

Только тот, кто не знает Байрама Наврузбековича, может не почувствовать, что за плечами этого неунывающего человека большой и нелегкий жизненный путь.

Окончив Судурскую семилетнюю школу, он в родном селе работал учеником кузнеца, учетчиком на ферме, почтальоном. Затем учился в Дербентском педучилище, после окончания которого был призван в армию. Вооруженным силам он отдал более десяти лучших своих лет: закончив высшее военное воздушно-десантное училище, служил офицером до 1958 года.

Во всех этих профессиях есть нечто родственное стихотворческой работе, и потому невольно думаешь, что сам Бог предназначил их исполнение Байраму Салимову прежде, чем предопределить ему писательскую участь.

Первые стихи были написаны за школьной скамьей.

Правда, на азербайджанском языке. Это были годы, когда языки малых народов, в том числе и лезгинский, подвергались искусственной ассимиляции, принижались их роль и значение. В Азербайджане столь «важный» процесс шел с особым идеологическим накалом.

Байрам Салимов вспоминает случай из своей школьной жизни. Учитель, заметив, что будущий поэт говорит на родном языке, подошел к нему и дал пощечину, строго повелевая: «Не говори на лезгинском языке!» – и напомнил «блудному» ученику, что нужно общаться только на языке «старшего брата в республике».

Не будь этой пощечины, не было бы и лезгинского поэта Байрама Салимова. Именно в тот злополучный день юный упрямец дал себе слово не только говорить, но и писать на родном языке.

Вряд ли теперь найдется в Стране гор человек, кто не слышал имени народного поэта Дагестана Байрама Салимова, чье творчество уже многие годы на виду и на слуху, перешагнуло пределы республики. Читатели 16-й юмористической полосы «Литературной газеты» и журнала «Крокодил» наверняка помнят, что Байрам Наврузбекович давно известен в литературных кругах как Праздник Праздникович – так переводчики и друзья поэта взяли вместе с его стихами да перевели на русский язык имя и отчество горского стихотворца. И недаром «Литературная газета» присудила поэту премию «Золотой теленок». Байрам Наврузбекович от всей души дорожит ею.

В разные годы в дагестанских издательствах вышли в свет более двадцати его поэтических сборников. В бакинских издательствах вышли книги: «Солнце, будь гостем» и «На току». В Алма-Ате был издан сборник стихов «Орлиная высота». В свое время имела успех книга для детей «Почему льва нет на Кавказе?», изданная в Махачкале на лезгинском и русском языках.

В московских издательствах увидели свет сборники

стихов в переводе на русский язык: «Лейся, солнце» «Заговори, чунгур», «Колыбельная дождю», «Дорога в Судур», «Как лучше стать плохим», «Свои и наши», «Если чинаре не спится» и другие.

Байрам Салимов также является автором двух книг прозы – «Дед Заман» и «Чабаны», составленных из самобытных повестей и рассказов.

В переводе на лезгинский язык им изданы отдельными книгами стихи осетина К. Хетагурова, аварца Р. Гамзатова, даргинца Р. Рашидова и рутульца Ж. Саларова. Его перу принадлежат многочисленные переводы стихов казахского акына Джамбула, азербайджанских поэтов С. Вургуня, С. Рустама, Н. Хазри, осуществленные с языков оригинала. А стихи самого поэта переведены на языки народов Дагестана, а также на азербайджанский, казахский, уйгурский, эстонский, испанский и фарерский.

Хотелось бы особо отметить совместную творческую и просветительную работу Байрама Салимова с незабвенным Забитом Ризвановым. Ими в соавторстве написаны пьесы «Дибиров сердится», «Гюльшан», «Ашуг Лукман», постановка которых на сценах Лезгинского государственного музыкально-драматического театра им. С.Стальского и Лезгинского государственного театра в городе Кусары (Азербайджан) имела широкий успех.

Неоценим их титанический труд в сборе и систематизировании фольклора кубинских лезгин. В 60-е годы прошлого века Байрам Салимов совместно с Забитом Ризвановым, объездив все аулы Лезгистана, по крупицам собрали песни, сказки, легенды и притчи о народном герое Шарвили, которые были единым литературным памятником, превратившимся в течение веков в разрозненные и самостоятельные осколки.

Забит Ризванов и Байрам Салимов впервые в истории лезгинской литературы высказали мысль о существо-

вании эпоса с главным персонажем Шарвили и доказали это, восстановив сюжетную канву монументального произведения и облачив в единую стихотворную форму. Воссозданный вновь эпос, к сожалению, долгие годы оставался неизданным. Буквально несколько лет назад (уже после смерти Забита Ризванова) эпос был издан впервые.

Самое отрадное, что связано с этим изданием, – это ставший доброй традицией и ежегодно проводимый лезгинской общественностью праздник Шарвили, во время которого объявляются и поощряются соплеменники героя эпоса, достигшие больших успехов в науке, культуре, литературе, спорте и других сферах жизнедеятельности. Утвержденная общественностью Национальная премия Шарвили была присуждена многим достойным сыновьям и дочерям, прославляющим свой народ, в их числе ее лауреатами стали Забит Ризванов (посмертно) и Байрам Салимов. Словом, дружеские и творческие отношения Байрама Салимова и Забита Ризванова – это особая страница в истории лезгинского народа.

С 1937 года в лезгинских школах Азербайджана было прекращено преподавание родного языка. По этому поводу только в 1959 году два отчаянных поэта решились поднять свой голос в защиту языка – Забит Ризванов и Байрам Салимов. Они за правдой поехали в Москву, обратились в ЦК КПСС. В результате их усилий и стараний в 1960 году преподавание лезгинского языка было восстановлено, но в ограниченном виде – до четвертого класса и лишь два раза в неделю. Это значило: хранить угольки под золой, но не будь этих угольков – сегодня в Азербайджане не было бы целой плеяды поэтов, самоотверженно пишущих на родном языке и ратующих за духовную целостность народа и неподверженность растворению в инородной среде.

Забит Ризванов и Байрам Салимов также стояли у истоков создания в 60-е годы в Кусарах литературно-

го кружка «Сердечное слово», который сыграл большую роль в единении и сплочении всех творческих сил лезгин в Азербайджане. Этот кружок дал лезгинской литературе мощный писательский потенциал, который сегодня знаменателен именами многих одаренных поэтов и писателей.

Словом, труды Байрама Наврузбековича на поприще становления и развития родной словесной культуры многочисленны и благотворны. Но главным делом в своей жизни и творчестве он считает поэзию. Стихи поэта кровно связаны с родной землей, дух которой и питает его вдохновение.

В большой ли поэме, в малой ли поэтической миниатюре поэт реален и рассуждает чисто земными мерилami.

Действенны эпическая полновесность и строгость его легенд, которые воссозданы по ускользающим в забвение следам древних сказаний.

Легенда «Белый камень» точно отражает весь коренной лейтмотив салимовской поэзии.

Иноземные враги, проиграв битву с горцами, ночью тайно унесли заветный камень с сельского годекана. Но ценою вновь пролитой крови он был возвращен на прежнее место. Из этого вроде бы заурядного сюжета автор извлекает большой урок нравственной и гражданской значимости:

Возможно, спросит кто-то:

– Разве мало

Камней в горах

И малых и больших?

И за один, пожалуй,

Не пристало

Идти на бой

И жизни сокрушить...

Отрадно, что Байрам Наврузбекович в хорошей творческой форме и пишет стихи, отражая в них время, в котором мы сейчас живем, взвешивая его на своих лиро-сатирических весах. Своими новыми стихами поэт охотно делится с коллегами и друзьями. Слушая взволнованный голос поэта, не раз я убеждался в том, что, когда у человека душа и мысль трудятся, годы нипочем, что многолетний опыт его жизни не превращается в твердокаменную бездушную глыбу, а становится живым, одухотворяющим источником.

СМЕХОТВОРЕЦ

Известный лезгинский поэт-сатирик Жамидин (1934–2003) умер, не дожив до своего семидесятилетия чуть меньше восьми месяцев. За прошедшие после его смерти пять лет отсутствие поэта ощущалось и сейчас ощущается всё ещё остро. Не хватает его доброй и весёлой шутки, поддержки и целеустремленности в одолении житейских и творческих проблем.

Жамидин родился в высокогорном селении Микрах, расположенном у подножия священной горы Шалбуздаг и названном в народе аулом поэтов. К примеру, в сборнике «Родники Микраха», изданном в 1994 году, представлены произведения двадцати двух микрахцев, из которых семеро имеют официальный статус членов Союза писателей России.

Жамидин мечтал открыть в родном селе музей поэтов, где бы выставлялись книги, личные вещи, письма местных авторов, а также их многих собратьев по перу, приезжавших в Микрах на литературные встречи.

А таких памятных встреч на родине Жамидина проходило несчётное количество, и о них сельчане помнят с благодарностью.

Известный московский поэт-сатирик и единственный переводчик Жамидина Андрей Внуков в своё время написал стихотворение «В Микрахе», где были такие строки:

*Я не был пока
Ни в каких заграницах:
Ни в нильских песках,
Ни в Альпийских горах,
Но если случайно
Париж мне приснится, –
Он будет ужасно
Похож на Микрах!*

Все поэты, побывавшие здесь, восхищались природой и людьми этого удивительного и древнейшего селения, воспевали его в своих стихах, и для гостей-стихотворцев Жамидин являлся олицетворением Микраха и величавого Шалбуздага.

Расул Гамзатов в своей статье «У него своя сакля» (журнал «Москва» № 2, 1969 г.) писал о Жамидине: «...когда к нему приезжают гости из Москвы или из других городов, он в первую очередь им показывает не музеи, не театры, а свой далёкий родной аул и свою дорожную саклю».

Не случайно, что «горскость» Жамидина берёт начало в вершинах микрахской долины, в древней отеческой земле, богатой уникальным фольклором и народным юмором, благодаря чему будущему поэту с самого раннего детства привилась любовь к отточенному художественному слову. Глубинная привязанность к своим духовным и кровным корням в поэте и в его творчестве сохранялась до самых его последних дней.

Рассказывая о начале своего творческого пути, Жамидин любил вспоминать один эпизод из своего детства.

Когда его, подростка, родители отправили в районный центр Усухчай за керосином, Жамидин сэкономил на топливе и купил в книжном магазине сборник стихов Сулеймана Стальского. Этот красочно изданный томик перевернул судьбу мальчика: он окончательно решил избрать себе путь стихотворца. Того ему стали сулить и родители, и соседи, которые иногда по вечерам приходили в отцовский дом Жамидина и просили его почитать стихи Гомера XX века. Будущий поэт каждый раз с радостью исполнял эту просьбу и сам тоже уже пробовал сочинять стихотворные тексты.

Но со своими первыми опытами он ходил на суд к известному лезгинскому поэту Шихнесиру Кафланову, преподававшему в Микрахской средней школе лезгинский язык и литературу, и внимательно прислушивался к его советам и замечаниям.

Помню, как Шихнесир-муаллим, ставший литературным учителем всех, младше его, микрахских стихотворцев, журил меня за то, что я слишком робко захаживаю к нему со своими опусами, и ставил мне в пример Жамидина: «Бывало, я запирался у себя дома и писал свои стихи, уединившись, – вспоминал учитель. – Но Жамидин входил ко мне через окно и показывал, как он после моих пожеланий исправил те или иные строки в своих стихах и прочитывал новые... В литературе быть робким нельзя! Надо быть настойчивым, как Жамидин!»

В литературу Жамидин вошёл не через окно, а открыл её двери своими зрелыми и самобытными стихами.

Первая книга поэта «Чертополох» пробивала себе дорогу с большими трудностями, поскольку в ней была неумолимая сатира на тогдашнее чиновничество. Это и настораживало начальников издательства, хотя рукопись книги прошла все инстанции предварительного «досмотра» – обсуждалась на заседании лезгинской секции Союза писателей республики, рецензировалась в разных

инстанциях, рассматривалась на художественном совете в издательстве и была предложена к изданию. Обкому партии могло не понравиться, что какой-то молодой автор осмеивает «хакимские нравы и привычки».

Редактор будущей книги, писатель и односельчанин Жамидина Мурадхан Шихвердиев счёл не лишним застраховаться ещё одной рецензией, которую вскоре было поручено написать Шах-Эмиру Мурадову, флагману лезгинской поэзии тех лет. Известный поэт был восхищён стихами молодого сатирика и вместо рецензии отделался лишь доброжелательным четверостишием в поддержку Жамидина. Этими четырьмя строчками редактор предварил будущую книгу, сказав: «Теперь мне никакой обком не страшен!»

Книга вышла в оформлении известного художника Магомед Юнусилау и принесла Жамидину заслуженную славу профессионального поэта-сатирика, чуть ли не единственного во всём Дагестане.

Это был 1958-й год.

После этого на лезгинском языке друг за другом вышли книги: «Сатира и юмор», «Немного смеха», «Был бы толк», «Камушек в чарыке», «Устыдившиеся усы», «Меню сатирика», «Слушаюсь!», «Ты его не знаешь», «Серебряный зуб».

Голос поэта-сатирика был услышан в Москве и во всей огромной стране благодаря публикациям на русском языке. В переводах Андрея Внукова стихи поэта стали появляться на страницах журналов и газет, таких как «Крокодил», «Дружба народов», «Современник», «Москва», «Юность», «Нева», «Дон», «Молодёжная эстрада», «Литературная газета» и «Литературная Россия». Эти публикации затем составляли отдельные сборники, выходявшие в столичных издательствах: «Дал-взял», «Есть обычай в горах», «Камушек в чарыке», «Был бы толк», «Возраст горца» и др.

Одним словом, творчество Жамидина стало неотъемлемой частью литературного процесса в масштабах всей огромной страны. Он был признан одним из лучших сатириков России.

В 1980 году в Союзе писателей России, на заседании Комиссии по сатире и юмору состоялось расширенное обсуждение творчества Жамидина, где принимали участие известные сатирики и юмористы: Леонид Ленч, Вадим Бахнов, Юрий Благов, Мануил Семёнов, Александр Николаев, Владимир Владин, Андрей Внуков, Байрам Салимов и др. На заседании председательствовали секретарь Союза писателей России Георгий Ладонщиков и Леонид Ленч.

Все выступившие были единодушны в признании творчества Жамидина как «явление не рядовое в нашей сатирической литературе».

В газетах и журналах прошлых лет сохранилось немало отзывов, рецензий и статей, написанных о самобытности творчества микрахского смехотворца. Все эти материалы собраны и приведены в единую систему в замечательной книге писателя и профессора Акимова К.Х. «Сатира и юмор Жамидина». Всех интересующихся творчеством поэта лиц я отсылаю к этой книге, которая увидела свет, когда её главный герой еще был жив.

Но годы, прошедшие после неожиданной смерти поэта, нас убеждают в том, что его значение и наследие требуют новых книг научного и популяризаторского характера, в том числе и сборника воспоминаний о Жамидине – человеке, друге и поэте.

Лично для меня Жамидин-муаллим был не только старшим другом и собратом по перу, но и человеком, который в любой печали и радости оказывался рядом. Он поддерживал всех, кто приходил к нему за помощью, не знал усталости, когда с полной отдачей решал далеко не поэтические проблемы знакомых и даже не знакомых ему людей.

Помню несметное количество памятных встреч и творческих поездок с участием Жамидина, на которых дар поэта-сатирика высвечивался и другими своими гранями – его добротой, жизнелюбием, душевной щедростью, хлебосольством, беззаветной любовью к людям и глубоким доверием к ним. Он был незаменимым тамадой на всех дружеских встречах, где его светлый юмор и добрая шутка также достигали высокого художественного уровня.

Жамидин в последние свои годы возглавлял литературный журнал «Самур». Как редактор он имел тонкое чутьё к художественным текстам и всегда был строг и справедлив к ним. Мог снимать с уже готового к сдаче в набор номера любую подборку стихов, рассказ или повесть, если вдруг ему в руки попадалась более удачная замена. Любое лучшее новое произведение в его руках сразу оказывалось в готовящемся номере.

Я люблю стихотворение Жамидина «Свидетели»:

*Руки крали
Днем и ночью,
Что попало
Без забот...
Очи видели
Воочью
Всё, что руки
Тянут в рот...*

*Уши слышали,
Как с жаром
Рот прожорливый жевал...
Нос принимался жадно,
Обонял,
Переживал...*

*Но едва попались руки,
Как оглохли уши вмиг,
Хитрый рот
Зевнул со скуки,
Очи скрылись,
Нос притих...*

*Только на усах осталось
То, что рот не скушал сам.
И за всё, что всеми кралось,
Стало стыдно лишь усам...*

При кажущейся на первый взгляд юмористичности стихотворение очень глубокое, философское, где отразилась противоречивость человеческой природы. Поэт, высмеивая алчность своего «героя» одновременно в своей душе печалится о неустойчивости человека перед иными соблазнами. Поэтому такое двоякое восприятие передаётся и читателю. В наше воровское время эти стихи звучат еще убедительнее и острее.

Считаю несомненным вкладом в сокровищницу дагестанской литературы и все три известные поэмы Жамидина: «За нашей спиной», «Я и ещё двое» и «Седина». Необычное композиционное строение поэм автором умело и органично сопряжено с глубоким содержанием. Подкрепить это мнение можно словами Андрея Внукова, сказанными по поводу поэмы «Седина»: «Мне кажется, это произведение, которому нет равных в нашей литературе».

Пронизанные национальным колоритом и забытыми фольклорными мотивами эти поэмы стоят в творчестве поэта особняком. Главное в них – это придание всему обработанному материалу современного значения и осмысления, что осуществлено с неподдельным мастерством.

Жамидин был полон творческих идей и планов. На-

кануне его смерти в ходе одной из наших бесед мы коснулись темы молчания почти всех маститых писателей с огромным «стажем работы» в многонациональной советской литературе. Акцент делался на то, что «властители дум» не спешат с оценкой наступившего нового смутного времени.

«Чтобы оценить послеперестроечные годы, необходимо время, нужно пропустить это безвременье через свою душу, а затем осмыслить его и высказаться о нём», – говорил Жамидин.

Он сам тоже готовил свою оценку новому ходу времени. Говорил, что работает над большой поэмой, в которой хотел бы отразить постсоветскую эпоху и людей, оказавшихся на гребне времени. К сожалению, смерть не дала ему достичь этой цели.

Канули в небытие многие надежды и ожидания – и его, и наши, его друзей и коллег.

Жамидин при жизни особо не был обласкан наградами и вниманием со стороны власти. Государственная премия, присуждённая поэту за книгу «Ты его не знаешь» (на русском языке) и звание заслуженного работника культуры РД, увы, лишь частичное признание немалых заслуг Жамидина перед Страной гор.

Это признавал и Расул Гамзатов, который, как мне известно, хотел представить Жамидина перед его семидесятилетием к почётному званию «Народный поэт Дагестана». Но этому не суждено было осуществиться.

Поэтому мне хочется напомнить о другом, что после смерти самого известного профессионального поэта-сатирика в Дагестане соответствующими структурами не предпринято никаких мер по увековечению памяти Жамидина. Неужели он не заслуживает того, чтобы ему установили памятник в родном селе или чтобы его имя носили улицы Махачкалы и Дербента?

Хочется надеяться, что этот вопрос будет услышан.

Завершая статью, мне вспомнился эпизод из детства Жамидина, о котором поэт рассказал на встрече с учащимися одной из школ Махачкалы.

Как-то раз у него окончательно износились единственные туфли, что невозможно было их носить. Родители не успели купить сыну новую обувь, а пропускать из-за нее уроки прилежному ученику не хотелось. И он пошёл в школу босиком. В классе учитель заметил, что сын Гаджимурада не проявляет привычного желания отвечать на вопросы и пытается прятать ноги, и вызвал его к доске. Увидев, что ученик бос, преподаватель спросил: «Почему без обуви?» Жамидин дал заранее придуманный ответ: «Да вот грибковое заболевание пристало к ногам.... Врач посоветовал ходить босиком по земле и по росным травам...» Учитель, конечно, догадался, в чём дело, и, оценив находчивость ученика, отпустил его домой.

«У моего поколения детство было тяжёлое, но мы стремились к знаниям и учились хорошо, – говорил поэт учащимся. – У вас есть все условия для учёбы и поэтому вы не имеете права учиться плохо».

На следующий день, как потом мне рассказывала учительница, организовавшая встречу писателей со школьниками, дети пришли в школу с книгами Жамидина. Настолько благородно и глубоко повлиял на них этот эпизод из детства поэта.

И к своей славе, к своей творческой вершине Жамидин шёл неторными тропами, одолевая подъёмы и преграды. Гора добрых шуток и разящего смеха не может быть обойдена вниманием благодарных почитателей, поскольку юмору все возрасты покорны.

Тем и бессмертен наш Жамидин.

НЕУТОМОННЫЙ САЖИДИН

Еще в юности он дал себе слово стать поэтом. Юноша из Ага-Стала, давшего миру Сулеймана Стальского и Саяд Стальскую, понимал, на какой рискованный и ответственный шаг он идет. «Начальные буквы моего имени и фамилии соответствуют инициалам моих предшественников, – говорил он. – Значит, я могу продолжать их путь и традиции, установленные ими». Земляки, конечно, списывали его самоуверенность и максимализм на молодость и на одну из главных черт его характера, заключающуюся в острословии и самоиронии. В районной и республиканской газетах стали появляться подборки его первых стихов. Они не проходили мимо взоров и сердец строгих и требовательных к поэтическому слову ага-стальцев. Но однажды сельчане услышали по всесоюзному радио стихи своего земляка, прозвучавшие уже в переводе на русский язык. Тогда земляки поверили в него. Один из уважаемых аксакалов принародно сказал ему: «Теперь ты мастер слова, сынок. Мы можем гордиться тобой, С. С.!».

Через несколько лет молодой стихотворец стал известен всему лезгинскому народу как поэт Сажидин Саидгасанов. Эту славу ему принесла шуточная песня, написанная на его слова «Почему ты пришел не вчера?». Название песни, звучавшее в стихах ключевым рефреном, позднее стало поговоркой, а сама песня – народной.

Кто-то из великих сказал, что счастлив поэт, под стихами которого подписался народ. Сажидину Саидгасанову такое счастье улыбнулось не раз.

Поэт покорила сердца читателей чеканным стихом, чистым и светящимся в упорядочивании слов языком, глубоким литературным юмором.

Помимо творческой и трудовая биография Сажидина Саидгасанова примечательна по-своему.

Прослужив в рядах Советской Армии, он по комсомоль-

ской путевке поехал на молодежную стройку Каракумского канала в Туркмении. Вернувшись оттуда, окончил филологический факультет Дагестанского государственного университета. Несколько лет работал собственным корреспондентом Сулейман-Стальской районной газеты «Весна коммунизма», затем перешел в Агастальскую среднюю школу учителем родного и русского языков и литературы. Учительской работе он отдал более четверти века бурных и лучших лет своей жизни. Работал заместителем начальника Управления культуры Сулейман-Стальского района.

За сухими биографическими данными этого сухощавого и не знающего покоя человека стоит целая жизнь, переполненная тревогами и простыми земными радостями, разочарованиями и высокими творческими взлетами. И это прекрасно знает в наши дни чуть ли не каждый взрослый человек в Южном Дагестане, потому что нет села в лезгинских районах, которого не коснулась бы нога Сажидина, нет там старожила или образованного человека, с кем не встречался бы этот неутомимый, подвижный и общительный человек.

Что зовет его в дорогу?

Зачем он путешествует по аулам?

К чему всё это ему?

На эти вопросы Сажди́н Саидгасанов отвечает созидательными делами, духовно очищающими и обогащающими.

Он собирает по крупицам утерянную часть наследия великих поэтов Етима Эмина, Сулеймана Стальского, Саяд Стальской и других; издает специальную газету «Соловей», предназначенную для раскрытия новоявленных талантов среди кюринской молодежи; создает Фонд им. С.Стальского и Фонд мусульман сел. Ага-Стал, мобилизует людей на проведение ремонтных работ в сельской мечети, способствует возрождению и укреплению традиционного ислама в регионе; проводит большие поэтические вечера, посвященные ведущим представителям родной литературы и т.д.

Помимо всех обычных и подвижнических забот Сажидина Саидгасанова по жизни сопровождает полнокровная стихотворческая работа. Он всегда пишет в пути. Поэтому в стихах его и чувствуется обеспокоенность за судьбы народа и страны, за духовные ценности и ориентиры.

Стихи поэта вошли в ряд коллективных сборников: «Родник», «Колосья», «Кюринские зори». Сегодня стали библиографической редкостью его изданные в разные годы отдельные книги «Почему ты пришел не вчера?», «Колобок», «Чудеса», «Под звуки зурны» и др.

Лезгинский государственный муздрамтеатр им. С. Стальского осуществил постановку по сценической сказке Сажидина Саидгасанова «Тетушка Воробьяха», которая стала для юного зрителя одной из самых любимых.

Говорят, что поэт полностью раскрывает себя только тогда, когда он пишет прозу. Эта истина применима и в отношении Сажидина Саидгасанова. Недавно он удивил читателей документально-художественной повестью «Ашуг Узден из Ярага», посвященной жизни и творчеству одного из видных представителей нашей культуры конца XIX и начала XX в. Автор показал себя подлинным знатоком исторических перипетий описываемого времени, нравов, обычаев и психологии людей в пору перемены социальных эпох.

В стихах поэта волнуют животрепещущие темы. Его лирический герой не витает в облаках, а живет теми же заботами и чаяниями, что и простые земляки автора. Творчество Сажидана Саидгасанова высоко оценено такими известными представителями науки и литературы, как Ражидин Гайдаров, Гаджи Гашаров, Курбан Акимов, Ибрагим Гусейнов и другие.

Поэт является мастером иронических и шуточных стихов, и недаром немалое их количество опубликовано в переводе на русский язык в таких массовых центральных изданиях, как газета «Правда», журнал «Крокодил»,

детский журнал «Колобок», педагогическое издание «Дшкольное воспитание».

Недавно «Лезги газет» завершила продолжавшуюся в течение семи лет публикацию книги «Ожерелье преданий», составленную Саждином Саидгасановым из собранных им же лезгинских поговорок и пословиц. Эта книга бесценна тем, что ей просто нет аналогов нигде.

При всем уважении автора этих строк к герою статьи хочется выразить и некоторое сожаление по поводу того, что в последнее время поэт постепенно отходит в сторону от сатирико-юмористического отношения к миру в пользу хвалебных жанров, чего ему не простят взыскательные читатели и собратья по перу. Хотя наше несмешное, но заслуживающее беспощадного осмеяния время частично и не прошло мимо острого пера поэта, но все же смута этих лет осмыслена и оценена нашим коллегой недостаточно. И мы с надеждой ожидаем новый сатирический взлет умудренного жизненным и творческим опытом аксакала.

В целом поэт своим многогранным творчеством пишет летопись своего народа, на судьбах которого горько сказываются все социальные, духовные и политические катаклизмы времени. Главное заключается в том, что поэт остается со своим народом и живет его жизнью, возвращая ему свой духовный и сыновний долг.

ПОСЛАНЕЦ ШАЛБУЗДАГА

Южный Дагестан с незапамятных времен славится извечными и незабываемыми памятниками природы – белоснежными вершинами – четырехтысячниками Базардюзи, Ярудаг, являющийся ответвлением горы Шахдаг, и Шалбуздаг. Каждая из них стала для проживающих у под-

ножий или по окрестностям этих исполинов символом целеустремленности, мужества и духовного возвышения и умиротворения. Древнее лезгинское селение Микрах расположено в окружении этих гор, среди неопишуемых альпийских лугов у восточного склона священной горы Шалбуздаг.

Селение во многих древних летописях упоминается как город, и сами микрахцы насчитывают своему гнездовью не меньше пяти тысяч лет. И что удивительно: расположенное у горы, известной своими святынями и являющейся местом религиозного поклонения и до принятия микрахцами ислама, село издревле известно, прежде всего, людьми, связанными с духовной культурой и внесшими весомый вклад в духовную сокровищницу лезгинского народа.

И в наше время Микрах получил славу села, возрастившего известных художников и врачей, журналистов и музыкантов. Но по-особому Микрах известен как родина выдающихся поэтов Кемер (15-й век) и Мардали (19-й век), духовных наставников Сфи-эфенди (19-й век) и Рашид-эфенди (нач.20-го века), выпускников Казанского университета.

В современной лезгинской литературе известны семь членов Союза писателей России, признанных народом и имеющих свою стезю на поприще художественной словесности.

Об одном из них и хотелось бы поговорить. Это Мердали Джалилов, который известен в Дагестане как поэт и журналист. Его творческий путь составляют именно эти две самобытные, идущие в гору, пересекаясь друг с другом, тропинки, имя которым поэзия и журналистика.

Родился Мердали Джалилов в семье простого горца-крестьянина Абдулазиза, прошедшего Великую Отечественную войну. Мать Углангерек была популярна в селе

как сказительница. Она, не умея писать, экспромтом сочиняла стихи и сказки для сельской детворы. Так что мы можем сказать, что любовь к стихотворчеству Мердали Джалилов впитал с материнским молоком.

Свои первые стихи Мердали стал писать еще в школьные годы. И публиковаться он стал тогда же. Его герой Мургуз с тупузом (булавой) был одним из популярных персонажей в республиканской газете «Путь социализма» (ныне «Лезги газет»). Выдуманный поэтом-школьником Мургуз переходил из одного стихотворного фельетона в другой, бичуя негативные стороны в жизни земляков автора. Тут можно отметить и немаловажный факт из творческой биографии молодого поэта, утвердивший его дальнейший профессиональный рост. Он связан с учителем лезгинского языка и литературы Микрахской средней школы Шихнесиром Кафлановым, широко известным поэтом-лириком, который выпестовал немало талантливых стихотворцев. Учитель научил ученика бережно и тонко относиться к слову, вникать в его глубинные тайны. Думаю, что такая высокая требовательность к себе и другим, полученная от наставника, помогла Мердали Джалилову обрести себя, свой язык, свой почерк, свою самобытность и неповторимость в море литературных изысканий.

В современной лезгинской литературе Мердали Джалилов – поэт с четкой гражданской позицией, чьи стихи и поэмы являются неотъемлемыми и значительными ориентирами в современной национальной поэзии. Поэт не хватает звезд с неба, но зажигает их на земле в своих стихах. Продолжая традиции Етима Эмина и Сулеймана Стальского, Алибека Фатахова и Алирзы Саидова, Мердали Джалилов создает в своем творчестве обобщенный образ своего лирического героя, не наделяя его какими-либо фантастическими и неправдоподобными чертами характера, а концентрируя в нем качества высоконравственного граж-

данина-современника, трезво разбирающегося в ходе эпохи и в ее катаклизмах и потрясениях. Одни названия поэтических книг поэта, а их у него целый десяток, сами говорят о вышесказанном: «Граница», «В пути», «Хлеб», «Песня жаворонка», «Соловей на базаре», «Под абрикосовым деревом», «Новые сказки», «Соловей на базаре», «Обвиняю время», «Безумный мир» и другие.

Поэзия Мердали Джалилова многогранна. В ней глубокомысленные двустишия и четверостишия соседствуют с большими многоплановыми поэмами, высокогражданственные публицистически целенаправленные стихотворения с обостренным чувством времени сочетаются с серьезными лирическими излияниями, а экспрессивные пейзажные стихи соседствуют с бичующей сатирой.

Стихотворческие достижения поэта в свое время были высоко оценены известными лезгинскими поэтами Алирзой Саидовым, Байрамом Салимовым, Жамидином, литературоведами Гаджи Гапшаровым и Курбаном Акимовым, а также многими другими представителями братских литератур многонационального Дагестана, на языки которых неоднократно переводились стихи нашего поэта.

Журналистская деятельность Мердали Джалилова также представляет собой значимое явление в духовной жизни народа. Поэт, возглавляя в республиканской «Лезги газет» отдел литературы, не ограничивает свою работу общением только с литературной общественностью. Он как один из самых опытных и оперативных журналистов объездил весь Дагестан и знает современную действительность не понаслышке. Из-под пера Джалилова-журналиста вышли сотни проблемных статей и зарисовок, отражающих жизнь народа во всем ее многообразии.

Заслуги Мердали Джалилова в области журналистики отмечены премиями им. Гаджибека Гаджибекова, Союза журналистов Дагестана «Золотое перо» и «Золотой орел». Он заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Следует сказать еще об одной грани творчества Мердали Джалилова – о его переводческой деятельности. Им переведены на лезгинской язык и опубликованы произведения классиков русской и дагестанской литературы. Современный литературный процесс в Стране гор не остается без внимания переводчика. Стихи многих современных известных поэтов Дагестана также дошли до лезгинского читателя в переводах Мердали Джалилова. А творческие портреты ведущих писателей республики, вышедшие из-под пера их лезгинского собрата, составили весомую и интересную книгу под названием «Просторы слова».

Словом, творчество Мердали Джалилова занимает значительное время и место в современном литературном процессе. У него есть возможность и право оглянуться назад и со спокойной совестью посмотреть на свой след на земле. Все, что им сделано на этом пути, не может быть равноценным, но главное – есть у поэта за плечами этот ухабистый путь, идущий в гору, к своей собственной духовной вершине.

НЕЖНОСТЬ ОБЛАКА, ТВЁРДОСТЬ АЛМАЗА

Кумыкский поэт Бадрутдин Магомедов в вступительном слове к одной из своих книг пишет: «Величие и скромность любого народа рождают поэта». И в самом деле, мой многолетний читательский опыт и пристальное внимание к творчеству Б.Магомедова вновь и вновь убеждают меня в том, что он поэт, рожденный волею небес и скромной ширью кумыкской степи.

Творчество поэта своими корнями уходит в глубокие толщи древнейшей истории его народа.

История прошлого для поэта не представляется завершенной и застывшей констатацией событий, а вечно движущейся магической силой, которая предопределяет ход современности.

«В нашем говоре оживают глиняные книги моих предков-шумеров», – пишет поэт о своем народе. И в стихах Б. Магомедова чувствуется, что поэт обладает тонким слухом в отношении величавой музыки истории.

Пусть неосторожный читатель не подумает, что Б. Магомедов, поэт, замыкающийся в определенных историко-этнических пределах. Это вовсе не так. Он поэт многогранный. А если говорить об «отзывчивости» его поэзии у некумыкского читателя, то тут Б. Магомедову сопутствует полное понимание.

Об этом свидетельствуют многие публикации стихов поэта в московских «толстых» журналах и других престижных литературных изданиях нашей страны, которую поэт объездил от Балтики до Камчатки.

Мне нередко приходилось слышать добрые отзывы о стихах и книгах поэта от разных читателей.

Стихи-раздумья поэта полны исповедальной печали. Боль и трагедия людей проходят через сердце поэта и отождествляются с катаклизмами времени.

Одна из примечательных черт творчества Б. Магомедова – видение вечного в обыденном, преходящем.

В этом плане значительную грань в поэзии Б. Магомедова составляют стихи о простых и конкретных людях своей земли, о людях, прошедших войну, искалеченных ею, но не потерявших самых высоких чувств, присущих Человеку.

Как урок и укор, как напоминание и предупреждение, высказанные поколениям, живущим в сегодняшнем тревожном, а точнее, страшном мире, звучат слова старого солдата хромого Мажита:

*Вспомним лучшие не дошедших
Из окопов, лагерей
До салютов, до медалей
Или просто – костылей...*

Удивительны по своей лапидарности и поэтической дерзновенности миниатюры поэта, вошедшие в одну из его лучших книг на русском языке «Благая весть» (Фонд гражданских инициатив «Содействие», Ярославль, 1991). Они в этой книге собраны в один раздел под символическим названием «Камешки на дне ручья».

Должен сказать, что они не представляют собой переводы «с кумыкского». Они написаны поэтом на русском языке.

Это – новое в дагестанской поэзии. В этих миниатюрных стихотворениях сконцентрированы мудрость и дерзость, и непредсказуемая образность поэтического духа Б. Магомедова. Вот, к примеру, «Пахарь»:

*Он ходит,
Легко раскачиваясь,
Как будто сеет.
Нетороплив, как плуг,
Молчалив, как храм.*

Из-под его пера одинаково чеканно выходят и четверостишие, вмещающее в себя тонко и мудро выраженную мысль, и большое стихотворение, синтезирующее в себе признаки баллады и легенды, многоплановые большие поэмы и переводы из великих поэтов.

Кстати, первая в Дагестане книга Шекспира издана в переводе Б. Магомедова на кумыкский язык, в которую вошли трагедии «Гамлет» и «Макбет».

Любовная лирика Б. Магомедова самобытна и прекрасна. Высокое чувство поэта выражено глубоко и утонченно. «Как голуби, руки твои надо мною летят...» Так может писать только Б. Магомедов.

Б. Магомедов – поэт неумный, неумимый, ищущий. И общение с его поэзией очищает, возвышает и дарит надежду на самое лучшее.

Да сбудутся его слова:

*Нежность облака, твердость алмаза
В каждом сердце, наверно, найду...*

В НЕУМОЛИМОМ КРУГЕ

В последнее время в памяти всё чаще всплывают строки из Бальмонта:

*Я ненавижу человечество,
Я от него бегу спеша.
Моё единое отечество –
Моя пустынная душа.*

Эти стихи, в советских учебниках по литературе приведённые как пример явного упадничества, мне очень понравились в моей литинститутской юности, но едва я мог бы тогда объяснить, почему. Теперешнее «зажигание» их в голове наверняка связано с вызреванием понимания их глубинного смысла.

Сегодня поэты никому не нужны и предоставлены самим себе и своей судьбе. Если раньше они всё лучшее и истинное писали в стол, то в наше время они пишут в неизвестность, в неопределённость. Те края, где они родились и живут, ныне для большинства из них стали местом ссылки, откуда они пытаются убежать в собственную душу. И тут бальмонтские строки уместны и кстати.

А вот что говорит наш современник Виктор Лапшин:

*Не от мира сего – что ты значишь?
Ты чужой – и друзьям, и родным;
Дар небесный опасливо прячешь,
Чтобы не надругались над ним.*

С тем опасением, о котором пишет поэт из древнего русского города Галича, сегодня живут многие стихотворцы многонациональной и многострадальной России. Так же тревожно и неуютно поэтам и в моём Дагестане, где в недавнем прошлом закрыли одно издательство, созданное в 1943 году и выпускавшее художественную и учебную литературу на 13 языках Страны гор. Хорошо, что смогли отстоять и сохранить Дагестанское книжное издательство, работающее с 1923 года и ставшее святыней духовной культуры народов Дагестана.

Но вернёмся к Виктору Лапшину, чей Божий дар и голос не заслуживают, чтобы их не слышали ни на своей славной земле, ни во всей великой стране с самой пророческой в мире литературой.

Впервые я узнал об этом поэте в 1989 году, когда приобрёл только что вышедший в «Советском писателе» сборник «Мир нетленный». К тому времени, как я позже узнал, он был автором книг «На родных ветрах» (Верхне-Волжское издательство, 1979), «Поздняя весна» («Молодая гвардия», 1985), «Воля» («Современник», 1986), «Желание» (Верхне-Волжское издательство, 1988).

В том же 1989 году московское издательство «Современник», готовя к выходу в свет мои стихи на русском языке, предложило их перевести Виктору Лапшину, а затем мне для ознакомления прислало готовые переводы, которые я с радостью одобрил. Я понял, что переводчик сквозь летаргический сон подстрочников увидел, услышал и уловил душу оригинала.

Моя книга в «Современнике» так и не вышла. Уже начиналось негласное изгнание национальных литератур из

столичных издательств. Переводы своих стихов я стал издавать у себя на родине. Когда наше местное издательство для выплаты гонорара переводчику потребовало у меня его адрес, я позвонил в бухгалтерию «Современника» и узнал адрес Виктора Лапшина. Затем, когда готовилась в Дагестанском книжном издательстве книга моих стихов на русском языке, я написал Виктору письмо и предложил сотрудничать. Предложение было принято. Так и началась наша дружба. Тут подошло бы сказать: эпистолярная дружба, так как мы ни разу не встретились. Но уже достаточно знаем друг о друге, о житье-бытье нашем, не говоря уже о нашем стихотворческом труде.

Виктору Лапшину в настоящем живётся очень трудно. Никаких жилищных условий. Только пророки могут творить в таких невыносимых обстоятельствах, в каких сегодня находится поэт. Долгие годы проработавший в районной газете, он в прошлом году ушёл из неё и хотел устроиться сторожем кожевенной фабрики, где получал бы зарплату 1000 рублей. «Лихо!» – писал мне Виктор, и я слышал его боль и обиду. Он хотел найти более легкую работу, но она так и не нашлась.

Ближе к его 60-летнему юбилею судьба «преподнесла» инфаркт, и скудная пенсия вряд ли обеспечит хотя бы чуть близкую к человеческой жизнь.

Вот так живёт истинный поэт.

Поэт русской глубинки – сердцевины России.

Поэт, в ком страдает и продолжается Россия и душа великого народа.

*В земном таится неземное.
Свет звёздный опочил в пыли.
От запредельного покоя
Невозмутимый сон Земли.*

*Она не видит и не слышит
Ни наших радостей, ни мук.
И вечным безучастьем дышит
Её неумолимый круг.*

*Никто Земли не потревожит
Под властью вещей тишины...
Коснётся истины, быть может,
Тот, кто её постигнет сны.*

Виктор Лапшин многоголосен. И имя этим голосам Мысль и Раздумье, обращённые внутрь себя, и Откровение и Беспокойство Совести, направленные в окружающий мир, чтобы привести его в духовное волнение.

Удивительно сочетаются в творчестве поэта умение перевоплощать местные, «захолустные» характеры в болевые точки общества и способность неожиданного «включения» истины в ходе разбушевавшихся размышлений.

Но, увы, о Лапшине почти забыли, его перестали слышать, и стихами армянского поэта Егише Чаренца можно это выразить точнее:

*Я был щедрее нивы зрелой,
покуда в сердце пламя теплилось,
Но, урожай снимая, нивы
моей атласной не заметили.
Сестра, возлюбленная, друг мой,
знакомые и незнакомые –
Все разошлись — и человека
за песней страстной не заметили.*

(Перевод А. Тарковского).

К сожалению, у Виктора Лапшина с 1989 года не издано ни одной книги, только отдельные его стихи изред-

ка публикуются в центральных изданиях. Только журнал «Наш современник» стал для поэта чуть ли не единственным окном в большой мир. Стихи Виктора, написанные за последнее десятилетие прошлого века, я нашёл лишь в четырёх номерах (всех номеров журнала за этот период не было в Национальной библиотеке Дагестана, в книгохранилище которой меня пустили вопреки правилам добрые хранительницы этого духовного очага. Спасибо им).

И в этих стихах Виктор Лапшин остаётся самим собой, но голос становится резче, интонации – ярче, мысль – уверенней, боль за Отчизну – глубже, одиночество – отрадней.

*Как все, я одинок, и только в том отрада,
Что, не в пример другим, об этом знаю я.
Любовь? Богатство? Власть? Мне ничего не надо.
О славе помышлять – забота не моя.*

А кто должен заботиться о поэте? О заслуженной им славе? Не мы ли, кто верит в его слово? Не любовь ли ближних, не богатство ли имущих, не власть ли, которая глуха к голосу поэта?

Много лет назад, когда Виктор Лапшин убедительно вошёл в литературу и занял в ней предназначенное судьбой место, он был благословлён Юрием Кузнецовым: «Снимите шляпу! Явился новый русский поэт». Хотелось бы, чтобы хоть теперь перед Виктором Лапшиным, оставшимся наедине со своим неповторимым и немалым творческим багажом, с инфарктом, бытовой и материальной неустроенностью, сняли шляпы в первую очередь власти города Галича и Костромской области и чтобы это выразалось в издании книг достойного земляка, в выделении ему хотя бы однокомнатной квартиры, в оказании материальной поддержки.

Но во власть верится с трудом, поскольку знаю, что в настоящее время она, себялюбиво что-то обещая, лишь

выражает своё презрение к просящим, не думая о выполнении обещания.

Но всё же, всё же...

А то, что сказано о Викторе Лапшине устами Юрия Кузнецова, сказано от имени всей России.

Поэтам в России могут помочь только те, кто верит в Россию и любит её, и те, кто понимает в наше неустойчивое время, что Поэт и рынок — понятия несовместимые.

P.S.

Эта статья была написана в 2004 году и была опубликована в «Литературной России» (№ 19 от 14.05.2004 г.). Включая ее в свою книгу, я в этот текст внес лишь небольшое исправление касательно поиска поэтом работы после ухода из газеты «Галичские известия». Виктор Михайлович умер 19 апреля 2010 года из-за острой сердечной недостаточности. К сожалению, его поэтическое наследие до сих пор не оценено по достоинству. А ведь Лапшин — один из выдающихся русских поэтов нашего времени.

ДАР МНОГОГРАННЫЙ

В лезгинской культуре Асеф Мехман занимает одно из видных мест. С его именем совершенно заслуженно связывают целую эпоху в национальной музыке. И это не случайно. Многие из песен композитора стали широко популярными и олицетворяют душу народа.

Асеф Мехман не менее интересен и как писатель. Сочетая в себе талант поэта, прозаика, драматурга и переводчика, он создал произведения, которые не проходят мимо внимания вдумчивых читателей. Тексты песен в сопровождении собственной музыки, оригинальные стихи и поэмы, особенно газели (эту древнюю стихотворную форму он мастерски заставил звучать удивительно со-

временно), повести, пьесы, по которым поставлены спектакли на сцене Лезгинского театра, мемуары, несомненно, являются убедительным свидетельством и реалистичным изображением времени, в котором жил и живет мастер. Главное и объединяющее все грани его творчества – это его неизменный оптимизм и вера в человека, честность и открытость, преданность национальному духу и культурным традициям родного народа. Эти качества не дают иссякнуть духовному потенциалу нашего аксакала. Он всё время в работе, в творческом поиске.

Меня в буквальном смысле потрясла его поэма «Безымянная могила», написанная несколько лет назад. Это произведение одновременно и исповедь, и предупреждение. В нём автор рассказывает о своём отце Мехмане Абдуллаеве, учителе лезгинского языка и литературы, который в 30-е годы прошлого столетия стал жертвой репрессий и как «враг народа» был сослан в лагерь. Попал он туда за то, что выступал за изучение в лезгинских школах Азербайджана языка Етима Эмина. Неожиданные сюжетные и композиционные повороты придают поэме особый динамизм и увлекательность.

Но меня удивила не художественная насыщенность поэмы, а реальные события, описанные в ней. В лагере Мехмана Абдуллаева судьба свела с некоторыми его знакомыми и приятелями из прошлой, свободной, жизни. Особенно поразителен тот факт, что в этой безвыходной неволе главный герой поэмы встречается и знакомится с земляком Гамидом Кахримановым, отцом будущего лезгинского боевого генерала Мугудина Кахриманова. Этот удивительный факт был установлен сыновьями невинных жертв террора по редким письмам своих отцов.

Без тревоги и волнения нельзя читать и финал поэмы, где описана встреча сыновей, продолжающих дружбу отцов-солагерников, исполняя их убитые мечты и вдыхая в ими заложенные дела новую целенаправленную жизнь.

Красной нитью через поэму проходит мысль поэта об идентичности лезгинского народа широкому ареалу своего исторического расселения и его праву быть сплочённым народом, живущим на древнейшей своей земле в едином административном образовании.

Хотелось бы сказать еще об одном факте из биографии Асефа Мехмана.

В 70-е годы прошлого века руководитель лезгинской секции Союза писателей Дагестана Алирза Саидов подготовил необходимые документы и предложил правлению Союза писателей Дагестана принять Асефа Мехмана – автора целого ряда поэтических сборников в Союз писателей СССР. Но председатель правления Расул Гамзатов сказал: «Композитору в нашем Союзе делать нечего». Между тем в Союз писателей принимались и чабаны, и доярки, и певцы, и рабочие, и чиновники из обкома КПСС, большинство из которых не обладали заметными способностями в писательском деле. С тех пор Асеф Мехман стал избегать всяческой встречи с Расулом Гамзатовым. Гамзатов знал об этом, звал к примирению, готов был принять поэта и композитора в Союз писателей, но Асеф Мехман был непоколебим: «Теперь я ни за что не вступлю в этот Союз!» И сдерживает своё слово до сих пор!

Это говорит о внутреннем духовном, нравственном и, подчеркиваю, национальном стержне Асефа Мехмана. Таким несгибаемым стержнем проникнуто всё его творчество – и музыкальное, и словесное.

КОНСТИТУЦИЯ ДУХА НАРОДА

Эпиграфом к этой статье можно было бы взять слова немецкого философа Хайдеггера, сказанные на одной из его лекций: «Язык – есть основа возможности истории. Он как бы ей предпослан и её определяет». На самом

деле, когда размышляешь о своем родном языке, «путешествуешь» по словарям, нелегко представить себе прошлое народа, его исторический путь и в какой-то степени предчувствовать его грядущее, так как язык каким-то магическим образом вмещает в себя все три времени существования того или иного этноса: прошлое, настоящее и будущее.

Поэтому, живя в многонациональном и многоязыковом Дагестане, нельзя не почувствовать и не разделить той обеспокоенности, выраженной нашей общественностью на разных масштабных мероприятиях последнего времени по поводу проблем сохранения родных языков.

В условиях современной бездуховности, которая, кажется, насаждается целенаправленно, здоровые силы пытаются все же довести до умов, от которых зависят судьбы народов и их языков, *что* нас ждет, если в ближайшем времени наши языки перестанут существовать.

Без своего языка народ перестает быть самим собой, становится, по слову одного мудреца, населением, теряет способность творить, перестает быть «мастерской», где создаются предназначенные ему свыше духовные и материальные ценности.

Ответ этим угрозам один – защищать язык всеми силами, начиная от каждого в отдельности носителя и заканчивая твердыми и надежными государственными законами. А это значит сберечь не только сам язык, но и конкретное мышление, обуславливаемое им, и тем самым неповторимое и единственное в своем роде. К тому же вернуть в массы подлинный патриотизм в отношении к родной речи в противовес нарастающему языковому нигилизму, особенно в молодежной среде, прививать любовь к чтению, использовать для этого все средства и возможности предоставления информации, в том числе и Интернет. Сегодня недостаточно просто издавать художественную литературу, газеты и журналы на родных

языках, они не всегда доходят до адресата и зачастую носят формальный характер. Тут немаловажно многократно увеличить объем телевидения на родных языках, чтобы оно не растворялось в огромном потоке иноязычной информации, поддержать морально и материально писателей, пишущих на языках Страны гор, и всех тех, кто творит язык, дает ему жить и быть источником духовных сил.

У нас в республике немало подвижников и настоящих защитников языков, которые посвятили всю свою жизнь сбережению и развитию родного языка. Один из них – известный лингвист, доктор филологических наук, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ и РД Ахмедулах Гюльмагомедович Гюльмагомедов.

Он родился зимой 1936 года в семье Гаджимурадова Гюльмагомеда, в селении Мугерган, которое входило в то время в состав Касумкентского района (ныне Магарамкентский район), в семье верного мусульманина. Позже, когда понадобилось указать точную дату рождения, было записано 8 января.

Учился в сельской школе. Был отличником. До сих пор сохранилась похвальная грамота об окончании седьмого класса. После седьмого класса поступил в Бакинский техникум советской торговли (бухгалтерское отделение), после завершения которого, преодолев соответствующие формальности, оказался на русско-дагестанском отделении историко-филологического факультета Даггоспединститута (нынешнего Даггосуниверситета). Учился на «хорошо», «отлично». На четвертом курсе стал стипендиатом имени С. Стальского. После окончания университета был направлен на работу учителем русского и лезгинского языков в сельскую школу. Не успел проработать и трёх месяцев, как был призван в армию (откуда был уволен в запас в 1962 г. в звании младшего лейтенанта запаса), после чего поступает в аспирантуру при Институ-

те языка и литературы им. Низами АН Азербайджанской ССР.

Кандидатскую диссертацию защитил в Махачкале (май 1967), докторскую в Институте языкознания РАН (Москва, 1978). Обе диссертации были посвящены актуальным темам дагестанской и общей лингвистики, о чём свидетельствуют сами названия: «Куткашенские говоры лезгинского языка», «Основы фразеологии лезгинского языка». В докторской диссертации содержится оригинальная концепция о функциональной сущности фразеологической единицы в языках различных систем. Термин «фразеосочетание» и его сущностное содержание стало новым словом в лингвистике, о чём говорилось на многих языковедческих форумах в стране и за рубежом.

Об оригинальности его концепции сопоставительно-языкознания отмечалось и в зарубежной лингвистике (см. Съпоставително езикознание. -1987. -№ 6. - С. 49-52. Софийский университет, Болгария).

С 1966 по 2008 гг. ученый работал на кафедре русского языка (лаборантом, преподавателем, старшим преп., профессором, зав. кафедрой). По инициативе Гюльмагомедова А. Г. была создана специальная кафедра русского языка и учебная литература по русскому языку для иностранных студентов, обучавшихся в Даггосуниверситете.

С 1997 по 2007 гг. в университете по инициативе профессора издавался лингвистический ежегодник под названием «Языкознание в Дагестане», главным редактором и составителем которого являлся он сам. Было издано 10 сборников, в которых печатались статьи языковедов РД, Северного Кавказа по лексике, фразеологии, грамматике, сопоставительному языкознанию, контактологии, социолингвистике, истории лингвистики, рецензии и др.

В 2008 г. по приглашению дирекции Института языка, литературы и искусства ДНЦ РАН перешёл на должность заведующего отделом лексикологии и лексикографии.

В числе научных публикаций значатся более 500 названий – словари одноязычные, двуязычные, толковые, учебники, журнальные статьи («Вопросы языкознания», «Вестник» РАН, вузовские, отечественные и зарубежные сборники научных статей и др.), отдельные издания «Языкознание средних веков» (2006 г.), «Сопоставительная грамматика русского и лезгинского языков» (2006 г.), «Введение в неологию (или вопросы новословия)» (2007 г.).

При содействии Гюльмагомедова А. Г. были подготовлены и изданы разговорники (русско-лезгинско-английский, русско-лезгинско-немецкий).

Он является соавтором учебников по лезгинскому языку для школ Азербайджана (I и II кл.) и Республики Дагестан (VIII и IX кл.).

Имеет более 20 учеников-лингвистов, писавших кандидатские и докторские диссертации под его научным руководством и работающие в различных учебных заведениях РД и за рубежом.

Профессор поддерживает тесные научные связи с учёными Москвы, Северного Кавказа, Баку. По его приглашению в Махачкалу приезжали из Москвы и читали лекции в ДГУ известные учёные страны Климов Г.А., Шагиров А.К., Алексеев М.Е.

В 2003 году переиздана работа ученого в 145 страниц «Лезгины в Турции», в которой описаны жизнь, быт, история жителей современных лезгинских сёл в Турции – Баликесира, Дюмбереза, Кирне, Дагестана, и даны образцы их лезгинской речи.

В настоящее время Гюльмагомедов А. Г. является главным научным сотрудником Института языка, литературы и искусства ДНЦ РАН.

В энциклопедии «Лезгистан» Гюльмагомедов А. Г. назван «крупнейшим ученым современности». Справедливость такой оценки Ахмедулах Гюльмагомедович недавно

еще раз доказал своим новым огромным научным трудом – «Словарем лезгинского языка» в трех томах, над которым начал работать еще в 70-е годы прошлого столетия. Общее количество страниц в издании – 2028, количество слов превышает 25 тысяч. Труд поистине титанический. Фактически ученый осуществил работу, совершаемую, как правило, целыми институтами и рядом квалификационных специалистов. Это духовный подвиг. Честь и хвала автору!

В первую очередь, нужно отметить словарный синтез, который отличает эту работу от множества словарей других языков. Данный труд является первым опытом толкового, интегрального, комплексного словаря.

В «Информации от автора для читателей «Словаря» сказано: «В словарной части приведены единицы в с е х уровнях современного я з ы к а (фонемы, морфемы, лексемы, фраземы, граммы), даются этимологические, синхронно-диахронические, стилистические, словообразовательные справки, указаны морфологические особенности, синтаксические правила. Значения слов, фразеологических единиц и их вариантов иллюстрированы текстами произведений фольклорной, публицистической и профессиональной художественной литературы XIX – XXI вв., образцами нормативной разговорной речи представителей всех трех (кюринского, кубинского, самурского (ахтынского) наречий лезгинского языка. В целях сохранения языка и языкового материала одна и та же особенность иллюстрирована несколькими примерами с указанием их источника, автора. В конце словарных статей приводятся явления, выражающие системные отношения между номинативными единицами (синонимия, антонимия) языка. В словарных статьях эксплицируются также характеристики лексикографируемой единицы, интересные для исследователей вопросов языковой картины мира, гендерной лингвистики и истории языка».

В словарь включены также лексические диалектизмы, важные для теории и практики литературного лезгинского языка.

Столь многостороннее, углубленное, убедительное «вхождение» в материю языка раскрывает читателю богатство языка и глубинность каждого слова. Примеры, приведенные из фольклорных и литературных текстов, отражают, как в зеркале, ход истории народа, «культурный слой» его становления. Эта «магия» словаря мне, как человеку, пишущему и думающему на лезгинском языке, очень близка и дает пищу для творчества.

Словарю присуща еще одна особенность, которая отличает его от практики составления словарей.. В нем «словарные статьи оформлены в соответствии с авторской концепцией о важности в них пунктуационных знаков, выражающих отношения между составными частями грамматической и семантической информации лексикографируемой конкретной единицы словаря». Можно с глубокой уверенностью сказать, что в мировой лексикографии нет ему аналогов как в техническом, так и в научном планах.

Одним словом, «Словарь лезгинского языка» Гюльмагомедова А.Г. представляет собой неисчерпаемый клад как собственно для лингвистов, так и для историков, для всех, кто говорит на лезгинском языке или изучает его самостоятельно. Этот многолетний труд должен быть высоко и достойно оценен, и, со своей стороны, я обращаюсь к научным учреждениям, в первую очередь, к Институту языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук с предложением выдвинуть «Словарь лезгинского языка» Гюльмагомедова А. Г. на соискание Государственной премии Республики Дагестан.

Этим своим бесценным трудом ученый еще раз убедительно показал и доказал, что язык – это самое дорогое,

что есть у народа, его лицо, душа, чаяния и стремления, его судьба. Эта работа свидетельствует и об огромной обеспокоенности Ахмедулаха Гюльмагомедовича за судьбу родного языка, как и за судьбы остальных языков Дагестана. Он, часто выступая в прессе, напоминает нашему обществу о необходимости и важности принятия в Дагестане «Закона о сохранении языков».

Язык – Конституция духа народа. Гарантом этой Конституции должен выступать не только народ, но и власть.

Когда-то поэт сказал: «И если завтра мой язык исчезнет, То я готов сегодня умереть». Многие хранители языков и сегодня повторяют их. Эти слова в советское время могли звучать как некая поэтическая метафора, противопоставленная разговорам об исчезновении в далеком коммунистическом будущем языков малых народов.

Сегодня, увы, угроза исчезновения дагестанских языков реальна, и тревожное чувство по этому поводу уже владеет нашей общественностью. Поэтому позиция «умирать сегодня» абсолютно не актуальна, потому что пессимистична и непродуктивна.

Зная, что завтра наши языки умрут, сегодня нужно бороться, делать все возможное и невозможное, чтобы сберечь родные языки.

Языки Дагестана не должны умирать завтра, так как они не должны умирать никогда.

СЛОВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ¹²

Грядущий юбилей «Литературной России» вновь и вновь напоминает мне о накоплении немалого количества лет и в собственной жизни, которую уже можно поделить на разные периоды, и в творческом, и в бытовом плане.

¹² Статья написана к 50-летию газеты «Литературная Россия», где и была опубликована (№ 20 от 18.05.2007 г.).

Жизнь шла и менялась, преподносила самые неожиданные «сюрпризы», не говоря о всех катаклизмах и потрясениях, приводивших в содрогание нашу великую державу. Все эти глобальные изменения в стране глубоко коснулись каждого из нас, разделив нас на бедных и богатых, верующих и имитирующих верование, любящих Отчизну и продающих её, преданных вековым идеалам и ратующих за сомнительные ценности, к которым не предрасположена общероссийская ментальность. Результатом всего оказалось, что мы имеем общество, в котором размыты границы между Добром и Злом, а зачастую они переходят друг в друга и «дополняют» друг друга. Мы просто взяли извечные две чаши весов и переделали в одно электронное устройство, которое, кроме цифр, ничего не показывает.

Пусть простит мне читатель столь пространные размышления, чем я предваряю историю своих отношений с «Литературной Россией». Именно эта газета смогла сохранить человеческое лицо и соединить в себе голоса самых разных и дальних уголков необъятной страны, самые глубинные порывы её, которые в нашем, к счастью, уже преодолённом безвременье и хаосе звучали и сегодня звучат единой молитвой о Правде, Чести, Совести, Любви к Родине.

Говоря о своей жизни, могу сказать, что она в миниатюре повторяет судьбу страны, она в швах от перенесённых душевных ран, но во все периоды сознательной жизни «Литературная Россия» была со мной.

Я более двадцати лет являюсь её неизменным подписчиком, и за эти годы ожидание и получение каждого номера для меня стали чуть ли не ритуальными.

В 1992 году, когда во время подписки из-за отсутствия денег мне пришлось отказаться от ряда излюбленных изданий, и передо мной стоял другой вопрос: на какое издание из оставшихся двух подписаться – на «Лезги

газет» на моём родном языке, издание, где я начал свою трудовую деятельность, или на «Литературную Россию»?

Я предпочтение отдал последней, поскольку «Лезги газет» я имел возможность читать в самой редакции, куда часто захаживал, а с «Литературной Россией» я расставаться не мог: боялся, что разлука оборвёт связь с большим миром, с большой литературой и сузит пространство духовного обитания.

Эти опасения в те годы нужно было одолеть любой ценой, так как «Литературная Россия» была первой газетой в моей жизни, через страницы которой я вышел к всероссийскому читателю. Когда в ней в 1988 году была опубликована моя первая подборка стихов с напутственным словом Льва Ивановича Ошанина, руководителя поэтического семинара, где я занимался во время учёбы в Литературном институте, в Союз писателей Дагестана на моё имя пришли письма читателей, выразивших свои положительные впечатления о моих скромных строчках. Это для меня стало незабываемой радостью. Кроме того, среди моих респондентов были и мои земляки-лезгины, живущие вдалеке от своей малой родины, в разных уголках Советского Союза.

Именно тогда я глубоко понял, как значимо художественное слово, и как много сил, труда, терпения требует писательская работа, чтобы творец, проникая своими творениями в души людей, не превращал своё перо в орудие уничтожения в человеке добрых начал, его стремление к прекрасному.

К сожалению, в наше время литература в подавляющем количестве занимается отражением нашей действительности, создавая некую «какофонию» ужасов дна жизни и низменных чувств. Но жизнь, к сожалению, всегда изощрённей в своих сюжетах, чем любой крутой сегодняшний сочинитель. Тогда стоит ли тиражировать зло, показывать его всеильность и неуязвимость? Добро

требует ухода, заботы, любви, умственного и духовного напряжения, как культурное растение, а зло растёт как сорняк. Описать зло также легко, как оно творится в нездоровом обществе. А это значит, что такая «литература» сама приумножает зло, и она не имеет права называться литературой в стране, богатой великими образцами словесности, в которых творцы отражают действительность с позиций торжества Добра, неподдельной любви к своей стране и её народу.

Притягательна именно такая сторона восприятия литературы у большинства авторов «Литературной России».

Моя любовь к данной газете берёт начало в моём далёком отрочестве. Моя первая встреча с еженедельником связана с моим учителем в литературе Шихнесиром Кафлановым (1923–1995), известным в Лезгистане поэтом, преподававшим родной язык и литературу в моей любимой Микрахской сельской школе, обращённой своим фасадом к священной горе Шалбуздаг.

Я учился в седьмом классе и тайно писал стихи, стесняясь показать их даже родным и близким.

Была весна. Шли короткие дожди, называемые в народе заячьими. Есть поверье, что это у зайцев слёзы радости. А радуются они потому, что в волчьих семействах родились волчата, и что хищникам в этот день не будет дела до зайцев.

В один из таких дней из-за заячьих слёз урок физкультуры для нашего класса проходил в небольшом школьном спортзале. Сидя на скамейке, я под ней, у стены, увидел необычно «толстую» газету. Поднимаю и читаю название: «Литературная Россия». Я был поражён обилием стихов, рассказов, критических статей и прочих удивительных материалов. Из известных мне газет ни в одной такого богатства и разнообразия публикаций я не встречал. Мне подумалось: стоит и дальше писать стихи и стать поэтом, коль есть на свете такая газета. В глубине души зажглась

мечта, что со своими стихами когда-нибудь попаду на заветные страницы.

А чья эта газета и как она попала в спортзал, я догадывался: Шихнесир-муаллим (учитель) иногда во время своих «окон» захаживал сюда к физруку пропустить стопочку-другую «джейраньего молочка»; так поэт называл водку. В углу спортзала стоял небольшой шкафчик с продетой сквозь дырочки в дверцах отрезком ржавой цепи, концы которой были замкнуты амбарным замком. Мальчики порой, пока отсутствовал физрук, раздвигали дверцы неуместного шкафчика и, хихикая, сквозь щелочку разглядывали початую бутылку «Экстры».

Конечно, ребята знали, что к чему. Но к этому относились как-то с взрослым пониманием, которое сводилось к тому, что поэту можно прощать иные прегрешения.

Находку я забрал с собой и, когда после уроков шёл домой, любуясь двойной радугой над всей нашей торжествующей весенними красотами долиной, услышал окрик Шихнесир-муаллима, зовущего к себе меня. Я подумал, что по поводу газеты и, подойдя, протянул её учителю: «Я нашёл её в спортзале». Он хитро улыбнулся и сказал: «Можешь оставить себе. Не потому я тебя позвал... Иди принеси свои тетради, что прячешь под подушкой...»

Я был удивлён и допустил мысль, что мой учитель литературы провидец, хотя тетради я хранил не под подушкой, а в ней самой. Но никак не подозревал, что об этом знают моя мать и бабушка.

Побежав домой, я скоро вернулся с тремя общими тетрадами в 96 страниц, без лишних пробелов заполненными стихами.

Шихнесир-муаллим из каждой отобрал по одному стихотворению: «Перепиши их и принеси мне завтра...»

Когда уже начались летние каникулы, 17 июня 1976 года в нашей районной газете «Новый мир» эти три стихотворных текста были опубликованы с предваряющим

словом Шихнесира Кафланова, свидетельствовавшего о том, как моя бабушка раскрыла учителю мою тайну...

С тех пор Шихнесир-муаллим давал мне почитать получаемые им номера «Литературной России», которые укрепили мою любовь к сочинительству и стремление к своей цели. «Ты должен учиться в Литинституте, – одухотворял меня учитель, когда я каждый раз приходил к нему со своими новыми опусами. – Я не смог, а ты сможешь, ты должен».

Будучи студентом Литературного института, я каждый летом возвращался на каникулы в родной Микрах и навещал своего учителя. Однажды (это было начало 80-х годов), когда я пришёл к нему, он достал бережно сохранившийся им номер «Литературной России», в котором была моя самая первая в газете публикация, и поздравил меня с ней. Это была небольшая рецензия на книгу кумыкского поэта Ахмеда Джачаева. Правда, она скорее была написана, возлагая большие надежды на предполагаемый гонорар, чтобы им как-то улучшить своё финансово-скудное студенческое положение. Но я так и не набрался смелости поехать в редакцию, утешив себя мыслью, что сама по себе публикация гораздо выше и дороже денежного вознаграждения. Этот опыт в нынешние времена мне очень даже пригодился...

Мы с учителем «обмыли» мою рецензию в его саду под раскидистой яблоней. Затем он завёл меня домой, в свой кабинет, где на письменном столе стоял портрет Есенина и лежал томик Омара Хайяма. Потом из старого сундука, в котором хранились рукописи, вытащил пожелтевшее письмо от Александра Фадеева, датированное 1945 годом. В нём тогдашний председатель Союза советских писателей приглашал молодого лезгинского поэта Шихнесира Кафланова учиться в Литературном институте. Таких приглашённых в Дагестане было двое. Вторым являлся Расул Гамзатов.

«А почему вы не поехали?! – с горечью спросил я, представляя себе те заветные вершины, которые он мог бы покорить в большой литературе.

«Я не мог оставить мать одну... беспомощной, – ответил Шихнесир-муаллим.– Но то, что ты учишься там, меня радует. Считаю, что и тебе адресовано это письмо».

Для меня сокровенно, что участие «Литературной России» в моей судьбе и работе связано с моим учителем.

Столь же памятна мне и встреча с Юрием Кузнецовым, чей приезд в Дагестан был организован редакцией «Литературной России». Он входил в делегацию, приезжавшую на церемонию вручения мэру города Махачкалы Саиду Амирову диплома «Лучший мэр». Это звание ему присваивалось по итогам проведённого газетой конкурса. В Республиканском культурном центре состоялся торжественный вечер. Там русский гений выступил со стихами, среди которых были и «Тегеранские сны», особенно бурно и одухотворённо принятые публикой. А встретились мы с поэтом в санатории «Дагестан», где остановились гости. Помню величественность и безмятежность Юрия Поликарповича. А какие стихи он нёс в груди, я знал давно по его сборникам. У меня с собой была его книга стихотворений и поэм разных лет «Золотая гора», и я попросил автограф. Он надписал: «Арбену Кардашову на память о встрече. Ю.Кузнецов. 28.03.2001 г.». Теперь эта дата всегда со мной.

Мне также приятно, что среди авторов «Литературной России» значатся и мои сокурсники по Литинституту Владимир Волковец и Константин Смородин. Каждая встреча с ними на страницах газеты мне приносит большую радость.

Благодаря «Литературной России» я нашёл новых друзей в Ростове-на-Дону. Это замечательные поэты и переводчики Николай Скребов, Александр Соболев, Евгений Кириченко, Эдуард Барсуков, с которыми переписываюсь.

ваюсь и созваниваюсь. А всё началось просто. Прочитав в газете интервью с Николаем Скребовым, я написал ему письмо и отправил свои подстрочники с вопросом: может ли он взяться за их перевод? Николай Михайлович не только сам включился в наше сотрудничество, но и других своих коллег подключил. Среди них была и преждевременно ушедшая из жизни Наталья Борисовна Апушкина, прекрасная поэтесса, чьи стихи мудры и светлы. Всех своих донских друзей я чту и благодарю за поддержку

Пользуясь случаем, хотел бы поблагодарить и Вячеслава Огрызко, Илью Колодяжного, Руслану Ляшеву, Ольгу Рычкову, Галину Дубинину, Вадима Дементьева, которые в своих статьях упоминали моё имя, тем самым поддерживая мои духовные силы.

Я уже писал в начале статьи, что ожидание и получение каждого номера газеты для меня стали ритуальными. Это действительно так.

Как правило, у меня в семье корреспонденцию из почтового ящика забирает мой младший сын Али, у которого больше свободного времени и который знает, когда принесут почту. Если он вовремя не окажется на месте, то вряд ли можно что-либо обнаружить в почтовом ящике, на который бесполезно ставить замок: всё равно взломают.

«Вот,– говорит мне сын, каждый раз кладя мне почту на стол и выделяя из неё для меня главное,– пришла твоя «Литературная Россия». Читай и радуйся!»

Я читаю и радуюсь.

Радуюсь, что жизнь продолжается

Радуюсь, что продолжается Слово.

СОКРУШИТЕЛЬ ТЕСНЫХ ДНЕЙ

Мурсал Алпан является одним из тех авторов, чье творчество занимает видное место в современной лезгинской словесности.

Придя в литературу в 70-е годы, он смело обозначил свою тропу, уверенно работал в поэзии и прозе и создавал убедительные в художественном отношении произведения.

Результатом его многолетнего труда на поприще слова стали книги: «Чираг», «Парус», «Тайна», «Наследие», «Алпаб», «Бигер»¹³, «Тесный день» и другие.

Произведения Мурсала переведены на русский язык Мариной Ахмедовой, Валерием Бармичевым, Станиславом Сущевским, Надеждой Тузовой, Максимом Алимовым, автором этих строк и другими переводчиками и опубликованы в республиканских периодических изданиях.

Творчество лезгинского писателя основывается на духовных памятниках национальной культуры, удивительной и неповторимой по своему содержанию. Доброй традицией у дагестанских поэтов стало использование для своего литературного псевдонима названия родного села. Выходец из древнего села Смугул Ахтынского района Мамедджафаров Мурсал, сын Худаверди, по-своему обновил данную традицию, прибавив к своему имени древнейшее название страны лезгин. Таким образом, поэт стал известен читателям как Мурсал Алпан.

И это не случайно. О Кавказской Албании и её глубокой и славной истории среди лезгинских авторов первым стал писать Мурсал Алпан, он в современной «литературной албанистике» является первопроходцем. На творческой ниве поэта тема Родины и народа является главенствующей бороздой. Поэт пропускает через свою душу, через

¹³ *Бигер* (лезг.) – подневольный труд, барщина.

своё беспокойное за судьбу Отчизны сердце думы и чаяния народа, наследует их природу и пытается найти исцеление народной боли. Голос поэта то звучит громко и тревожно, то становится тихим и спокойным, но ни в коем случае не лишается своей твёрдости, когда речь идёт о судьбе Родины. Тема Родины красной нитью проходит через всё творчество Мурсала Алпана и из стихотворения в стихотворение, из поэмы в поэму, не перестаёт будоражить сердца читателей. Она стала нетускнеющей молитвой поэта, и поэтому многие строки надолго западают в душу.

Приведу лишь небольшой пример:

*Когда над Родиной нависла беда,
То стоит ли тебя сбривать, борода?*

Мастерство поэта налицо.

Творчество Мурсала Алпана многогранно. Он поэт не только гражданского звучания, но и лирик. Его тихие размышления о жизни, о её разнообразных сторонах и «причудах» заставляют задуматься и учат смотреть на окружающий мир по-новому.

Отличительной чертой поэта является также его стремление и умение «полемизировать» в стихах с великими стихотворцами разных эпох и народов. Одной из форм такой деятельности является перевод лезгинским поэтом на свой родной язык произведений великих небожителей.

Поэт зачастую обращается к твёрдым поэтическим формам, к малым поэтическим жанрам, в которых порой и именитые мастера ломают свои перья. А Мурсал Алпан в этих формах вновь и вновь сохраняет своё поэтическое лицо и достоинство.

Разнообразие форм поэт совмещает с множеством тем. С технической стороны, замыкаясь в ограниченных формах, он добивается простора для своих мыслей.

Отдельно можно было бы говорить и о прозаических изысканиях Мурсала Алпана. Прозой он занимался в молодости, но сегодня я ему не простил бы того, что за прозу он берётся изредка. А ведь он мог бы и в этой области сделать немало на благо родной литературы.

Стоит ему возобновить и свою публицистику, которой он активно занимался в годы перестройки. Слово публициста Мурсала Алпана сегодня было бы также востребовано, как и прежде.

Одним словом, Мурсал Алпан является одним из активных и незаурядных писателей, пишущих на лезгинском языке, от которого мы вправе ожидать новые произведения с истинным алпановским накалом и с печатью мудрости и опыта, накопленного им за свою интересную и богатую событиями жизнь.

Писатель полон энергии и планов, и дай Бог ему здоровья и сил, чтобы осуществить всё задуманное.

БЕССМЕРТЬЕ СЛОВА¹⁴

В своей жизни я написал немало предисловий. Это не доставляло особого труда, так как под рукой находился текст, который надлежало предварить своими рассуждениями о нем.

А предисловие к номеру журнала, где будет представлено творчество молодых авторов, я пишу впервые, и это поставило меня в некоторое затруднение.

Если бы я располагал рукописью этого номера, я более легко вышел бы из положения. Но условие, предложенное литературным редактором, написать предисловие, не имея представления о материалах, мне показалось чрезвычайно интересным.

¹⁴ Этот материал был написан как предисловие к одному из номеров журнала «Гений», издаваемого издательским домом «Эпоха».

Что можно сказать литературной молодёжи?

Прежде всего, спасибо ей за то, что она есть.

За то, что она уловила в себе некую неотмирность, требующую сказать что-то этому миру.

Быть молодым поэтом или писателем – это осознать, что на этом поприще нужно учиться самому без посторонней помощи, без чужих советов и назиданий. Учителя, советчики нужны в приобретении знаний и опыта, в том числе и уроков жизни. Но раскрывающийся талант должен строиться только лишь на своей внутренней конституции. Здесь каждый, кто работает с художественным словом, воздвигает свой мир поодиночке, коллективность в этом деле непригодна, она убивает индивидуальность дара.

В молодости мы все – непризнанные гении. Помню это по своему родному Литературному институту.

Там, в моей альма-матер, каждый студент, поднимаясь по ступеням обучения, спускался по лестнице самооценки: на первом курсе ты – гений, на втором – великий, на третьем – талантливый, на втором – подающий надежду, а на пятом – бездарь.

Это, по-моему, и есть главный урок, извлекаемый студентами Литературного института в годы своей учёбы. Остальные знания они могут получить в любом другом вузе.

Чтобы дать возможность раскрыться своему таланту, молодому писателю важно постепенно избавляться от чувства своего превосходства, быть своим критиком и цензором, беспощадно доказывающими себе свою творческую несостоятельность.

Если ты сможешь восстать из своего пепла, то твой талант имеет право жить и процветать. Но своего цензора и критика не следует отпускать далеко. Им можно доверять и чаще приглашать в свою творческую лабораторию.

Литература в разные времена проходит через новые испытания.

У нее свои приливы и отливы.

Свои вдохи и выдохи.

Современный литературный процесс – как огромное штормящее море. Зловещее и небезопасное.

Всё смешалось в этом водовороте: добро и зло, правда и ложь, жизнь и смерть, красота и безобразие.

Молодому автору пристало присматриваться к опытному читателю. Опытный читатель, как настоящий пловец, стоит на берегу, ждет, когда утихнет шторм, или входит в море с большой осторожностью. А неопытный бросается головой в бушующие волны.

Что он обретёт в этом возмущении стихии? Только опыт, что стихию невозможно победить, пока она сама не победит себя. Ведь всякая буря предвещает очищение и покой.

Литература должна вернуться к равновесию. К разграничению Добра и Зла в себе.

Здесь всё зависит от человека, берущего в руки перо. Каждая эпоха предлагает писателям свои соблазны и барьеры. Барьеры трудно одолеть, соблазны убивают душу. Настоящий писатель предпочитает пройти через преграды, чтобы сохранить в себе человека и свое призвание творить.

Удивительно и прекрасно, что с тех пор, как человек обзавелся разговорной речью и письменностью, Слову отдается предпочтение бессмертья.

*Человек угасает, тело его становится прахом,
Все близкие его исчезают с земли,
Но писания заставляют вспомнить его
Устами тех, кто передает это в уста другие.
Книга нужнее построенного дома,
Лучше гробниц на Западе,
Лучше роскошного дворца,
Лучше памятника в храме.*

(Перевод А.Ахматовой)

Эти строки взяты из египетского текста конца II тысячелетия до н.э. Но как они значимо и убедительно звучат в наши дни!

Увы, сейчас читающих людей становится всё меньше и меньше. Но, хочется верить, – это явление временное.

А число пишущих, кажется, никогда не уменьшалось. Это и обнадеживает, потому что они – еще и читатели.

Есть еще люди, которые не только не читают книг, но и терпеть их просто не могут. Они считают, что всё знают и что писателю не дано отразить словом ту реальность жизни, которая порой невысказима и непредставима. Но эти люди не знают, что многие невообразимые страницы человеческой истории дошли до нас в подавляющем большинстве случаев отображёнными в Слове.

Поэтому пока еще никто не посмел отменить бессмертье Слова.

Художественное слово превращает душу человека в храм и доказывает её причастность к космическому порядку, доказывает, что в Слове присутствует высшая реальность, приводящая земную жизнь человека к очищению, ладу и красоте.

Быть молодым писателем – не бояться быть апостолом Добра в любой ситуации.

Я верю в творческую молодежь и желаю ей успехов.

Единственное пожелание: молодость проходит быстро, жгите её там, где больше нуждаются в свете.

Душевно ваш
Арбен Кардаш

НЕОБЫДЕННАЯ ТРАДИЦИОННОСТЬ

Несмотря на неустойчивое время, сопряженное социальными проблемами и трагическим ощущением на-

стоящей эпохи, многоязычная дагестанская литература, почти брошенная государством на произвол судьбы, все же робко дает о себе знать и пытается найти выход к читателям, ряды которых заметно поредели и в которых «время дьявола» отбило жажду к духовной пище, предлагая им взамен материальные ценности рыночных отношений и сомнительные «товары духовного потребления» в виде современного телевидения со всякими шоу и представлениями.

В самом деле, наша жизнь превратилась в бесконечное шоу, разыгрываемое по всей территории необъятной России, и наш Дагестан тоже идет в ногу со временем, легко отбрасывая вековые постулаты неписаных горских законов, ставившихся выше самой жизни.

Дагестанская литература нет-нет да ругает за «человеческое лицо» во всем происходящем, хотя и наблюдалось немало примеров пресмыкания перед зарождающейся буржуазией с волчьим оскалом, но те примеры, а мы уверены в этом, не имеют никакого отношения к настоящей художественной литературе, классическое восприятие которой непреходяще.

Среди обилия книг, вышедших за последние годы в разных издательствах, можно найти и серьезные образцы настоящей художественной литературы, хотя они оставались не замечены широкой публикой из-за привычного отсутствия в Дагестане профессиональной литературной критики.

К разряду таковых изданий относятся и книги даргинского прозаика, пишущего на родном и русском языках, – Ибрагима Ибрагимова.

Впервые с его творчеством я познакомился в 2004 году, когда он дал почитать мне рукопись своей будущей книги «Выстрел у придорожной сакли». Рукопись была прочитана неожиданно легко, поскольку я с первых страниц понял, что автор рукописи не какой-нибудь

борзописец, жаждущий славы и признания, а скромный, мыслящий, готовый принять серьезную критику профессиональный прозаик. Тут же я написал небольшое предисловие к книге, где были такие слова: «Рассказы Ибрагима Ибрагимова жизненны, порой, кажется, что в них нет ничего придуманного. Автор владеет писательским пером умело и со знанием меры. Это, по-моему, в прозе немаловажно, если не самое главное».

Действительно, Ибрагим Ибрагимов на сегодняшний день один из ведущих прозаиков Дагестана, ряды которых, к сожалению, не так уж и густы.

В своих рассказах и новеллах писатель из упомянутой книги демонстрирует принцип сжатости формы, усиливая нагруженность слова, расширяя его возможности, развивая напряженность описываемых событий и предлагая читателю стать как бы участником их.

В этом плане показателен небольшой рассказ «Выстрел у придорожной сакли». Тонкости горского менталитета, понимание героем такого понятия, как достоинство человека, выписано предельно четко и мастерски. Ожидание развязки нарастает, и самое неожиданное и главное в рассказе то, что она, развязка, не оказывается ожидаемой.

После книги «Выстрел у придорожной сакли» Ибрагим Ибрагимов в 2005 году одну за другой представил на суд читателей две книги: «Могила не схоронит тайну» и «Сон сбывается однажды». В обеих книгах основное место занимают повести, соответственно давшие названия книгам. Немало страниц в этих сборниках отведено и рассказам. В последней книге представлена еще одна повесть «Отмщение».

Повести «Отмщение» и «Могила не схоронит тайну» в какой-то степени произведения, написанные в едином ключе повествования, хотя и созданные с разницей в шесть лет (первая – в 1995, вторая – в 2001 г.) .

В обеих рассказывается о несчастной любви, отражены разные времена, что мы называем до- и послереволюционными периодами. Но, несмотря на сходство событий, судьбы и характеры героев разнятся коренным образом, они отражены убедительно и увлекательно. Есть еще одна общность у этих произведений: они не написаны, чтобы предложить читателю привычный для дагестанской прозы «счастливый конец». Это явно свидетельствует об отождествлении событий реальным явлениям. Но нельзя исключать и такую мысль, что автор в основу сюжетов своих произведений взял события, действительно происходившие в жизни. Если это так, то это тоже добавляет «очки» мастерству и таланту автора.

Нельзя прочитать без волнения и трепета в душе повесть «И сон сбывается однажды». Это, может быть, оттого, что она о войне и о вечной и нестареющей теме ожидания матерью сына, ушедшего на фронт.

Размеренная, но трудная, скучная на радости и увлечения сельская жизнь, будни обыкновенного ученого из Москвы, военные и другие события, взаимосвязанные в разных временных пластах, собраны в единую напряженную сюжетную канву, в которой трагическое и лирическое, жестокость войны и неуступчивость человека трудностям, чтобы оставаться самим собой, любовь и разлука и неожиданное счастье, приходящее как награда за все страдания и мучения, описаны и представлены без выдуманых излишеств, естественно и захватывающе. Писатель доводит повествование до такого уровня, что глубоко затрагивает душу читателя.

И в своих рассказах Ибрагим Ибрагимов отражает и прошлое, и настоящее. Пред нами предстают картины из исторических и трагических событий и из обыденности сельской или же близкой автору, долгие годы занимающемуся педагогической деятельностью, школьной жизни.

О чем бы он ни писал, его произведения напоминают

спокойную, но не скучную беседу, доверительный разговор, в котором читатель не останется внакладе.

В целом, проза члена Союза писателей России, автора 12 книг Ибрагима Ибрагимова, творящего в своем родном ауле Кища, живя среди своих героев уже написанных и будущих книг, несомненно, является неотъемлемой частью современного литературного процесса. Некоторая традиционность его прозы, на мой взгляд, в наше духовно обнищавшее время не только выигрывает тем, что остается связующим звеном с поистине нескудным и благородным наследием достойных предшественников, но и залогом того, что у серьезного и вдумчивого читателя остается право требовать у Ибрагима Ибрагимова еще новых и новых произведений, в которых он может предстать в совершенно новом и неожиданном ракурсе.

Да будет так!

ПОЭТ ПО СУДЬБЕ И ПРИЗВАНИЮ¹⁵

В последние годы стало доброй традицией издание представителями нашей интеллигенции книг, посвященных истории родных сел, что само по себе явление интересное и требующее внимания, поскольку все подобные издания «вливают» многообразную и ценную информацию в единую историю народа.

Своеобразным вкладом в упомянутое явление стала и настоящая книга, написанная и подготовленная к печати Азизом Мирзабековым, чье имя уже давно прославило его родное село Нижний Легер, что в Азербайджане. И в данном случае нам следует поговорить о самом авторе, так как он этого заслуживает.

Азиз Мирзабеков – лезгинский поэт и переводчик,

¹⁵ Статья впервые была опубликована как предисловие в книге А. Мирзабекова «Село Нижний Легер» (Махачкала, 2007).

который среди своих собратьев по перу и языку явно отличается и судьбой, и творчеством. Родился он в 1959 году в старинном лезгинском селе, название которого напоминает об одном из древнейших лезгинских племен. В 1989 году, окончив филологический факультет Дагестанского государственного университета, работал учителем в школе в своем родном ауле. После развала Советского Союза он стал издавать независимую газету «Сердечное слово» («РикӀин гаф»). Это название было сознательно перенято у созданного в 60-е годы прошлого столетия в Кусарах прославленными поэтами-патриотами Забитом Ризвановым и Лезги Няметом литературного объединения.

Номера этой газеты переходили из рук в руки; читатели, изголодавшиеся по книгам и прессе на родном языке, принимали «Сердечное слово» как дар свыше. Они впервые имели столько открытой и бесценной информации об истории народа, о вырванных или зачеркнутых страницах ее.

Переехав в 1993 году в древний город Дербент, где жизнь в те годы была также не сладка, Азиз Мирзабеков продолжал заниматься педагогической и творческой деятельностью, но прокормить семью с маленькими детьми, притом еще не имея и крыши над головой, было нелегко. Приходилось перебиваться и случайными заработками.

Тяжелые времена остались позади. Сегодня Азиз Мирзабеков – гражданин Российской Федерации, член Союза писателей и Союза журналистов России, автор десятка книг, изданных на лезгинском и русском языках, заслуженный учитель Республики Дагестан, декан педагогического факультета института «Юждаг», функционирующего в Дербенте.

Сохранить в себе в трудные годы жизни человеческое достоинство и писательскую прямоту, честность и нестигаемость могут поистине одаренные люди. Не зря азербайджанский поэт Фэхрэддин Гэрибсэс, чьи перево-

ды стихов лезгинского поэта на русский язык составили сборник «Песня ветра», отмечает: «Азиз Мирзабеков честен до предела, и это делает его поэзию весомее, значительнее».

Так же максимально честен наш собрат по перу и во всем своем многогранном творчестве. Огромный интерес среди читателей представляет его литературоведческое исследование «Поэтическое творчество Гасана Алкадари», где впервые дается анализ тюркоязычным стихотворениям автора знаменитого труда «Асари Дагестан».

Азиз Мирзабеков – превосходный переводчик, читающий Хайяма и Низами на языке оригинала. Им издано несколько переводных книг: в сборнике «Венок жемчужин» представлены шедевры европейских поэтов разных эпох и народов; в книге «Из сокровищницы русской поэзии» по-лезгински «заговорили» А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов, С. А. Есенин и др.

Особо значимой для нашей литературы оказалась книга «Из сокровищницы лезгинской литературы», где помещены произведения древнелезгинской письменной литературы со сведениями о древних авторах периода Кавказской Албании, чьи произведения, из-за утери оригиналов заново переведенные с сохранившихся на других языках текстов, обрели новую жизнь. Там же помещены переводы стихов лезгинских поэтов, писавших, по исторически сложившимся обстоятельствам, на восточных языках.

Работа с текстами древних авторов, безусловно, способствует появлению их «следов» и в стихах самого Ази-за Мирзабекова. Он, как мастер своего дела, тяготеет к твердым поэтическим формам Ближнего Востока, но мы с уверенностью можем сказать, что поэт в старые меха вливает новое вино, которое выдержано убедительностью таланта автора.

Заметным явлением перестроечных лет в Северном

Азербайджане и Южном Дагестане стала книга Азиза Мирзабекова «Новый Чапаев», в которую вошли сатирические стихи, обличающие само это смутное время и «первых лиц» районного и регионального масштаба, своим «набором» личин и масок искажавших и омрачавших настроения и чаяния народа, ожидавшего от них правды и смелости в те трудные, но судьбоносные годы.

Также интересны и значимы для нашей культуры его книги о лучших представителях Лезгинского государственного муздрамтеатра им. Сулеймана Стальского «Поэт театра» и «Волшебник сцены» и др.

Предлагаемая очередная книга, подготовленная Азизом Мирзабековым, также представляет собой «сплав» ценной информации об истории его села и односельчанах, прославивших не только свою малую родину, но и весь наш Лезгистан. Хочется верить, что эта книга будет востребована широким кругом читателей, интересующихся историей лезгинского народа, поскольку в самом названии села Нижний Легер «слышится» голос седой старины, самой истории.

Читателям этой книги желаю здоровья, счастья, благополучия, духовного единства и ощущения себя в этом единстве частицей гордого и устремившего свой взгляд в светлое будущее народа и быть преданными древней земле своих предков, храня верность своим историческим корням.

А автору хотел бы пожелать новых творческих свершений на поприще служения родной земле и своему народу.

В завершении своего предисловия мне невольно хочется процитировать стихотворение Азиза Мирзабекова «Деньги – всё, но не родина», которое не только украсит эту книгу, но само по себе символично для всего нашего жестоко разделенного народа. Эпиграфом автор взял отрывок из путевых заметок азербайджанского писателя Эльчина «Близкая далекая Турция», где говорится: «Од-

нажды в «Капалычаршы»¹⁶ владелец магазина антиквара-риата, оказавшийся лезгином, узнав, что я приезжий с Кавказа, сиротским взглядом посмотрел на развешанные по четырем стенам своего магазина золотые, бриллиантовые, серебряные, фарфоровые изделия, достойные находиться в лучших музеях мира и сказал: – Деньги – все, но не Родина!»

А стихи такие:

*Утрата Родины – беда большая,
И деньги – если все, не край родной.
В пословицах таится суть святая,
Пусть деньги всё, но только не покой.*

*Мы ценим отчий край лишь на чужбине,
Во тьме ночей о свете говорим.
А денег торжество придет и минет,
Нужна нам радость, коль в тоске горим.*

*И в этой истине обмана нет,
Не верит кто тому – печаль увидит.
Ты станешь богачом, услышав звон монет,
Но проживешь без Родины, в обиде.*

*С годами мир становится тесней,
Потянешься к родным с монетой в длани.
Пусть деньги слаще всех земных вестей,
Но знай, они не гость твой долгожданный.*

*Где ты родился – там твоя судьба,
Чужбинный рай тебя любить не станет.
Душа заночует, как душа раба,
Надежды конь останется в аркане.*

¹⁶Крытый рынок в Турции.

*Там, в Турции, где золото и халва,
Где жемчуг всем сердца нежданно гложет,
Лезгин изрек священные слова:
«Хоть деньги всё – но Родина дороже».*

ОЧИЩАЮЩАЯ СИЛА «ЗИЯРАТА»

Поэт, прозаик и драматург Абдуселим Исмаилов – фигура в современной лезгинской литературе известная. От каждого его произведения, представляемого на суд публики, почитатели ждут новых открытий и достижений, так как слово писателя давно стало неотъемлемой частью духовной жизни народа, доверие и ожидания которого литератор достойно оправдывает.

Выпущенная в свет Дагестанским книжным издательством в 2005 году книга Абдуселима Исмаилова «Свадьба в тюрьме» имела огромный успех среди читателей, о ней много писали и говорили в прессе, и даже строгие критики не могли скрыть своих эмоций и восторженности по поводу правдивости и своевременности произведений, вошедших в этот солидный сборник.

Действительно, книга «Свадьба в тюрьме», составленная из повестей, рассказов и драм, написанных за последние 15–20 лет, отражает, как в зеркале, наше полное противоречий время. Характеры и образы, созданные автором, взяты из самой гущи событий и потрясений последних лет, вопросы, поднимаемые писателем, – самые важные и острые, требующие безотлагательного решения, поскольку касаются духовного здоровья общества, которое прямо на глазах теряет вековые ценности, взамен обретает фальшивые и разрушительные ориентиры.

Поэтому не случайно, что Лезгинский государственный музыкально-драматический театр имени Сулеймана

Стальского свой новый, 101-й сезон открыл спектаклем по пьесе Абдуселима Исмаилова «Зиярат».

Первое, что нужно особо подчеркнуть, А.Исмаилов – один из лидеров среди лезгинских драматургов. «Зиярат» – шестой спектакль, осуществленный по его драматическим произведениям.

Второе, что примечательно, сам факт обращения театра именно к этой пьесе говорит сам за себя, так как она, написанная в стихотворной форме, резко отличается от предыдущих драматических произведений писателя, отличается и в подходе к теме и в ее художественно-философской разработке. Сжатость формы, наименьшее количество действующих лиц, ограниченность пространства и времени, в которых происходят основные действия, казалось бы, не должны были давать простора фантазии и мысли автора. Но он смог выразить невыразимое, как этого требует поистине поэтический и в то же время драматический текст.

Более высокую и одухотворенную завершенность драматический текст должен обретать на сцене. На это и была рассчитана пьеса, от визуального «прочтения» которой зависел конечный результат слияния и сработанности двух творческих стихий – изысканий и исканий драматурга и режиссера. Спектакль «Зиярат» – это тот редкий случай, когда и автор, и режиссер достигли поставленной цели, о чем свидетельствовала реакция публики, которая долго после завершения спектакля стоя рукоплескала и актерам, и драматургу.

Режиссер Мирзабек Мирзабеков, чей удивительный и убедительный талант одухотворяет и радует зрителей, на сей раз превзошел себя, выдав глубоко духовное, философское и в то же время непрерывающееся в своем развитии и притягательности действие, единое, целое, гармоничное представление, в создании которого постановщик также был ограничен в средствах выражения.

В течение всего спектакля ни разу не менялись декорации (художник Д. Исаков), и весь сюжет, вся словесно-сценическая канва прошла как бы на одном дыхании.

Немаловажную роль сыграл фактор темы: жестокие нравы, потребительские, коммерческо-криминальные отношения, доминирующие в современном обществе и постепенно пробирающиеся в святые места, которые столетиями оставались неприкасаемыми для, мягко говоря, торгашеских дел. Успех спектакля – в большей степени от накопившейся боли в сердцах простых людей и обиды, что красота беззащитна. Именно это постигли его творцы и передали зрителям.

Слово «Зиярат» в переводе с арабского означает «посещение». В понимании мусульман это посещение священных мест, где захоронены мученики за веру и святые люди. Это – посещение, дающее очищение.

В наши дни, когда люди, уставшие от душевных и социальных неурядиц и потрясений, ищут защиты и спасения в вере, обретая в ней утешение и покой, увы, разгулялся и злой дух разложения – поклонение материальным «божествам». Именно этот конфликт между духовным и бездуховным, красивым и безобразным, низменным и возвышенным взял в основу своей пьесы Абдуселим Исмаилов, именно в ключе столкновения двух противоборствующих сторон, добрых и злых начал в человеке осуществляет свою режиссерскую задачу Мирзабек Мирзабеков.

Сценическое воплощение ангела-хранителя (Ф. Зейналова) и дьявола (А. Габибов), пронизывающее весь спектакль от начала до конца, красочно свидетельствовало и напоминало о разделенности на две непримиримые части души современного человека, за разумом которого стоит выбор дальнейшего пути. И, судя по спектаклю, редко кому удастся подниматься над низменными и корыстными чувствами, совершать по вековым правилам

зиярат во имя собственного духовного и душевного очищения – и перед своей совестью.

В спектакле есть лишь один земной герой, который преодолел искушения дьявола и материальные соблазны бренного мира, – это хранитель святых могил на пути к вершине горы, куда паломники держат путь, отшельник Пир-Гасан. Эта роль, великолепно сыгранная Абдурашидом Махсудовым, еще раз доказала, как многогранен, точен и ясен дар этого поистине выдающегося актера. Каждое слово, оброненное им, каждый жест поражали и приводили в восторг так, что в затихшем зале зрители, ставшие единым целым, в каждой сцене с участием этого актера непременно постигали моменты истины, за которой пришли в театр.

В ходе спектакля разные по содержанию сценки «цементировались» пением женского хора. Невольно возникло ощущение присутствия элементов древнегреческого театра. Но здесь следует упомянуть и о другом таком немаловажном факте: женское хоровое пение у лезгин имеет очень глубокие и живые корни, почти во всех народных песнях разговор ведется от имени женщины, выражает ее видение того, о чем поется.

А в спектакле «Зиярат» женский хор исполнял сугубо духовные песни, которые, являясь неотъемлемой частью и пьесы, и режиссерской задумки, сами по себе могли бы стать отдельными самодостаточными творческими «жемчужинами», так как это хоровое пение явно отличалось от народных песен своей религиозной значимостью, представляя собой истинные образцы хоровой молитвы.

В этом достижении – и заслуга композитора Мавлудина Хаирова, написавшего музыку к спектаклю. В песнях ангела-хранителя и дьявола, а также одной из главных героинь Серинат (З.Кухмазова) автор музыки, сохраняя приверженность к глубинным корням национальной музыки, создал приятные для слуха и души песни, которые

явно выигрывают на фоне современного засилья эстрадных «песен».

Нельзя не отметить и всех актеров, занятых в спектакле, каждый из которых играл, охваченный единым порывом и духом сценического материала и идеи, вложенной в него. Замечательные артисты Э.Багишева, Х.Буржалиева, П.Азизова, И.Рамазанов, М.Мамедов и другие создали яркие образы и характеры, отражающие наше, с одной стороны, яростное, но с другой, – не лишённое желаний вырваться из шумной суеты к вершинам духовности время.

Я уверен, что зритель, смотря на происходящее на сцене восхождение героев спектакля на священную, близкую к небесам и Всевышнему гору, совершил свой, глубоко внутренний зиярат, испытав катарсис (я здесь специально использую это античное слово, означающее «духовное очищение»), ибо настолько завораживающим, увлекающим, убедительным и отличающимся получился спектакль.

Он мне напомнил очень правдивый старый фильм по пьесе Ч.Айтматова «Восхождение на Фудзияму». Великий киргизский писатель в своем произведении рассматривал и изучал те же, что и в пьесе Абдуселима Исмаилова, духовно-нравственные проблемы. В наше время эти вопросы обострены иными, в корне новыми для нас общественными, социальными, политическими и духовными условиями, что создателям спектакля явно осложняло задачу. И они достойно справились с ней. Это радует и дает надежды на будущее.

ПУТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ВОСХОЖДЕНИЯ

Удивительно и радостно, что в наши дни ещё пишут стихи и издаются поэтические сборники. Значит, поэты,

ведомые «седьмым чувством», знают, что их творения нет-нет да и отзовутся в чьих-нибудь горящих сердцах.

Вот и хотелось бы поделиться размышлениями об одной из новых поэтических книг, вышедшей в свет недавно. Называется она просто и привлекательно «Нездешний цветок печали» (Издательство «Юпитер», 1997). Она открывается доверительными стихами, обращёнными к читателю:

*Читатель, признаюсь тебе в любви,
И, не ломаясь, кланяюсь травой.
Придвинь меня к лесам, где соловьи,
Толкай меня, ты – личный ветер мой.*

Автор этих строк Гусейн Гусейнов – профессиональный педагог. Живя и работая в знаменитом лезгинском селении Алкадар, он пишет свои стихи на русском языке. Это придаёт его стихам особый колорит. Читая их,ловишь себя на мысли, что перед тобой чисто лезгинские стихи, чувствуешь дух легендарной Алкадарской долины, да и всей лезгинской земли.

Гусейн Гусейнов – не новичок в литературе. Он пишет и публикует свои стихи давно. Несколько лет тому назад издал сборник стихов «Покоя сердце просит», благодаря которому читатель открыл для себя интересного и самобытного поэта, ищущего и мыслящего человека, которому предопределён путь поэтического восхождения. И новая книга ещё раз подтвердила это.

В чём превосходит вторая книга первую? Думаю, многообразием тем и многогранностью изобразительных средств, а следовательно, и мастерством. Если в первом сборнике в стихах присутствовала туманность, размытость мыслей, то в новой книге автор конкретен и чувствует под собой твёрдую почву.

*Мне надоела жизнь,
В которой жизни нету.
Из множества отчизн
Мы выиграли эту.*

«Выиграли» – не случайное здесь слово. В нём – вся соль. Художественная канва книги «соткана» из размышлений поэта о том, что выиграл его лирический герой в жизни, «в которой жизни нету» и оттого ещё более дорогой и кровной.

В книге мысль и экспрессия, ирония и грусть, облачённые в традиционные и непривычные для дагестанской поэзии формы, чередуются друг за другом. И в этом плане тематический разнобой в книге представляет собой некий обдуманый «монтаж» единой киноленты, запечатлевшей цельную драму жизни.

О стихах и об их авторе красноречивей и убедительней скажут только сами стихи. К слову сказать, в книге Гусейна Гусейнова немало строк и о стихотворчестве. В них поэт осмысливает тайны поэтического мастерства и своё предназначение:

*Несу букет в охапке, как дрова.
Пусть как угодно это назовёшь ты.
Но я подброшу нежные слова
Так высоко, что превратятся в звёзды.*

Трагичен голос поэта в стихах-раздумьях. А трагизм всегда граничит с афористичностью:

*«А ты оставайся собой», –
Себе без конца говорил я.
И тотчас обрезали крылья,
Что выросли за спиной.*

Большинству стихов присущ иронический настрой. Но по-особому колоритны строфы, навеянные фольклорными мотивами:

*Пошёл я на лисью охоту
С ружьём с золотою насечкой.
Прицелился. Пуля попала
В ворону. Теперь с ней живу.*

На мой взгляд, книга Гусейна Гусейнова «Нездешний цветок печали» имеет ряд преимуществ, чтобы стать заметным явлением сегодняшней литературы. Надеюсь, что она дойдёт до своего читателя, который найдёт в ней прекрасного и мудрого больше того, что я сказал в своём небольшом отзыве.

НЕПОВТОРИМЫЙ МИР ДЕТСТВА

Следя за литературными новинками, больше всего тяготеешь к известным авторам, чьё творчество не раз являло себя в профессионально-качественной форме, и каждый раз с выходом новой книги того или иного писателя ожидаешь большего, новизны. Хорошо, если обойдётся без разочарований. Радостней вдвойне, когда открываешь в новой книге неизвестные грани таланта автора, представляющего на суд читателей очередную свою книгу. Так было с новой книгой Агалара Джафарова «Чудесный разговор», недавно увидевшей свет в Дагестанском книжном издательстве.

Творчество Агалара Джафарова мне известно с его первого сборника стихов, изданного в упомянутом издательстве в 1990 году. С тех пор я стал наблюдать за его творчеством и духовным восхождением. Он не только поэт, но и прозаик, собиратель фольклора, составитель

интересных занимательных книг. Одна за другой стали выходить его прозаические книги «Мой Геджух» (1994), «Самое дорогое» (1995), «С Аллахом в сердце» (1996), которые не остались без внимания критики и были оценены как серьёзные заявки состоявшегося писателя, которого скоро приняли и в ряды Союза писателей России.

Составленные Агаларом Джафаровым сборники «Пословицы, поговорки, загадки» (1995) и «Изречения, кавказские тосты, занимательные вопросы, прибаутки» (1996) также были тепло встречены читателями.

В новой книге «Чудесный разговор» автор демонстрирует свою склонность к жанровому многообразию, здесь, под одной обложкой, собраны повести, рассказы, очерки, сказки, этюды, юморески и стихи. Чем объединено такое количество жанров? Стержневой идеей служит то, что все произведения адресованы представителям подрастающего поколения.

Пользуясь случаем, следует особо отметить, что и автор, и издательство, чувствуя полный дефицит в современной дагестанской литературе книг подобной направленности, восполнили данным изданием пробел. К тому же произведения, вошедшие в книгу, со своей стороны представляют достойный педагогический материал.

Главные повести книги «Игры нашего детства» и «Черри Райп» посвящены школьным годам и мечтам подростков, готовящихся вступить во взрослую жизнь.

Казалось бы, всё сказано и написано на данную тему. Но Агалар Джафаров старается доказать, что эта тема неисчерпаема, так как детство каждого человека – это само по себе неповторимый и не схожий с другими периодами жизни отрезок. Оно, детство, определяет и устанавливает основы всей будущей взрослой жизни человека. Здесь главное, чтобы рядом с «жителями детства» находились мудрые, с ценным, неподдельным нравственным и жизненным багажом взрослые, которые «куют» будущее из своих воспитанников.

Таковыми людьми в повести «Игры моего детства» выступают дедушка и отец главного героя. Конфликт, возникший между внуком и его отцом, дедушка решает наглядным и убедительным примером, что все обиды и недоразумения блёкнут перед мудрым и глубоким пониманием бытия дедушки, прожившего долгую нелёгкую жизнь. Главный урок повести – не пренебрегать этим кладом жизненного опыта тем, кому суждено жить в грядущем.

Повесть «Черри Райп» («Черри Райп» – «Спелой Вишней» называет главный герой свою любимую девушку) интересна сюжетными коллизиями и неисповедимой внутренней «стихией» героев.

В таком же ключе написаны и рассказы «Два брата», «Белый», «Чай со свечами», сказки «Козлёнок и Ослёнок», «Сказка о бедном Селиме».

Не случайны и очерки «Весь мир на ладонях» и «Излучающая свет божественный», они о простых людях, проживших богатую событиями и душевными потрясениями жизнь, сумевших сохранить в себе человеческий стержень и доброе сердце, являющееся источником внутренней красоты и образцом духовного обогащения.

В целом новая книга Агалара Джафарова ценна не только как литературное издание, адресованное «племени младому», но и как действительный, жизненный материал, способный трогать сердца и души читателей. Вопрос заключается в следующем: возьмёт ли молодое поколение, воспитываемое компьютерами и мобильными телефонами, книгу в руки? Для этого необходимо трудиться взрослым: издавать побольше хороших книг, прививать вкус к художественному слову, пропагандировать свои национальные духовные ценности и учить уважать их наряду с общечеловеческими. А дагестанские писатели в этом деле не окажутся в стороне.

ОН НЕ РАЗРУШИТ ДОМ ПАУКА

За последние несколько лет в дагестанской литературе наблюдается ярко выраженная «поступь» даргинской прозы. Безвременный уход из жизни большого писателя Ахмедхана Абу-Бакара еще на заре новой капиталистической эпохи, быть может, и настраивал читателей на некий вакуум в области полновесной и полнокровной прозы, но, к счастью, оказалось, что уроки и творческий пример выдающегося мастера не прошли даром, и в даргинской литературе получила размах деятельность двух талантливых прозаиков: Касумбека Миграбова и Ибрагимов, за чьим творчеством я с большим интересом наблюдаю и чьим успехам радуюсь.

Также отрадно, что один из значимых и передовых представителей старшего поколения писателей, истинный кубачинец-златокузнец большой прозы Магомед-Расул приятно удивляет своими неординарными, неожиданными и смелыми по творческому замыслу, разработке материала и притягательностью к новаторскому риску повестями (отмечу в скобках, доверенными автором мне для чтения еще в рукописи) как «Ясновидящий дурак», «Нечистая сила», «Колдовские ночи» и «Акташ», написанными за эти последние годы, годы повального ущемления духовности.

«Мы дети страшных лет России...» На ум приходит именно эта полная горькой истины и соизмеримая с нашим временем блоковская строка, когда мысленно представляешь наше всероссийское лихолетье с прибавкой еще и дагестанского «акцента».

Это мужество, – не растерявшись перед неопределенностью и непредсказуемостью времени, вернее, безвременья, оставаться художником, творцом с человеческим лицом. Именно это качество и позволило вышеупомянутым авторам поддержать и развивать в роковые годы свою на-

циональную культуру через художественное слово, даже несмотря на то, что сегодня писатели привыкли не ожидать благодарности за свой каторжный труд. Примеры подобного духовного подвига, к счастью, есть и в остальных национальных литературах Дагестана. Но вопрос заключается в другом: готово ли общество принимать тот ежеминутно спасаемый «прорабами духа» «оазис» вековых ценностей как Совесть, Человечность, Доброта, Любовь, Дружба, Порядочность?

К таким размышлениям на сей раз меня подвигло выдвижение Союзом писателей Дагестана книги Касумбека Миграбова «Годы без весны» (Дагестанское книжное издательство, 2004 г.)

Сам по себе этот факт примечателен тем, что наша писательская организация отдала предпочтение именно прозе Касумбека Миграбова, который является и талантливым поэтом, и своеобразным драматургом. В каждой соответствующей творческой ипостаси наш коллега покорил немало труднодоступных вершин.

Книга «Годы без весны» – также одна из таких взятых им вершин в прозе.

В книгу вошли два больших романа «Годы без весны» и «Пленник», что является неоценимым подарком для ревнителей национальной литературы, поскольку само появление романа (как ценность литературы в традиционном нашем понимании) в перестроечные и последующие годы в дагестанской литературе стало редкостным явлением. В этом контексте неудивительно, что книгу Касумбека Миграбова замыкает большая и содержательная статья уважаемого профессора А.М. Вагидова, который детально разобрал оба произведения и дал им соответствующую оценку. Вряд ли у кого-либо другого подобный литературно-критический анализ получился лучше, чем у профессионального литературоведа и критика, знающего творчество данного писателя во всех его проявлениях.

Поэтому хотелось бы только вкратце отметить поэтические достоинства прозы Касумбека Миграбова.

Хотя романы располагают к эпической многогранности и многомерности, автору «Годов без весны» и «Пленника» все же не изменяет на их страницах поэтическое восприятие окружающих реалий. Вернее, поэтические стороны изображаемой действительности Касумбек Миграбов стилистически выражает в эмоциональных описаниях природы, народной жизни, забот и трудов людей, работающих на земле или на ниве духовного созидания и, наконец, в изображении самого духовного труда, красоты светлых чувств.

Особенно богата поэтической насыщенностью «малая проза» Касумбека Миграбова, также представленная в книге «Годы без весны». Это рассказы и «сказки для души», так точно и изящно определил автор «жанр» своих миниатюр. Многие из этих «лирических отступлений» (так названы миниатюры в редакционном предисловии к книге) скорее напоминают белые стихи без названия. Они прекрасны скромностью в словесном обрамлении, без излишеств, переходящих границы краткости и меткости, и глубоки в своей мысленной пространственности.

Для наглядности приведу один пример:

«Из прожитых семидесяти лет пятьдесят он ходил за сохой.

Однажды он на сохе, оставленной возле борозды, увидел паутину, свитую пауком за ночь.

Первый раз в жизни он не вышел в поле.

Он не смог разрушить дом паука...»

В этой с первого взгляда неприхотливой миниатюре создан образ неиссякаемой веры. Веры в могущество, мудрость и вечность Всевышнего.

«Он не смог разрушить дом паука...» Тут приходит на ум эпизод из жизни пророка Мухаммеда в период его гонений и чудесных спасений. Спасаясь от своих пре-

следователей, пророк с Абу Бекром скрылись в пещере, а перед входом в нее тут же выросла акация, на ветвях которой свила гнездо голубица, а паук обвил развесистую крону дерева паутиной.

Вот что вспомнил пахарь из «стихотворения в прозе» Касумбека Миграбова! А он, автор, этой небольшой деталью раскрыл огромный духовный мир пожилого горца.

Думаю, далее излишне говорить о преимуществах писательского дара даргинского писателя. Талант его, несомненно, представляет собой «месторождение» неожиданных и удивительных образцов художественного слова. Будь это большие романы как «Годы без весны» и «Пленник» с охватом целых эпох, жизненных коллизий привлекательных героев с разными характерами или же небольшой трогательный рассказ из жизни «братьев наших меньших» как «Бескрайняя синева», писатель умеет распределять свой духовный опыт и свой дар соразмерно жанру, сохраняя убедительность и востребованность таланта и точно расставляя все акценты в стремлении к поставленной художественной задаче. Это и дает, на мой взгляд, автору сохранять свое лицо и оставаться в форме.

СОДЕРЖАНИЕ

Ушедшие в корни

Возвращение Низами	6
Расхищение Низами, или Синдром горящей шапки	37
Второй ответ авторам. «Похищения Низами»	50
Бессмертно только имя	68
Корона светлых голов	73
Воскресший из забвения	78
Противовес запустению	89
Журавли Эмиралы	95
Преодоление уродства мира	103
Хоть одного из нас создай ты вечным	111
Кто знает истину?	114
Одиссея Гомера XX века	121
Прижизненная слава и посмертная трагедия	128
Непреходящая суть Сулеймана	135
Поэт, остающийся в тени эпох	138

Голоса наших дней

Расул Гамзатов и «Лезгинская Эллада»	148
Вместе с поэтом	155
Обретение смысла	158
И мысль животворила слово	161
Шаг к истине	165

Пример мужества и мудрости	171
Смехотворец	177
Неугомонный Сажидин	186
Посланец Шалбуздага	189
Нежность облака, твердость алмаза	193
В неумолимом круге	196
Дар многогранный	201
Конституция духа народа	203
Слово продолжается	210
Сокрушитель тесных дней	218
Бессмертье слова	220
Необыденная традиционность	223
Поэт по судьбе и призванию	227
Очищающая сила «Зиярата»	232
Путь поэтического восхождения	236
Неповторимый мир детства	239
Он не разрушит дом паука	242

АРБЕН КАРДАШ

(Арбен Мехединович Кардашов)

СЛОВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Редактор *Н. Раджабова*
Художественный редактор *М. Левченко*
Художник *Р. Джамамедов*
Корректор *Д. Багдасарова*
Технический редактор *В. Гаджиева*

Лицензия ИД 05334 от 10.07.01.

Подписано в печать. 15.04.2013. Формат 84x108^{1/32}
Бумага офсетная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 10,5.
Усл.печ.л. 13,0. Гарнитура «Minion Pro». Тираж 300.
Заказ № 58. Цена свободная.

ГАУ «Дагестанское книжное издательство»
Министерства печати и информации РД.
367025, Махачкала, ул. Пушкина, 6.

Сверстано и отпечатано
в ООО «Дельта-пресс»